

Р. А. БАЛАКШИН

РАЗУМ И СОВЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Иностранцы о Сталине
Иной Сталин
Сталин помог
Статьи

ВОЛОГДА
2008

Автор-составитель Р. Балакшин

*Автор сердечно благодарит добрых русских людей,
трудами и заботами которых
эта книга вышла в свет.*

РАЗУМ И СОВЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(Иностранцы о Сталине)

Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив, здоров. Только Сталин может спасти мир!

У. Черчилль

Сталин не ушёл в прошлое — он растворился в будущем.

Ш. де Голль

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учёные-историки, простые читатели, изучающие биографии выдающихся государственных деятелей XX века, знают, что сейчас больше всего пишут об И. В. Сталине. Ни об одном крупном историческом деятеле той поры не выходит столько исследований, научно-популярных биографий, публицистических и художественных произведений, сколько о нём. Вне сомнения, что XX век — это, прежде всего, эпоха Сталина.

Но, когда знакомишься с этим поистине книжным валом, вместо законной гордости за великого человека, прославившего нашу Родину, испытываешь вскоре горькое разочарование. Ведь в то же время, ни о ком не сочиняется столько небылиц, ни о ком не публикуется ни на чём не основанных грязных сплетен, никого людская злоба не травит так изощрённо и неустанно, как Сталина. В книжном море лишь изредка промелькнёт правдивая книга, опирающаяся на документы, не гонящаяся за дешёвой сенсацией. В большинстве книг Сталину приписывают едва ли не все пороки, которые могут гнездиться в извращённом человеческом сердце, едва ли не все виды преступлений вменяются ему в вину.

В истории есть такой феномен — Правда времени. Историки, журналисты, писатели, дипломаты, политики о современных им событиях лгали и будут неизбежно лгать. Однако по большей части это относится к мелким событиям. О событии важном, которое видят и лично переживают сотни миллионов людей, сразу начать лгать невозможно. Люди не поверят. Сейчас во весь голос трубят о решающей роли во Второй мировой войне США. В 1945 г. все неопровержимо знали, что не бомбёжки англичан и американцев, не дивизии Монтгомери и Эйзенхауэра поставили немцев на колени. Это сделала могучая Красная Армия, которую возглавлял маршал Сталин. Если бы в то время кто-нибудь рискнул превозносить США, как победителя в войне, в лучшем случае над ним бы посмеялись, в худшем назвали бы лжецом, а то и побили.

Какие бы нежные чувства ни питали к Б. Ельцину его недавние приспешники, никто из них сейчас не сможет написать о нём, как о человеке скромном, воздержанном, трезвенного образа жизни. Правда времени не позволяет этого сделать. А лет через тридцать-сорок, когда вымрут очевидцы его преступлений и пьяных непотребств, о нём можно будет сострепать весьма правдоподобный миф, как об отце нации, подарившем веками прозябавшему в рабстве русскому народу долгожданную свободу.

Точно так же трудно сейчас говорить о державном образе мыслей человека, по чужеземной указке затопившего космическую станцию «Мир», закрывшего базы на Кубе и Вьетнаме, допустившего создание военных баз геополитического противника (и, скорей всего, врага в возможной войне) вблизи собственных границ. А спустя полвека о нём могут испечь вполне съедобный пирог как о титане, укрепившем пошатнувшиеся было основы демократии в России, грудью стоявшем

на защите прав человека (не иметь работы, умереть с голоду, быть выселенным из квартиры и т. д.).

А вот со Сталиным уже возможно проделывать любые фокусы. Неоспоримая правда жизни забылась, очевидцы его подвигов и свершений вымерли, и сейчас правят бал клеветники и продажные убийцы из-за угла. Только в руках у них не финские ножи, а пишущие ручки «Паркер».

Милован Джилас писал: «о личности и сотворённом о ней мифе».

До 1956 все знали Сталина как мудрого учителя, гениального полководца, корифея всех наук и самого человечного человека. Быть может, это был миф с непомерно большим знаком **ПЛЮС**. А после 1956 года Сталин превратился в изверга, тирана, бездарного полководца, руководившего войной по глобусу, забросавшего немцев от Москвы до Берлина трупами. Это тоже миф, но с грандиозным знаком **МИНУС**, с множеством нелепостей, выдумок, клеветы, некогда бытовавших и сочинённых недавно лживых баек.

Новый миф о Сталине создают люди, никогда не занимавшиеся конкретным делом, профессиональные трепачи, бумагомараки и все до одного природные предатели, готовые сию секунду изменить, отречься от того, что говорили пять минут назад в угоду новому (и, главное, более денежному) хозяину.

Так, например, патологическим трусом Сталина называет человек, дня не пробывший на войне, свист падающей бомбы слышавший только в кино. Прочитав сочинения генерала Волкогонова, так и видишь этого безумно храброго генерала, не командовавшего никогда строевой частью, однако отважно с трёхлинейкой в руках ведущего институт Военной истории на штурм твердынь тоталитаризма. А ведь такой сталиновед не один. Тут и Солженицын с братьями Медведевыми, и

Радзинский с Млечиным, и Геллерт с Волковым, всех не перечислить. О Сталине пишут люди, не видевшие его, не перемолвившиеся с ним ни одним словом, которых в былые времена не пустили бы на порог его приёмной, а сегодня они выдают себя за знатоков сталинской души и сталинской эпохи.

Коллективными усилиями своих и зарубежных борзописцев из Сталина слепили образ чудовища (американцы так и фильм о нём назвали «Монстр»). Под пером клеветников Сталин утратил все человеческие черты, превратившись в олицетворение чёрной, бесовской силы.¹

Разумный человек, почитав сочинения, демонизирующие Сталина, невольно усомнится: неужели ничего доброго, хорошего не было в душе Сталина, а только дурное, злобное? Конечно, это неправда. Ведь Сталин не был демоном, он был живым человеком с его достоинствами и слабостями. Но как, от кого узнать о Сталине правду?

О Сталине писали его современники, соратники в боях и в трудовых свершениях: В. Молотов и А. Василевский, К. Рокоссовский и И. Баграмян, С. Штеменко

¹ «Размышляя о той необычно интенсивной ненависти к большевикам и Сталину, которая обнаружилась за последние 20 лет и на Западе, и у наших отечественных западников, приходишь к выводу, что причины её — не в социальной программе большевиков и даже не в репрессиях, которые сильно ударили по космополитическому крылу элиты. Причина в том, что после ликвидации Российской империи и прихода к власти либеральных западников Россия, казалось, была готова к необратимому расчленению и «перевариванию» кусков Западом. Сорвалось, проиграла Гражданская война. Надеялись на Троцкого и оппозицию в ВКП(б). Опять сорвалось — грубыми методами их задавили на полвека. Толкнули на восток Гитлера — опять неудача. Большевики сумели мобилизовать и организовать силы России так, что она буквально выскользнула из уже намыленной петли. Поэтому не могут оставить покоиться Сталина и большевиков в истории, а будут свертать и мазать этот памятник день за днём, чтобы он не стал для русских символом и уроком». С. Кара-Мурза. Карл Маркс против русской революции. М., Яуза, 2008. С. 83.

и А. Громыко и др. Однако к их воспоминаниям нет доверия, ведь они остались верны памяти Вождя, они закоренелые «сталинисты».

В то же время у серьёзного историка нет веры и воспоминаниям антисталиниста Н. Хрущёва с его бреднями о войне по глобусу.

Вот ещё один показатель достоверности высказываний Н. Хрущёва. В своих воспоминаниях он говорит, что Сталин стрелять толком не умел. Случай, о котором он повествует в своих мемуарах, похож на анекдот, а на охоту с собой Сталин Н. Хрущёва не приглашал. Как же он мог знать о стрелковых способностях Вождя? В то же время сын погибшего видного большевика Артёма генерал А. Ф. Сергеев со знанием дела свидетельствует, что Сталин стрелял не просто хорошо, он стрелял отлично из пистолета, револьвера, винтовки. Вывод — Н. Хрущёв, как обычно, врёт. Возможно, это единственное дело, которое он умел делать без брака.

Как же быть? У кого узнать правду о Вожде? Сталинистам веры нет, Хрущёву тоже.

Остаётся единственный выход: обратиться к людям с другого берега, к иностранцам. Так сложились обстоятельства, что их воспоминания о Сталине объективней воспоминаний советских авторов. В массе своей иностранцы ничем не были обязаны Сталину, не ожидали от него награды, не боялись кары за нелюбезные свидетельства. Они честно писали о том, что видели и слышали, их воспоминания не имели политической подоплёки, потому что зачастую они и писались-то уже после смерти Сталина, поэтому в их воспоминаниях и отзывах нет места желанию выгоды, дипломатическим уловкам, лукавству. Авторы просто воздавали должное великому человеку.

«...большое число руководителей союзных стран, и в первую очередь Рузвельт и Черчилль, многочислен-

ные газеты и журналы давали исключительно высокую оценку Сталину как военному, государственному, политическому руководителю, как союзнику, который с исключительной пунктуальностью выполнял свои обязательства.

Никто не заставлял этих людей петь дифирамбы Сталину. Это была их объективная, искренняя оценка его выдающейся роли и места в общей борьбе...»¹

Автор-составитель представляет читателю необычную книгу о Сталине. С её страниц перед нами встаёт не кровожадный деспот, злобный тиран, жалкий трус, перед сном заглядывающий под кровать, безграмотный тупица, а исключительно умный человек, обладающий обширными знаниями в области литературы и истории, великий полководец, добрый, отзывчивый человек, смерть которого буквально потрясла весь мир.

Даже само количество воспоминаний о Сталине свидетельствует о нем как о великой личности. Ни об одном из советских руководителей не осталось столько воспоминаний и такого уровня, ни о Н. Хрущёве, ни о Л. Брежнев, а о М. Горбачёве да Б. Ельцине и говорить нечего, одного окрестили «лучшим немцем», а над вторым потешались как над клоуном и выпивохой.

Внимательный читатель заметит, что воспоминания иностранцев о Сталине распределены неравномерно. Большая часть их относится ко времени Великой Отечественной войны и к послевоенным годам. Это не случайно.

Государственные деятели, после 1945 года отзывавшиеся о Гитлере как об ищади ада, до войны считались с ним, как с главой государства, пришедшего к власти путём демократических выборов.² Они же ни

¹ Р. Ф. Иванов. Сталин и союзники. Смоленск, Русич, 2000. С. 547.

² Американский журнал «Тайм» признал его человеком года за 1938 год. Об этом сейчас предпочитают помалкивать, но Сталина продолжают именовать и тираном, и диктатором.

во что не ставили Сталина, ведь власть большевиков, которую те захватили в результате вооружённого переворота, долго не признавали законной, так США установили дипломатические отношения с СССР только в 1933 году.

У Гитлера были нормальные межгосударственные отношения со многими главами европейских государств. Поэтому, когда 21 августа 1939 года В. Шуленбург вручил В. Молотову личное послание Гитлера, историк В. Э. Молодяков отмечает: «Персональное обращение Гитлера к Сталину, официально не занимавшему никаких государственных постов, было впечатляющей результативной стратагемой: “Это послание стало вехой в мировой истории — оно отметило момент, когда Советская Россия возвратилась в Европу как великая держава. До этого ни один европейский государственный деятель не обращался к Сталину лично. Западные лидеры относились к нему так, как будто он был далёким, да к тому же малозначительным бухарским эмиром. Теперь Гитлер признал в нём правителя великой страны”»¹.

Точно такое же впечатление в Европе произвёл жест английского премьера Чемберлена. «В начале весны 1939 курс Чемберлена начинает меняться. Его появление на приёме в советском посольстве 1 марта произвело впечатление разорвавшейся бомбы,— докладывал Майский в Москву.— ...Ни один британский премьер-министр не только консервативный, но даже лейбористский — до сих пор не переступал порога советского полпредства»². А ведь СССР существовал уже 18 лет. Тем не менее на московские переговоры, проходившие весной – летом 1939 года, англичане отказались напра-

¹ В. Молодяков. Несостоявшаяся ось: Берлин – Рим – Токио – Москва. М., Вече, 2005. С. 176.

² Там же. С. 211.

вить министра иностранных дел Галифакса, заявив, что это было бы для них унижительно.

Отношение к Сталину разительно изменилось в войну и особенно после неё. От желающих встретиться с ним не было отбоя. Однако Сталин высоко ставил себя и СССР и не разменивался, как современные политики, по мелочам. Он не бегал за их поцелуями, объятиями. Он им знал цену.

В войну союзники обнимались да целовались с нами, а после грозили атомной бомбой. И не только грозили, а готовили самую настоящую войну.

О том, на какую высоту Сталин поднял авторитет Советского государства, говорит следующий факт.

Швейцария, как известно, страна небольшая, но вес в мировой политике имеет внушительный. В 1944 году правительство Швейцарии обратилось к Правительству СССР с просьбой о восстановлении дипломатических отношений. Указав, что в течение войны швейцарское правительство занимало по отношению к СССР профашистскую позицию, Правительство СССР отказалось восстанавливать дипломатические и иные отношения со Швейцарией¹. Вот как разговаривал сталинский Советский Союз в 1944 году. Заносчивой, гордой Швейцарии публично дали по носу крепкого, советского щелчка. Особенно досадно было Швейцарии, что в этом же 1944 году СССР установил дипломатические отношения с Ираком, Коста-Рикой, Ливаном, Никарагуа, Сирией...

К сожалению, сейчас к нашей стране совершенно иное отношение, и это не может не ранить душу любого, кто всем сердцем любит Родину.

Нынешнему положению дел есть своё объяснение. «После смерти Сталина к руководству СССР пришли

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. М., ОГИЗ. 1946. Т. 2. С. 294–295. Каков пример нынешним дипломатам, разве они способны на это?

политические пигмеи, которые всего за несколько десятилетий умудрились размотать весь политический, экономический, военный потенциал Советского Союза, созданный при Сталине»¹.

Кому не известен горький афоризм, что история ничему не учит людей. Когда же мы одумаемся, когда начнём учиться у нашей великой истории? Когда поймём, что Сталин — это и поныне живой символ державной, народной мощи? За это его и по сей день ненавидят наши враги, клеветуют на него и топчут его светлое имя в грязь. Когда мы поднимем из грязи то славное знамя, которое завещал нам пуще зеницы ока беречь Вождь, знамя свободы, справедливости и труда, и с этим знаменем заново отстроим и возродим нашу Отчизну?

* * *

Принцип подачи материала в книге. В конце цитаты полужирным шрифтом выделен автор цитаты или название печатного органа, из которого взята она, затем следует источник цитаты, и страница источника.

Автор позволил себе прокомментировать отдельные моменты воспоминаний, большей частью те, которые непосредственно соприкасаются с современностью.

Подчеркивания в цитатах, кроме оговорённых специально, принадлежат автору.

В основном в книге приведены высказывания людей, лично встречавшихся со Сталиным, но есть высказывания людей, никогда не бывавших в СССР. Это относится к тем моментам, когда люди высказывают своё отношение к Сталину. Здесь действует феномен «Правды истории».

¹ Р. Ф. Иванов. Указ. соч. С. 500.

ВНЕШНИЙ ВИД

Первый взгляд, первое знакомство много говорят о человеке. Разумеется, глубже, основательней человек познаётся при более длительном общении, но всё же главное сразу бросается в глаза.

Все, встречавшиеся со Сталиным впервые, отмечали его простоту, отсутствие всякой напыщенности, важности, чванства, позы. Он не шествовал величаво, не выступал, словно павлин; на официальных мероприятиях не обставлял своё появление дополнительными церемониями и т. п.

Сталин не любил ничего показного, он всегда вёл себя естественно.

«Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность,— пишет мемуарист.— Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры — вполголоса. Помнится, когда И. В. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать «товарищ Сталин». Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов».¹

Однако нельзя забывать, что простота, не равнозначна простоватости. Простой в манерах, в стиле поведения, Сталин был необычайно сложной личностью. Но эта сложность узнавалась во время переговоров, обсуждений различных проблем, вопросов. Об этом в рубрике «Черты характера».

Люди с гнильцой в душе, а попросту подлые, будучи не в состоянии опровергнуть деяния великого человека, пытаются отыгаться на его внешних, как они думают, недостатках. Сколько изломано копий и перьев вокруг роста Сталина, что он и малорослый, не-

¹ Н. Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе. М., Воениздат, 1981. С. 76.

взрачный и т. п. Во-первых, рост человека никогда не считался особым достоинством, про рослого, но бестолкового в русском народе говорят: «Велика Федора, да дура». Во-вторых, в воровской шайке принято чужака клеймить, позорить, а своего не касаться. Из одной цитаты читатель узнаёт, что Сталин был на два дюйма (5 см, в человеческом росте величина заметная) выше (самого!) Наполеона. Наполеону никто малый рост в недостаток не вменял: ну как же, ведь гений всех времён, континентов и народов. А этот гений (и фальшивомонетчик по совместительству) бездарно погубил огромную армию в России, оставил сотни тысяч женщин вдовами, а детей сиротами, привёл Францию к катастрофе, наконец, был наголову разгромлен, затем сослан на островок в Атлантическом океане, где бесславно завершил свою полную зверств, коварства и вероломства жизнь.

Сталин же разбил сильнейшую армию, какую когда-либо создавала западно-европейская цивилизация, вознёс Отчизну на небывалую высоту славы, окончил жизнь оплакиваемый родной страной и всеми честными людьми Земли, но это не в счёт, ведь его рост был всего 170 см.

Как после этого верить либеральным врялям, пишущим о Сталине? Только с поправкой на подлость.

* * *

Пробыв в Москве почти неделю, я сказал Молотову, что не знаю правил протокола, связанного с получением аудиенции у маршала Сталина; ...но в любом случае я счёл бы за честь, если бы мог встретиться с его «боссом»...

Вскоре Молотов сообщил мне, что Сталин примет меня в Кремле...

Когда я входил в просторный кабинет Сталина, он вошёл через другую дверь, встретил меня на полпути и пожал мне руку. Держался он приветливо и непринуждённо. Он проводил меня к месту за столом, а затем сел напротив меня спиной к стене. (Хэлл, Вторая мировая, 386, 387.)

Вы меня, наконец, спрашиваете,— какое впечатление произвела на меня встреча со Сталиным?

Не легко в несколько минут выразить самые сильные из множества охватывающих здесь иностранца впечатлений...

Первое, непосредственное впечатление — это необыкновенная простота. В течение многочасовой беседы я не мог заметить у него ни одного жеста, похожего на позу. Сталин в своих жестах ясен до резкости. Он готов спорить, хорошо умеет это делать и твёрдо защищает то, что говорит. Он не через меру вежлив, но зато и не обижается, когда его собеседник на него нападает.

Он говорит с откровенностью, которая производит впечатление; при этом он не лишён известного, почти добродушного лукавства. Он обладает юмором и хорошо понимает юмор. Скоро начинаешь понимать, почему массы его не только уважают, но и любят. Он — часть их самих, он вышел из масс — настоящий представитель 160-миллионного Советского Союза, более достойный, чем мог бы вообразить любой художник. При этом у него, видимо, имеются внутренние противоречия и человеческое ему не чуждо. Сталин, как он предстаёт в беседе, не только великий государственный деятель, социалист, организатор,— он прежде всего — настоящий Человек. (Фейхтвангер, Правда 13.1.1937.)

Сталин оказался ниже ростом и шире в плечах, чем представлял себе Гарриман. У него были густые чёр-

ные усы с проседью и он был одет в простой светло-коричневый полотняный костюм без каких-либо украшений. Он редко смотрел в глаза Гарриману или Бивербруку, часто адресуя свои замечания Литвинову, который переводил его. (Гарриман, Емельянов, 317.)

На портретах Сталин производит впечатление высокого, широкоплечего, представительного человека. (подобное восприятие свойственно многим — Р. Б.) В жизни он скорее небольшого роста, худощав... (Фейхтвангер, Лобанов, 368.)

Сталин всего на два дюйма выше Наполеона, но большинство американцев обнаружило этот факт лишь после Тегеранской конференции. (Таймс, Иванов, 449.)

Сталин ждал меня в парке своей дачи. Итак, я вновь увидел Сталина, с которым не встречался с 1928 года... Но Сталин, которому исполнилось 72 года, ненамного изменился. ...он был в скромном кителе, в сапогах и с неизменной трубкой. Спустя двадцать три года его лицо по-прежнему сохраняло своеобразные юношеские черты, взгляд по-прежнему отличался живостью, хотя на голове появилась седина и волосы были не такими уже густыми, как раньше. При этом он казался ниже ростом, что было неизбежным следствием прожитых лет. (Дюкло, Лобанов, 603.)

Никто бы не смог забыть образ Сталина, как он стоял, наблюдая за моим уходом,—суровая, грубоватая, решительная фигура в зеркально блестящих сапогах, плотных мешковатых брюках и тесном френче. На нём не было никаких знаков различия — ни военных, ни гражданских. У него приземистая фигура, какую мечтает видеть каждый тренер футбола. Рост его примерно 5 футов 6 дюймов (около 170 см., средний рост мужчины того времени — Р. Б.), а вес около 190 фунтов. У него большие руки и такие же твёрдые, как его ум. Его голос резок, но он всё время его сдерживает.

Во всём, что он говорит, чувствуется выразительность. (Гопкинс, Емельянов, 313.)

Внешность Сталина не была внушительной: он был невысокого роста, лицо покрыто оспинками, подвижность левой руки ограничена... Его поведение по отношению в Риббентропу и Шуленбургу было уверенным, хотя и не претенциозным. Он умел расположить к себе партнёра любезностью, производящей естественное впечатление, и усыпить его бдительность доброжелательностью... (Хильгер, 268.)

На меня Сталин произвёл сильное впечатление не только тем, что он говорил, но ещё в большей степени тем, что он представлял в моих глазах. Одно его присутствие придавало всему происходившему историческое значение. Со своей стороны, я весьма непринуждённо участвовал в общей беседе, затрагивавшей самые разнообразные темы. (Дюкло, Лобанов, 604.)

Сталин говорит медленно, тихим немного глухим голосом. Он не любит диалогов с короткими, взволнованными вопросами, ответами, отступлениями. Он предпочитает им медленные обдуманые фразы. Говорит он очень отчётливо, иногда так, как если бы он диктовал. Во время разговора рассказывает взад и вперёд по комнате, затем внезапно подходит к собеседнику и, вытянув по направлению к нему указательный палец своей красивой руки, объясняет, растолковывает или, формулируя свои обдуманые фразы, рисует цветным карандашом узоры на листе бумаги. (Фейхтвангер, Лобанов, 368.)

Сталин на вид обладает замечательным здоровьем, несмотря на то, что он, вероятно, работает и несёт на себе огромную ответственность, как никто в мире. Война сделала седыми часть его волос, которые ещё остаются чёрными, но она ещё больше закалила его сердце против фашистской тирании. (Уиллки, Иванов, 238.)

Как человек Сталин не очень сильно изменился. Имея власть, высокое положение, он не любил роскоши, вёл аскетический образ жизни. Вкусы его были просты. Летом носил полотняный китель военного покроя, зимой такой же, но шерстяной. Шинели было лет пятнадцать. Носил короткий полушубок из оленьей кожи... Подарки, среди них ценные и даже бесценные произведения искусства народных умельцев, присылаемые ему со всех концов страны, а по случаю семидесятилетия — со всего мира, смущали его и приводили в замешательство. Он считал, что не может пользоваться такими подарками. Этот сверхъестественный человек был поразительно скромн. (Грей, 99.)

Квартира Сталина состояла из столовой, кабинета, спальни и большой ванной комнаты. Обстановка была очень скромной, никакой роскоши. (Грей, 165.)

В Кремле, напоминающем выставку церквей и дворцов, у подножия одного из этих дворцов стоит маленький трёхэтажный домик. Домик этот (вы не заметили бы его, если бы вам его не показали) был раньше служебным помещением при дворце. Поднимаемся по лестнице. На окнах — белые полотняные занавески. Это три окна квартиры Сталина. В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка.

Три комнаты и столовая. Обставлены просто — как в приличной, но скромной гостинице. Столовая овальной формы — сюда подаётся обед из кремлёвской кухни или домашний, приготовленный кухаркой. В капиталистической стране ни такой квартирой, ни таким меню не удовлетворился бы средний служащий. Тут же играет маленький мальчик. Старший сын Яша спит в столовой — ему стелют на диване; младший — в крохотной комнатке вроде ниши. (Барбюс, Грибанов, 26.)

Приказы и директивы обсуждались и принимались в кабинете Сталина в Кремле. Это была просторная, светлая, без роскоши обставленная комната с панелями из морёного дуба и длинного стола, покрытым зелёным сукном. (Грей, 144.)

У человека с трубкой немного суровое лицо рабочего. Не глаза ли — экзотические, чуть азиатские — придают ему ироническое выражение? Есть у него что-то такое во взгляде, в чертах лица, от чего он всё время кажется улыбающимся. Или, точнее — постоянно кажется, будто он сейчас рассмеётся. Не то, чтобы нечто львиное в лице (хотя это отчасти есть), но выражение тонкого крестьянского лукавства. Он очень часто улыбается и смеётся от чистого сердца. Говорит он мало — он, умеющий три часа подряд беседовать с вами по случайно заданному вопросу, умеющий так осветить любую проблему, что в ней не останется ни одной неясной грани. Он смеётся и даже хохочет охотнее, чем говорит. (Барбюс, Грибанов, 27.)

Он (Сталин) приветствовал меня несколькими быстрыми русскими словами. Он пожал мне руку коротко, твёрдо, любезно. Он тепло улыбался. Не было ни одного лишнего слова, жеста или ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной... (это американское: человека сравнивать с машиной — Р.Б.) Его вопросы были ясными, краткими и прямыми... Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, как будто они были обдуманы им много лет назад... Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова. Если он хочет смягчить краткий ответ... он делает это с помощью быстрой, сдержанной улыбки, которая может быть холодной, но дружественной, строгой, но тёплой. Он с вами не заигрывает. Он создаёт у вас уверенность, что Россия выдержит атаки

немецкой армии... Он довольно часто смеётся, но это короткий смех, быть может, несколько сардонический. Он не признаёт пустой болтовни. Его юмор остр и пронизателен. (Гопкинс, Верт, 200.)

(Верт присутствует на сессии Верховного Совета в июне 1942 г., первой с начала войны, на неё приглашены дипломаты). Но вот стены дворца потряс гром аплодисментов. Это члены Государственного Комитета Обороны, и среди них, не выделяясь особо, Сталин, заняли свои места на возвышении. Несколько минут депутаты стоя аплодировали и выкрикивали имя Сталина. Сталин и все, кто находился на возвышении, также поднялись, и Сталин тоже начал аплодировать в знак признательности за овацию в его честь. Наконец, все уселись. На Сталине был хорошо сшитый летний китель светло-защитного цвета — скромный и без орденов. В его волосах было значительно больше седины, и ростом он был значительно ниже, чем я его себе представлял. Я ещё ни разу не видел Сталина. Держался он с какой-то располагающей небрежностью: непринуждённо разговаривал во время заседания со своими соседями, оборачивался, чтобы обменяться замечаниями с сидящими позади него, вместе со всеми поднимался с места и несколько лениво хлопал в ладоши, когда собравшиеся начинали аплодировать при упоминании его имени. (Верт, 275.)

Сталин был в маршальской форме и мягких сапогах, без всяких медалей за исключением Золотой Звезды Героя Социалистического Труда на левой стороне груди. В его поведении ничего не было искусственного или показного. Это был не тот величественный Сталин, каким его изображали на портретах или в кинохронике — натянутый, нарочито приукрашенный и позирующий. (Джилас, Иванов, 408.)

К Потсдамской конференции Сталин физически устал. Сказалось невероятное напряжение войны. Он

не был холодным, бесчувственным человеком. Как все нормальные люди, он был подвержен депрессиям, срывам, всплескам эмоций.. Но он также умел сохранять хладнокровие, владеть собой, проявлять терпение. Его дочь Светлана свидетельствует, что после окончания японской кампании Сталин серьёзно заболел. Как и вся страна, он нуждался в передышке, но для него передышки быть не могло. (Грей, 204.)

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Если у людей, хотя бы краем уха что-то слышавших о сталинской теме, спросить: какая черта характера у Сталина была главной, или, как импозантно любят выражаться учёные, доминирующей, то ответ будет один: жажда власти. Это уже основательно вбито в головы людей. И власти Сталину было мало всю жизнь, ему хотелось её больше, больше, больше. А нужна она ему была для того, чтобы сажать людей в лагерь, сажать, сажать, расстреливать, морить голодом и т. д.

Доказательств такой несусветной галиматии не приводится, ведь это и так все знают. Впрочем, сильно дотошным доказательство предьявляется. Правда, весьма смехотворное: дескать, в борьбе за власть посредством коварства, закулисных интриг Сталин уничтожил всех своих соперников. Однако, коль скоро факт борьбы не отрицается, а борьба — процесс обоюдный, то ясно, что и соперники Сталина жаждали власти не меньше, чем он. Но так как борьба за власть, пожалуй, единственный вид борьбы, где правила не оговорены и спортивной федерации борьбы за власть нет, то вот уже не одно тысячелетие люди борются за неё разными способами, в зависимости от своих умственных и волевых способностей.

Поэтому утверждение о жажде власти, как главном мотиве сталинской жизни, отпадает. Жажда власти формирует совсем другой характер, нежели был у Сталина. Властолюбцы имеют характер заносчивый, грубый, они падки до почестей и похвал. Всё это напрочь отсутствует у Сталина.

Оживим в памяти кадры кинохроники, запечатлевшие Берлинский парад в апреле 1939 года. Без этих кадров нынче не обходится ни один документальный

фильм о третьем рейхе. Гремит торжествующая медь оркестра, властно отсекает ритм большой барабан. И вот отменным строевым шагом, в стальных касках, с карабинами «на плечо» идут солдаты.

Как они идут! Кажется, шагают не люди, а мерным отработанным шагом кроит брусчатку подошвами сапог плотно сбитый, сплочённый многодневной муштрой неодушевлённый, человекообразный квадрат. Но это люди. Шаг чеканят наши враги, будущие убийцы и палачи нашей Родины. Однако искусство строевого шага у них доведено до такого совершенства, что любой служивый человек, сам неоднократно «рубавший» в строю, не может сдержать невольного восхищения. Е. Замятин с иронией писал о военных парадах как о разновидности хореографии. Тот парад — шедевр военной хореографии. А как играет оркестр!

Может быть, немецкая армия празднует победу в долгой и трудной войне? Ан нет, всё это великолепие устроено ради одного человека.

Вот он стоит, привычным жестом положив ладонь на ремень, на левую бровь ниспадает знаменитая косяя чёлка. Гитлер упоён самим собой, он и не думает скрывать этого.

Так он отмечал свой полувековой юбилей.

А вот как отмечал его Сталин.

Решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 17 декабря 1929 года: «Утвердить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря, в день пятидесятилетия его рождения, никаких празднеств или торжеств или выступлений в печати или на собраниях не было допущено».¹

Как скромнен был Сталин, служивший только государству, точно также был нескромнен Гитлер, в первую очередь служивший себе. Вспомните его заявление, что

¹ Ю. Жуков. Иной Сталин. М., Вагриус, 2003. С. 64.

раз немецкий народ оказался недостоин его, он должен исчезнуть.

Культ личности Сталина был творением карьеристов и лизоблюдов. Это было создание людишек мелких, порочных, подленьких. Одним из рекордсменов в этом словоблудии был секретарь московской партийной организации, небезызвестный впоследствии борец с культом. В марте 1939 г. на XVIII съезде партии Н. Хрущев умудрился в своей двадцатиминутной речи 32 раза назвать имя Сталина.

В 1938 нарком внутренних дел Ежов предложил переименовать Москву в Сталинодар. Сталин категорически высказался против. После войны предлагали увенчать здание университета на Ленинских горах статуей Сталина, учредить орден Сталина, установить общегосударственный праздник в честь его дня рождения. Сталин сказал: побольше скромности.

Вы думаете, Гитлер бы отказался? Вот человек, целью жизни которого была только власть. А всё остальное было прилагательным к ней.

Сталину власть была нужна не для себя, а для государства, для того, чтобы трудиться на благо народа, а не для того, чтобы играть в теннис на кремлёвском корте или кататься в горах на лыжах.

Нет примера, чтобы зарубежный правитель добровольно отказался от власти. Сталин просил об этом трижды, при чём не имея тогда всей безоговорочной полноты власти. Он был первым работником в своём государстве. «Сталин почти не оставлял себе свободного времени. Он жил, чтобы работать».¹

Вообще попытка выделить у Сталина какую-то одну, преобладающую над всеми прочими черту ха-

¹ С. М. Штеменко. Генеральный штаб во время войны. М., Воениздат. 1973. Кн. 2. С. 39.

рактера, занятие обречённое на неудачу. Как это ни досадно признавать его врагам, у Сталина, как у великого человека, многие черты характера получили наивысшее своё развитие, возможное для человека: всеобъемлющий ум, стальная воля, не знающее усталости трудолюбие, настойчивость, умение достичь взаимовыгодного компромисса, любовь к родной стране и стремление ежедневно, ежечасно отстаивать её достоинство и блюсти её честь.

* * *

Сталин был — насколько я заметил — живой, страстной, порывистой, но и высокоорганизованной и контролирующей себя личностью. Разве, в противном случае, он смог бы управлять таким громадным современным государством и руководить такими страшными и сложными военными действиями. (Джилас, Лобанов, 650.)

Уендель Уиллки дал понять, что Черчилль и Гарриман вернулись из своей поездки в Москву неудовлетворёнными. Они оказались перед загадочным Сталиным, его маска осталась для них непроницаемой. (Голль, НС, 187.)

Я должен сознаться, что для меня Сталин остаётся самой непостижимой, загадочной и противоречивой личностью, которую я знал. (Гарриман, Колесов, 3.)

Мои друзья говорили мне летом 1925 года в Москве, что Сталин обладает большой магнетической силой, и что вы чувствуете действие его антенн, как только он входит в комнату. Его личная и политическая интуиция огромны. ...его сотрудники честно работают с ним, и он лично подбирает их. (Гунтер, Иванов, 114.)

(Тегеранская конференция) После окончания заседания мы заговорили между собой о Сталине. Боль-

шинство из нас до встречи с ним считали его бандитским главарём, который пробился на высший пост в своём правительстве. Это впечатление было ошибочным. Мы сразу же поняли, что имеем дело с исключительно умным человеком, который убедительно говорил, и был преисполнен решимости добиться того, что он хотел для России. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, доброжелательным и учитывающим точки зрения двух его коллег до тех пор, пока один из них не выдвигал какое-нибудь предложение, которое, по мнению Сталина, шло вразрез с советскими интересами. Тогда он мог быть бесцеремонным, прямым, почти грубым. (Леги, Баландин, 259; Вторая мировая, 417.)

Черчилль, по наблюдению его врача, в присутствии Сталина обычно нервничал. Сталин часто ставил Черчилля в затруднительное положение своим незаурядным, дисциплинированным умом, ...взглядом на проблемы, тайной, которую Черчилль был не в силах понять, но более всего реальностью абсолютной и непоколебимой власти, с которой главе британского правительства никогда не приходилось сталкиваться. (Грей, 183.)

Мы говорили со Сталиным о свободе печати, о демократии и об обожествлении его личности. В начале беседы он говорил общими фразами и прибегал к известным шаблонным оборотам партийного лексикона. Позднее я перестал чувствовать в нём партийного руководителя. Он предстал передо мной как индивидуальность. Не всегда соглашаясь со мной, он всё время оставался глубоким, умным, вдумчивым. (Фейхтвангер, НС, 190.)

Сталин обладал необычайно чутким и настойчивым умом. Помню, что в его присутствии невозможно было сделать какого-либо замечания или намёка без того, чтобы он тотчас этого не заметил. (Джилас, НС, 194.)

Сталин — удивительная личность. Он наделён необыкновенными способностями и раз- Он наделён не- умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет. (Хэлл, Соловьёв, 301.)

* * *

Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в палате общин, не могу не оценить, в особенности, когда я могу в известной мере сказать это и о себе. Прежде всего Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, которое имеет исключительное значение для великих людей и для великих вождей. Сталин произвёл на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью, с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода. (Черчилль, Иванов, 225.)

Выражаясь простым языком, я отлично поладил с маршалом Сталиным. Этот человек сочетает в себе огромную, непреклонную волю и здоровое чувство юмора; думаю, душа и сердце России имеют в нём своего истинного представителя. Я верю, что мы и впредь будем отлично ладить и с ним, и со всем русским народом. (Рузвельт, Иванов, 357.)

Снова на меня произвёл большое впечатление прямой, ясный образ изложения Сталиным своей точки зрения на положение, которое он, как реалист, прекрасно понимает. (Гарриман, Иванов, 234.)

Будучи сам закоренелым реалистом, Сталин особенно ценил в других людях именно реализм. (Черчилль, Иванов, 228.)

«Внезапная идея — это не мысль,— сказано у австрийского писателя Грильпальцера,— Мысль знает свои границы. Внезапные идеи пренебрегают ими и, осуществляясь, не сходят с места». У Льва Троцкого, писателя — молниеносные, часто неверные внезапные идеи; у Иосифа Сталина — медленные, тщательно продуманные, до основания верные мысли. Троцкий — ослепительное единичное явление. Сталин — поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому победа обеспечена, так как в нём сочетается сила обоих классов. Троцкий — быстро гаснущая ракета, Сталин — огонь, долго пылающий и согревающий. (Фейхтвангер, Лобанов, 370.)

Сталин отвечает на вопросы коротко и ясно, не так как человек, который пытается упростить вещи для широкой публики, но как логический мыслитель, мысль которого работает медленно и не проявляет ни малейшей эмоции... Он наиболее молчаливый человек, которого я когда-либо видел; он молчалив, пока внезапно не переходит в атаку против вас. (Людвиг, Иванов, 311.)

* * *

Не помню случая, чтобы Сталин прослушал или недостаточно понял какое-то существенное высказывание своих партнёров по конференции. Он на лету ловил смысл их слов. Его внимание, память, казалось, если употребить сравнение сегодняшнего дня, как электронно-вычислительная машина, ничего не пропускала. Во время заседания в Ливадийском дворце я, возможно, яснее, чем когда-либо раньше, понял, какими незаурядными качествами обладал этот человек. (Громыко, Емельянов, 357, в виде исключения приведено высказывание соотечественника.)

Он обладал выдающейся памятью: безошибочно ориентировался в характерах литературных персонажей и реальных лиц, начисто позабыв порой их имена, помнил массу обстоятельств, комментируя сильные и слабые стороны отдельных государств и государственных деятелей. Часто цеплялся за мелочи, которые позже почти всегда оказывались важными. В окружающем мире и в его, Сталина, сознании как бы не существовало ничего, что не могло бы быть важным... Зло, мне кажется, он помнил больше, чем добро, потому как, вероятно, внутренне чувствовал, что режим, им создаваемый, способен выжить исключительно в зоне враждебности... (Джилас, НС, 193.)

Он чувствует себя весьма свободно во многих областях и цитирует, по памяти, не подготовившись, имена, даты, факты, всегда точно. (Фейхтвангер, Лобанов, 369.)

* * *

Тщетно пытаюсь себе представить, какая ещё, кроме Сталина, историческая личность при непосредственном знакомстве могла бы оказаться столь непохожей на сотворённый о ней миф. Уже после первых слов, произнесённых Сталиным, собеседник переставал видеть его в привычном ореоле героико-патетической сосредоточенности или гротескного добродушия, что являлось непреложным атрибутом иных массовых фотографий, художественных портретов, да и большинства документальных кинолент. Вместо привычного «клика», выдуманного его собственной пропагандой, вам являлся буднично-деятельный Сталин — нервный, умный, сознающий свою значимость, но скромный в жизни человек... Первый раз Сталин принял меня во время войны, весной 1944 года, после того как облачил

себя в маршальскую форму, с которой потом так и не расставался. Его совсем не по-военному живые, без всякой чопорности манеры тотчас превращали этот милитаристский мундир в обычную, каждодневную одежду. Нечто подобное происходило и с проблемами, которые при нём обсуждались. Сложнейшие вопросы Сталин сводил на уровень простых, обыденных... (Джилас, НС, 193) (Мудрость Сталина. Как много деятелей, поступающих наоборот, из пустяка создающих проблему.— Р. Б.)

Сталин говорит не без юмора, но пространно, рассудительно. Он упорным трудом завоевал себе популярность, которая другим легко давалась. Своим успехом он обязан только себе. (Фейхтвангер, Лобанов, 366.)

Чем дольше продолжалась война, тем больше Сталин удивлял своё окружение, а также многочисленных гостей из-за рубежа своей гигантской трудоспособностью. Ничто не ускользало от его внимания, он занимался всем лично, даже если это были вопросы внешне незначительные... (Хильгер, 281.)

Сталин — мне много об этом рассказывали и даже документально это подтверждали — обладает огромной работоспособностью и вникает сам в каждую мелочь, так что у него действительно не остаётся времени на излишние церемонии. (Фейхтвангер, Лобанов, 302.)

Это блистательный и чёткий человек,— и это, как мы видели, простой человек, с ним нелегко встретиться только потому, что он постоянно работает. Когда приходишь к нему в Кремль, то на лестнице и в вестибюле видишь не более трёх-четырёх человек. Эта органическая простота не имеет ничего общего с показной простотой какого-нибудь скандинавского монарха, благоволящего гулять по улицам пешком, или какого-ни-

будь Гитлера, по приказу которого все его пропагандисты трубят, что он не курит и не пьёт вина. Сталин регулярно ложится спать в 4 утра. У него нет 32 секретарей, как у Ллойда Джорджа; секретарь у него один — товарищ Поскрёбышев. Сталин не подписывает того, что пишут ему другие. Ему дают материал, но он всё делает сам. Через его руки проходит всё. И всё-таки он успевает отвечать — лично или через аппарат — на все письма, какие ему присылают. В разговоре он прост и сердечен. «Его открытая сердечность», — говорит Се-рафима Гопнер; «его доброта, его деликатность», — говорит Варвара Джапаридзе, работавшая вместе с ним в Грузии. «Его весёлость», — говорит Орахешвили. — Он смеётся, как ребёнок.» (**Барбюс**, Грибанов, 27.)

* * *

Делясь своими впечатлениями от встречи со Сталиным, Гарриман говорил: «Бивербрук рассказал нам о наших переговорах со Сталиным. Сталин был с нами прям. Он точно сказал, что именно ему нужно и спросил, как обстоит дело с каждым пунктом его заявки. Сталин знаком с вопросами снабжения. Его ум руководит русскими армиями. Он обладает поразительными знаниями в области деталей оборудования, Сталин, например, поправил Бивербрука по вопросу о мощности мотора «Мерлин» истребителя «Харрикейн» последнего образца. Он нашёл это забавным. Когда конференция началась, Сталин не был уверен в том, что Англия и США серьёзно возьмутся за дело. Ещё до того, как конференция закончилась, у него уже не было сомнений». (**Бивербрук**, Иванов, 188.)

Мне показалось, что Сталин проявил гораздо большую глубину в обсуждении Индии, чем Рузвельт. Мне было интересно, что Сталин осознавал сложности ин-

дийского общества. Беседуя с ним, меня снова и снова поражал объём его знаний относительно культур других стран. Для меня этот было особенно удивительным, учитывая, что он очень мало путешествовал. (Гарриман, Емельянов, 338.)

Черчилль заговорил о полководческом гении герцога Мальборо, который устранил угрозу свободе в Европе, опасность равносильную нынешней, исходящей от Гитлера. Сталин выслушал и затем озорно подколот Черчилля:

— Я думаю, в истории Англии был более великий полководец в лице генерала Веллингтона, который победил Наполеона, величайшую угрозу всех времён.

И Сталин начал рассказывать, обнаружив изрядное знание наполеоновских войн, особенно испанской кампании Веллингтона, непосредственно связанной с проблемой второго фронта, так нужного сейчас русским. (Грей, 164.)

Он и на самом деле проявляет необычайную осведомлённость. Прошлым летом Сталин обсуждал с Эриком Джонстоном, президентом Торговой палаты, вопрос о наивысшей точке производства автомобилей до войны. Джонстон, обладавший способностью убеждать своих собеседников, заставил Сталина принять свои данные. Но впоследствии Джонстон убедился, что Сталин имел в виду общую цифру выпуска как грузовиков, так и легковых машин, и что приведённые им данные были правильны. Джонстон охотно согласился, что «Сталин знает американскую продукцию лучше, чем 90 процентов американских дельцов». (Лаутербах, Иванов, 456.)

И мой отец, и Черчилль блестяще знали историю. Сталин по-своему учил историю и географию. Он знал английский, отлично понимал по-английски, но виду не подавал. Я узнал об этом, когда брал у него интер-

вью, а к тому времени я уже посещал курсы русского языка, и когда иногда в моём присутствии вёлся разговор по-русски, я мог понять, о чём речь. Я обнаружил, что он так же знает английский, как любой из тех русских, кто встречался с отцом, не считая специалистов-переводчиков.

Сталин внимательно слушал всё, что говорили на этих встречах Черчилль и отец, затем ждал перевода и выигрывал таким образом время, отлично зная, что было сказано. У него было преимущество перед обоими, но он никогда себя не выдавал. (Рузвельт-сын, Соловьёв, 251.)

* * *

По существу, это был самоучка, но не подобно любому одарённому человеку, а в смысле реальных знаний. Сталин свободно ориентировался в вопросах истории, классической литературы и, конечно, в текущих событиях. (Джилас, НС, 194.)

Меня поразили также его акцент. Каждый мог сказать, что он не русский. Тем не менее его русский словарь был богат, и манера выражаться очень живая и пластичная, изобилующая русскими пословицами и поговорками. Как выяснилось позднее, Сталин хорошо знал русскую литературу... (Джилас, Иванов, 409.)

Сталин читает очень много, несмотря на то, что теперь у него остаётся для чтения меньше времени, чем до войны. У него есть привычка телефонизировать людям среди ночи, чтобы выразить им своё мнение об их книгах. Когда Илья Эренбург писал свою книгу «Падение Парижа», у него были неприятности с цензорами Наркоминдела... Эренбург отправил Сталину первую часть своего романа, скорее как выражение почтения. Через несколько дней Сталин позвонил Эренбургу

домой и сказал, что ему нравится эта книга, но в то же время выразил надежду, что во второй половине книги Эренбург обойдётся с немцами более жёстко. Эренбург согласился и мимоходом заметил, что у него затруднения с цензурой. Сталин ничего не ответил на это, но остальная часть книги прошла без малейшей поправки со стороны цензора. Эренбург был удостоен Сталинской премии за эту книгу. (Лаутербах, Иванов, 459.)

Для американского президента или британского премьер-министра было бы необычно, если не сказать большего, тратить время на то, что по сути было литературным обедом. Одно из множества любопытных обстоятельств, имеющих отношение к Сталину: он был куда более образован в литературном смысле, чем любой из современных ему государственных деятелей. В сравнении с ним Ллойд Джордж и Черчилль — на диво плохо начитанные люди. Как, впрочем, и Рузвельт... Западнякам трудно представить, что, общаясь с советскими политиками и учёными, они попадают в общество куда более образованное в литературном отношении, чем их собственное. (Сноу, Лобанов, 659.) (А нынешние политики — сам слышал — прилюдно бахвалятся, что они книг не читают. Некогда, видите ли, нет времени. Хотя проблема не в нехватке времени, а в отсутствии любви к культуре.— Р. Б.)

Подозреваю, он чувствовал, как никто на Западе чувствовать не способен, волшебную силу художественной литературы. (Сноу, Лобанов, 661.)

В ходе всех заседаний и совещаний с участием Сталина авторитет его был явным, непререкаемым и не подвергался никаким сомнениям. Он решительно вмешивался даже в вопросы стилистики, когда речь шла о правильности текста официального коммюнике... Способность Сталина найти наиболее приемлемые формулировки для любой политической ситуации была столь

же значительной, как и знания, которые он демонстрировал при рассмотрении, например, технических вопросов, всплывавших в ходе обсуждения поставок Германии в Советский Союз... (Хильгер, 269.)

Язык Декларации (принятой в Тегеране) соответствует её историческому характеру. В ней довольно часто встречаются оригинальные выражения Черчилля. Однако некоторые фразы, даже в английском варианте Декларации, свидетельствуют о русской конструкции. Они являются отзвуком того голоса, которым Сталин поднял народ России на его величайшие подвиги. (Дейли экспресс, Иванов, 344.)

Среди коммунистов были люди с развитым чувством прекрасного, знающие литературу и философию, но мы все с энтузиазмом воспринимали не только идеи Сталина, но и то, с каким совершенством он их формулировал. Я сам много раз говорил о кристальной ясности его стиля, о глубине его логики и об актуальности его комментариев так, как будто они были проявлением высшей мудрости. (Джилас, Соловьёв, 303.)

Насколько можно судить, личные вкусы Сталина были основательны и серьёзны. (Сноу, Лобанов, 659.)

* * *

Отчёты о встречах со Сталиным в это время вызывают удивление. Вы как будто встречаете различных людей, соединённых в одном человеке. Он был прост, приветлив, но держал себя с большим достоинством при встречах с иностранцами. Краток, точен и властен в разговорах со своими. Требовал подчинения и преданности. Уважал подготовленных, работоспособных, опытных специалистов. Порой он был внимательным, даже чутким человеком. Иногда — бесчеловечным и непримиримым... (Грей, 134.)

...его физическая сила и его выносливость неимоверны... Он чувствителен и впечатлителен... Если он и имеет нервы, то это — стальные жилы. Терпение. Настойчивость. Целеустремлённость Его упорство сверхчеловечно. Хитрость. Лукавство. Сила.

Чувство деталей. Его опытный взор проникает во все мельчайшие элементы народной жизни.

Ловкость в обращении с людьми. Он — хороший тактик и политик, вождь партии и прекрасный организатор. (Гунтер, Иванов, 113.)

При разговоре со Сталиным изначальное впечатление о нём как о мудрой и отважной личности не только не тускло, но и, наоборот, углублялось. Эффект усиливала его вечная, пугающая настороженность. Клубок ошестинившихся нервов, он никому не прощал в беседе мало-мальски рискованного намёка, даже смена выражения глаз любого из присутствующих не ускользала от его внимания. (Джилас, НС, 193.)

Огромная пропасть разделяла человека 1929 года в возрасте пятидесяти лет и маленького мальчика — ученика училища в Гори и семинариста в Тифлисе... На каждой ступени своего развития он мужал, способностями и верой в себя доказывал, что может сделать многое и принять вызов судьбы. Он обладал внутренней силой и храбростью. Его не пугала ответственность, лежащая на нём, как на единоличном правителе, за судьбу страны с населением более двухсот миллионов человек, особенно когда жизнь и само существование России были под угрозой. (Грей, 99.)

Сталин очень пунктуален. Он скорее опережает сроки, нежели запаздывает в совместных действиях с союзниками. (Черчилль, Иванов, 465.)

Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним одно удовольствие. Никаких околичностей. Он излагает вопрос, который

хочет обсудить и никуда не отклоняется. (Рузвельт, Соловьёв, 251.)

Он предложил мне одну из папирос и взял одну из моих. Он непрерывно курит, что, вероятно, и объясняет хриплость его тщательно контролируемого голоса. Он довольно часто смеётся. Но это короткий смех, быть может, несколько сардонический. Он не признаёт пустой болтовни. Его юмор остр и пронизателен. Он не говорит по-английски, но, когда он обращался ко мне по-русски, он игнорировал переводчика и глядел мне прямо в глаза, как будто я понимал каждое слово. Два или три раза я задавал ему вопросы, на которые, задумавшись на мгновение, он не мог ответить так, как бы ему хотелось. Он нажимал кнопку. Моментально появлялся секретарь, так, как будто он стоял за дверью по стойке «смирно». Сталин повторял мой вопрос, ответ давался немедленно и секретарь исчезал. (Гопкинс, Емельянов, 314.)

Сталин говорит неприкрашенно и умеет даже сложные мысли выражать просто. Порой он говорит слишком просто, как человек, который привык так формулировать свои мысли, чтобы они стали понятны от Москвы до Владивостока. ...ему, несомненно, свойственен юмор; иногда его юмор становится опасным. Он посмеивается время от времени глуховатым, лукавым смешком. (Фейхтвангер, Лобанов, 369.)

Он в большой мере обладал даром немногословия, и в этом отношении был уникальным человеком в стране, в которой все слишком много говорили. (Грей, 80.)

Сталин пользуется острым, язвительным юмором, чтобы довести ту или иную мысль до сознания собеседника. Он не терпит изысканных и уклончивых дипломатических речей. В разговоре он прям и откровенен и ожидает от своего собеседника того же. (Джонстон, Иванов, 440.)

Сталин был холоден и расчётлив не меньше Молотова. Однако у Сталина была страстная натура со множеством лиц, причём каждое из них было настолько убедительно, что казалось, что он никогда не притворяется, а всегда искренне переживает каждую из своих ролей. Именно поэтому он обладал большей проницательностью и большими возможностями, чем Молотов. (Джилас, НС, 193.)

Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете. Во время второго визита мы разговаривали почти четыре часа. Его вопросы были ясными, краткими и прямыми. Как я ни устал, я отвечал в том же тоне. Его ответы были быстрыми, не двусмысленными, они произносились так, как будто они были обдуманы много лет назад. (Гопкинс, Емельянов, 313.)

Речь Сталина — это речь сильного человека, уверенного в себе, уверенного в своей армии, уверенного в рабочих, уверенного в окончательной победе. Это не хвастливая, озлобленная и взволнованная речь. Он сделал откровенный и реалистический обзор положения... Вся его речь проникнута решимостью, мужеством и уверенностью. Сталин имеет основание гордиться своим народом и чудесами его доблести и выносливости. Русские приняли вызов гитлеровских орд и одержали успех. Их испытания велики, но их героизм всё преодолеет. (Дипломатический обозреватель, Иванов, 244.)

* * *

Как подлинно великий человек, Сталин весьма скромн. Он отклонял все похвалы за строительство тех огромных промышленных предприятий, которые мне довелось видеть, и приписывал эти достижения

усилиям тысяч своих инженеров, сподвижников и сотрудников. (Дэвис, Иванов, 281.)

Появляясь на людях, Сталин воспринимал почести как должное, но в личном общении держался скромно и с достоинством. Более других качеств он ценил в людях скромность и достоинство в сочетании с профессионализмом. Он старался привить эти свойства новому поколению советской элиты. (Грей, 205.)

Покончив с едой, человек курит трубку у окна. Одет он всегда одинаково. Военная форма? Это не совсем так. Скорее, намёк на форму — нечто такое, что ещё проще: наглухо застёгнутая куртка и шаровары защитного цвета, сапоги. Думаешь, припоминаешь... Нет, вы никогда не видели его одетым по-другому, только летом он ходит в белом полотняном костюме. В месяц он зарабатывает несколько сот рублей (скромный максимум партийного работника). Воображаю, как рассмеялся бы Сталин, если бы до него когда-нибудь дошла монументальная нелепость, напечатанная в альманахе Вернью за 1935 год: «Сталин расходует на свои личные потребности 250 миллионов в год.» (Барбюс, Грибанов, 26.)

Признавая необходимость культа личности, сам Сталин не принимал в этом активного участия. Он не был тщеславным, эгоистичным человеком, любившим только лесть и подхалимаж. Он не терпел низкоклонства и всю жизнь пытался избежать торжеств в свою честь. Это не означало, что Сталин не появлялся на людях. Он присутствовал на партийных съездах, стоял на трибуне Мавзолея в праздники, но был начисто лишён личного тщеславия... (Грей, 99.)

Сталин в это время не считался соперником (Зиновьева и Каменева — Р. Б.). Ненавязчивый, спокойный, скромный, он был партработником, отвечающим за административно-хозяйственные вопросы. К нему

очень легко было попасть на приём, он внимательно и терпеливо выслушивал посетителей, спокойно попы-хивая своей трубкой. Терпение его было огромным, за что ему были благодарны многие члены партии. Он был сдержанным, немногословным человеком, кото-рый всегда выполнял то, что обещал. (Грей, 80.)

Вечером на юбилее британского премьер-министра (в Тегеране Черчиллю исполнилось 69 лет — *Р. Б.*) Сталин поднял тост: «За моего боевого друга Черчилля».

В ответ именинник выразил уверенность, что совет-ский руководитель, которого можно поставить в один ряд с крупнейшими фигурами русской истории, заслу-живает звания Сталин Великий.

Если не в этот момент, то после Победы такой титул был бы действительно уместен. Реакция Сталина и на этот раз была неожиданной.

— Почести, которые воздаются мне, в действитель-ности принадлежат русскому народу. Очень легко быть героем и великим лидером, если приходится иметь дело с такими людьми, как русские... Красная Армия сражается героически, но русский народ и не потерпел бы иного поведения со стороны своих вооружённых сил. Даже люди не особенно храбрые, даже трусы ста-новятся героями в России. (Баландин, 175.)

* * *

Сталин был интересной личностью. У него острое чувство юмора. Он гостеприимный хозяин и вежлив по отношению к своим гостям. Я заметил, что он сдержан в отношении еды и питья... (Монтгомери, Емелья-нов, 401.)

Черчилль вспоминал, что русские хозяева превзош-ли себя в гостеприимстве. Любое желание английских

и американских гостей выполнялось незамедлительно. Английский генерал Порайл пришёл в восторг, увидев большой стеклянный аквариум, в котором росли растения, но он заметил, что там не было ни одной рыбки. Два дня спустя в аквариуме появилась целая партия золотых рыбок.

В другой раз кто-то (! — *Р. Б.*) заметил, что в коктейле нет лимонных корочек. На следующий день в холле выросло лимонное дерево, отягощённое плодами. (*Черчилль, Иванов, 467.*)

Этим вечером мы были на официальном обеде в Кремле, на котором присутствовало около 40 человек, в том числе некоторые высокопоставленные военные, члены Политбюро и другие высшие официальные лица. Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Распространялись глупые истории, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали. (*Черчилль, Лобанов, 505.*)

* * *

Щедрость Сталина намного превзошла то, о чём мы просили (югославы просили 200 тыс. долларов для закупки оружия). Сталин назвал эту сумму «пустяком», которой мало на что хватит, и обещал её немедленно выделить. На замечание Джиласа, что после освобождения эта сумма, равно как и стоимость всех поставок оружия и других материалов, будет возмещена. Сталин искренне рассердился, заявив: «Вы оскорбляете меня. Вы проливаете свою кровь и хотите, чтобы я брал с вас деньги за оружие! Я не купец, мы не купцы! Вы сражаетесь за то же дело, что и мы. Мы обяза-

ны делиться с вами всем, что у нас есть.» (Джилас, Емельянов, 357.)

...в своей политике, как внутренней, так и международной, он показывает теперь себя настолько же мудрым, умеренным и либеральным, насколько некогда он был непримиримым. Он хочет называться отцом русского народа и щадит побеждённых румын, венгров, болгар с поразительным великодушием. (Бельгийский журнал, Иванов, 527.)

Джозеф Дэвис, отвечая на вопрос: «А что Вы скажете относительно членов «пятой колонны» в России?» сказал: «У них нет таких, они их расстреляли.» И продолжил: «Неожиданно передо мной встала такая картина, которую я должен был ясно видеть ещё тогда, когда был в России. Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935–1939 годов являются возмутительными примерами варварства, неблагодарности и проявления истерии. Однако в настоящее время (июнь 1941 — Р. Б.) стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников. (Дэвис, Соловьёв, 30.)

Наша беседа, длившаяся час, подходила к концу, и я поднялся и начал прощаться. Сталин вдруг, казалось, пришёл в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он ещё не говорил со мной: «Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?» Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. (Черчилль, Лобанов, 507.)

Мне глубоко запомнилось моё прощание со Сталиным. После обычных прощальных слов он пожал мне руку и сказал по-русски: «До свидания». Затем, отойдя на три-четыре шага, неожиданно повернулся, подошёл снова ко мне и обменялся со мной продолжительным

рукопожатием, не сказав ни слова. Потом с посуровевшим лицом повернулся и ушёл. Про себя я решил, что любой американец, имеющий такие личные качества и умение вести беседу, мог бы вполне достичь высокого государственного поста в Соединённых Штатах. (Хэлл, Вторая мировая, 396.) (Хэлл, должно быть, полагал, что делает Сталину комплимент — *Р. Б.*)

Сталин сказал: «Да, расскажите в Америке обо всём, что Вы видели здесь. Скажите американцам, если хотите, что нам нужно всё, что производится на их огромных предприятиях. Мы будем за это весьма благодарны. Но мне хотелось бы, чтобы Вы поняли, в чём здесь дело. Не надо создавать у кого-либо впечатления, что Вы призываете американцев занять покровительственную позицию по отношению к нам». Я подумал, что это мудрые слова проницательного и осторожного человека. (Уиллки, Иванов, 237.)

Сталин с самого начала произвёл на меня сильное впечатление, и моё мнение о его способностях никогда не менялось. Его личность оказывала влияние на собеседника без каких-либо видимых усилий с его стороны

Он обладал хорошими манерами. (Иден, Грибанов, 49.) (А мы верим волкогоновым да радзинским о неотёсанности Сталина — *Р. Б.*)

* * *

Сталинский подход отличался, и значительно, от подхода старых большевистских руководителей. Они были интернационалистами и космополитами. Троцкий был одним из многих марксистов-евреев, которые глубоких чувств к России не испытывали. Сталин же считал Россию своей родиной. Из грузина он превратился в российского националиста. Он верил, что России предназначено стать страной, где будет построен

коммунизм, страной, которая займёт ведущее место в мире. (Грей, 135.)

...русский большевизм при Сталине пережил структурные изменения решающего характера. Вместо идеи мировой революции на первый план вышла идея русского национализма и консолидации советского государства на его нынешней национальной, территориальной и социальной основе. (Вайцеккер, 22.8.1939 г., Молодяков, 219.)

Изменение в отношении союзников беспокоило и глубоко оскорбляло Сталина как акт неблагодарности. Он считал, что Россия спасла Запад от нацистского варварства, как в XIII веке Россия заслонила Европу от орд монголов. Ему и всем русским было ясно, что если бы Россия не уничтожила боевую мощь Германии, Гитлер завоевал бы Британию и перенёс войну в Северную Америку. Россия заслуживала уважения союзников, а не высокомерия и снисходительности. (Грей, 201.)

Сталин не примет участия во встрече на высшем уровне, пока союзники не покинут советскую зону (оккупации Германии). (Гопкинс, Иванов, 498.) (Достоинство государства.— Р. Б.)

Сталин настоял на том, чтобы Черчилль и Рузвельт встречались с ним на его территории (посольство СССР в Тегеране). Тем самым он одержал большую моральную победу. (Сокольский, Иванов, 350.)

Смелый, но осторожный, легко впадающий в гнев и подозрительный, но терпеливый и настойчивый в достижении своих целей; способный действовать с большой решительностью или выжидательно и скрытно — в зависимости от обстоятельств, внешне скромный и простой, но ревниво относящийся к престижу и достоинству государства... принципиальный и беспощадно реалистичный, решительный в своих требованиях

в отношении лояльности, уважения и подчинения; остро и не сентиментально изучающий людей — он мог быть, как настоящий грузинский герой, большим и хорошим другом или непримиримым, опасным врагом. Для него трудно было быть где-то посередине, между тем и другим. (Кеннан, Иванов, 432.)

Сталин относился к армии как к элите. Высшие офицеры имели дачи, автомобили и прислугу. Высший командный состав неоднократно награждался орденами и медалями... (Грей, 126.)

Сталин кажется воплощением своего народа. Этот защитник демократии является наиболее явным диктатором. И по той извилистой дороге, по которой его партнёры ходят как будто на ощупь, будучи вынуждены считаться со всякого рода обстоятельствами, он идёт невозмутимо своим собственным путём-дорожкой. (Бельгийский журнал, Иванов, 526.)

ПОЛИТИК

Многие из нас не видят никакой разницы в понятиях «политик» и «государственный деятель». Очень любят величать себя политиками бывшие секретари обкомов, ставшие губернаторами, директора и главные инженеры заводов, вскарабкавшиеся в это вожаделенное кресло. Хотя никакими политиками они не являются. При Советской власти они исправно выполняли директивы, спускаемые им ЦК или из обкома КПСС, а сейчас так же исправно, только с ещё большей ретивостью выполняют предписания аппарата президента. Они всего-навсего государственные деятели, правда, разного калибра, и калибр этот от них самих никак не зависит. Это люди подручные, исполнители.

Политиками же можно именовать людей, которые способны выдвигать, рождать государственные идеи, обдумывать дела государственного масштаба, разрабатывать их стратегию, планы осуществления.

Политик может быть одновременно и государственным деятелем, а государственный деятель далеко не всегда политик. Не всегда эти понятия совпадают. Можно считаться политиком, стоять у реальных рычагов власти, но быть никуда не годным государственным деятелем, когда правишь не ты, а тобой правят, принуждая исполнять чужую волю. Таких примеров в наше время не перечесть.

Человеком, сочетавшим в себе способности выдающегося политика и государственного деятеля, был Сталин.

Наиболее ярко гений Сталина политика проявился в годы Великой Отечественной войны.

Большинство людей представляют войну упрощённо. Вот сошлись две армии и дерутся. Но подготовительной работы, проделанной для того, чтобы они

сошлись, никто не видит. Раньше, когда армии были сравнительно небольшими, полководец (например, Наполеон) мог заведовать всеми вопросами, связанными с войной. Когда армии стали миллионными, а фронт растянулся на тысячи километров, это стало невозможно. Полководцы стали заниматься лишь военными вопросами. А всем остальным руководство страны.

Армию надо накормить, напоить, обути, одеть и вооружить. Именно так. Голодная армия не много навоеует. Всеми этими вопросами занимался Государственный Комитет Оборона, который возглавлял Сталин.

Ни один из маршалов, командовавших фронтами в 1942–1945 гг., не входил в ГКО. Они выполняли только военные обязанности.

У маршалов не болели головы о производстве танков, орудий, самолётов, боеприпасов. Всё это контролировал Сталин. Каждый оборонный завод имел свой план и ежедневно отчитывался перед ним о его выполнении.

У маршалов не ломало голову от забот, как сформировать еще несколько боеспособных армий. Вопросы мобилизации, доставки пополнений на фронт контролировал Сталин.

Маршалам некогда было думать, откуда берутся эшелоны с мукой, мясом, овощами, лекарствами, перевязочными материалами, хирургическим инструментарием и т. п., поступающими на фронты. Армия получала все необходимое. И всем этим заведовал, за всем надзирал и строго карал за халатность и разгильдяйство один человек.

Маршалы стояли в стороне от дипломатической борьбы во время войны, когда сталкивались интересы не армий и фронтов, а государств.

Именно Сталин явился создателем антигитлеровской коалиции. Именно он был её главным скрепляю-

щим звеном. Именно благодаря его усилиям союзники возобновили конвои, открыли второй фронт, чем были спасены десятки тысяч жизней советских солдат.

Войну целиком, во всей её огромности и многообразии, не представлял ни Жуков, ни начальник Генштаба, а только Сталин. Потому что война это не только битвы, это и народное хозяйство, и дипломатическая работа. И стратегическая разведка по всему миру. Сталин знал многое из того, чего Жуков не знал, ему этого знать было не положено.

Враги Сталина, разумеется, не признавали его политиком и придумали ему что-то вроде собачьей клички — «диктатор». Принимал единолично решения — диктатор. Давил политических противников — диктатор, не давал свободы слова — диктатор.

Но разве на переговорах в Тегеране или Ялте Рузвельт и Черчилль бегали поминутно к телефонам и с дрожью в голосе спрашивали, один конгресс, другой палату общин: «Мы с дядюшкой Джо¹ приняли решение. Одобряете, нет?» Ничего подобного. Рузвельт и Черчилль единолично принимали решения, а потом ставили в известность конгресс и палату общин.

Политических противников давили и Рузвельт, и Черчилль, только масштабы были разные, но у того и у другого по этой части рыльце в пушку.

Когда в 1942 году В. М. Молотов под псевдонимом «мистер Браун» летал в Англию, потом в США и снова в Англию, что же молчала об этом самая свободная пресса в мире? Я так и вижу аршинные заголовки «Таймса» и «Вашингтон поста»: «На английской земле секретный посланец кровавого диктатора! Зачем он прилетел? Наш корреспондент сообщает.» и т. п.

¹ Так между собой называли Сталина Рузвельт и Черчилль.

Ничего этого не было. Все газеты молчали. Поездка мистера НЕТ¹ была засекречена, а если бы какая-нибудь газета что-то вдруг и пронюхала, ей бы без излишних церемоний приказали повесить замок на рот.

Так что, когда затронуты интересы государства, и на Западе со свободой слова всё в порядке.

Великий политик Сталин был одновременно и великим государственным деятелем — экономистом, хозяйственником, плановиком, идеологом, полководцем, дипломатом...

«Многим из нас известны люди, способные повторить и умножить грехи, ошибки... Сталина,— пишет учёный.— Но видим ли мы сейчас кого-либо, кто мог бы сравниться с ним в политической одарённости, государственной мудрости и деловом, неистерическом патриотизме?»²

Строитель нового государства

8 ноября 1917 года... Сталин получил пост народного комиссара по делам национальностей. Однако роль, которую он с самого начала играл в рамках этого правительства, выходила далеко за пределы полномочий руководителя одного из менее важных народных комиссариатов. Теперь в момент принятия всех важных решений мы видим Сталина рядом с Лениным, который стал привлекать его как одного из наиболее близких и доверенных сотрудников, наряду с Троцким, к решению всех важных государственных и партийных проблем. (Хильгер, 215.)

¹ Так прозвали Молотова в дипломатических кругах Запада за твёрдость в отстаивании интересов СССР, у нас же с 1991 года в наличии имеются только мистеры ДА.

² Д. В. Колесов. И. В. Сталин: загадки личности. М., Флинта, 2000. С. 125.

Сам Троцкий в биографии Сталина теперь говорит о его «выдающемся значении» и прямо признаёт, что Ленин и тогда, и в последующие месяцы, в особенности во время мирных переговоров с Германией в Брест-Литовске, имел обыкновение принимать решения в зависимости от результатов предварительной консультации со Сталиным. (Хильгер, 216.)

Уже в декабре 1924 года Сталину стало окончательно ясно, что в противоположность прежней теории, построение полного социалистического общества в одной, отдельно взятой стране, возможно... Он обосновал это утверждение простыми, убедительными и неопровержимыми аргументами. (Фейхтвангер, Грибанов, 28.)

Коммунизм и коммунисты всегда и всюду побеждали — пока возможно было осуществление этого единства из учения с практикой. Сталину же непостижимую демоническую силу придавало упорство и умение соединять марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью. Потому что Сталин — не политический теоретик в полном смысле этого слова: он говорит и пишет только тогда, когда его к этому принуждает политическая борьба — в партии, в обществе, а чаще всего и там и тут одновременно. В этом слиянии мысли и реальности, в этом деловитом и не отвлечённом прагматизме и состоит сила и оригинальность взглядов Сталина. (Джилас, Лобанов, 647.)

Сталин стал вождём не только в силу своих личных качеств, способностей, решительности, но и потому, что осуществлял уверенное, не подвергающееся сомнению руководство. Он вдохновил людей верой в то, что их трудности и жертвы преходящи; в конце их ждут победа и другие награды. Это была его собственная вера в то, что всё, что ведёт к справедливости, к социализму, оправдывает себя. (Грей, 105.)

Не теряя времени, он приступил (в какой-то мере был вынужден к тому, ибо ход подобных процессов неумолим и неизбежен, тут одна из причин, почему его враги оказались столь слабы) к величайшей из всех промышленных революций. «Социализм в одной стране» должен был заработать. России в десятилетия предстояло сделать примерно то же, на что у Англии ушло двести лет. Это означало: всё шло в тяжёлую промышленность, примитивного накопления капитала хватало рабочим лишь на чуть большее, чем средства пропитания. Это означало необходимое усилие, никогда ни одной страной не предпринимавшееся.

Смертельный рывок! — и всё же тут Сталин был совершенно прав. Даже сейчас, в 60-е годы, рядом с техникой, не уступающей самой передовой в мире, различимы следы первобытного мрака, из которого приходилось вырывать страну. (Сноу, НС, 192.)

Сталин лично руководил всем этим. Ни один вопрос не ускользнул из поля зрения вождя. Ответственность его была огромной, но он видел прогресс, и это оправдывало героические усилия народа и подтверждало правильность политики. Государство начало возрождаться. Были у Сталина и опасения. Он был уверен, что в партии есть люди, которые попытаются сорвать это продвижение. Он считал их злой силой, которую необходимо уничтожить... Поэтому в 30-е годы... была развёрнута пропагандистская кампания критики и осуждения Троцкого как наиболее опасного врага партии и Советского государства. (Грей, 110.)

Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его «умножателем» во всех отношениях. Сталинское строительство росло и крепло. Но Сталин должен был заметить, что всё ещё имелись люди, которые не хотели верить в это реальное, осязаемое дело, которые верили тезисам Троцкого

больше, чем очевидным фактам. (Фейхтвангер, Лобанов, 367.)

Великий организатор Сталин, понявший, что даже русского крестьянина можно привести к социализму, он, этот великий математик и психолог, пытается использовать для своих целей своих противников, способности которых он никоим образом не недооценивает... (Фейхтвангер, Лобанов, 372.) (Почему же Троцкий, если он был так умён, не смог использовать Сталина? — Р. Б.)

Тот факт, что Сталин сумел объединить усилия разрозненных народов старой России, что он сумел увлечь их по пути, который привёл к превращению чисто сельскохозяйственной и почти безграмотной страны в одну из наиболее индустриальных и культурных стран мира, является результатом силы воли человека, проницательность и уравновешенность которого равносильны его упорству. (Блан, Иванов, 442.)

Троцкий назвал Сталина самой выдающейся посредственностью в нашей партии. Бухарин насмеялся над ним, говоря, что он охвачен бесплодной страстью стать известным теоретиком. Но это всё острословие, фракционистские нереальные высказывания. Сталин действительно не мыслил теоретически в полном смысле этого слова. Однако для сочетания идеологии с потребностями партии... — его мышление намного более ценно, чем мышление всех его противников. (Джилас, Лобанов, 648.)

Сталин не ограничивается одними правильными высказываниями. Он работал, он шёл по правильному пути. Он объединил крестьян в артели, развивал промышленность, возделывал почву для социализма в Советском Союзе. Действительность, создаваемая им, опровергала неопровержимые теории Троцкого. (Фейхтвангер, Лобанов, 366.)

Он — создатель «железного века», гений пятилетки, человек, индустриализовавший Россию и осуществивший социализм в отдельном государстве. (Гунтер, Иванов, 114.)

Быть независимым

Своей теорией «социализма в одной стране» он призвал партию и народ стать хозяевами своей судьбы, не зависеть от зарубежных партий и своими героическими усилиями показать дорогу Западу и всему миру. Это было непосредственное обращение к национальной гордости и чувству мессианского призвания, которые пустили глубокие корни в русском характере. Ответом, особенно молодых членов партии, была волна энтузиазма, титанического и бескорыстного труда... (Грей, 105.)

Аналогичной была его политика в части индустриализации, преследовавшей цель сделать Советский Союз независимым от заграницы. Индустриализация уже с самого начала поставила перед населением неслыханные требования; однако она, несомненно, не была бы реализована в полном объеме, если бы в те решающие годы во главе Советского Союза не стоял человек типа Сталина. (Хильгер, 249.)

Ещё в своей полемике с Троцким Сталин выступал против вывода, что успех русской революции будет зависеть от поддержки её революциями на промышленном Западе. Как русский националист, Сталин выступал против предполагаемой зависимости. Россия создала свою собственную культуру и цивилизацию, взяв от других стран то, что ей было необходимо, но никогда не зависела от них. Русская культура, цивилизация считалась выше любой другой. А роль России — управлять миром и быть ведущей страной — была

заложена в русской традиции и передавалась из поколения в поколение. (Грей, 90–91.)¹

...в дальнейшем ходе войны (после эпизода с Г. Гопкинсом в июле 1941 г.— Р. Б.) он категорически сопротивлялся участию в ней любых войск, не подчинявшихся непосредственно ему, и, как правило, не допускал на советский фронт иностранных наблюдателей. (Хильгер, 280.)

В союзных странах обращали внимание на то, что Сталин даже в самое тяжёлое для СССР военное лихолетье держался очень уверенно и независимо и с Рузвельтом, и с Черчиллем. (Браун, Иванов, 279.)

Государственный деятель

Тем временем в Советском Союзе по инициативе Сталина и под его руководством происходили изменения во внутренней политике, характерные особенности которых обнаруживали причинную связь с развитием событий в Германии. Отражением этих изменений стала длинная череда мер, имевших цель по возмож-

¹ И. В. Сталин заявил в 1942 г.: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мировой капиталистической системы, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны».

Что сказал бы Вождь сейчас, когда Россия почти превращена в такое подсобное хозяйство, чуть ли не в ранчо очередного американского президента? Ведь все реформы, о которых вещалось на каждом углу, что им нет альтернативы, как мы сейчас видим, заключались именно в том, чтобы пристегнуть нашу страну к Западу.

Маркс писал: «Европейские государства... насильственно искореняют всякую промышленность в зависимых от них соседних странах».

Нужны ли еще пояснения тому, что случилось с нашей промышленностью, которую кровью и потом под водительством Сталина создал советский народ. Правда, в наше время роль европейских государств выполняет Америка.

ности максимально усилить положение Советского Союза перед лицом угрозы со стороны Германии. Исходным пунктом замысла Сталина было осознание того, что здоровая семья является предпосылкой построения здорового и сильного государства. Поэтому он требовал от коммунистов, чтобы они первыми подали положительный пример, изменили свой взгляд на семью и брак как на мелкобуржуазные институты и выступали за оздоровление семьи и брака в Советском Союзе (в 1936 г. были запрещены аборты — *Р. Б.*, Краткий курс истории ВКП(б). М., 1945. С. 325). Далее он указывал на то, что следует воспитывать любовь к Отечеству и патриотизм, поскольку эти качества — дело чести каждого советского гражданина. При этом он имел в виду, что каждый гражданин Советского Союза, и в первую очередь солдат, должен знать, за что он сражается, если Отечество призвало его к этому.. С целью воспитания и поддержания таких чувств Сталин приступил к прославлению героизма русских генералов и полководцев из времён часто весьма отдалённых... (*Хильгер*, 258–259.)

Сталин изначально произвёл на меня впечатление своим дарованием, и моё мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя, и её оценка не требовала преувеличений. Ему были присущи хорошие естественные манеры, видимо, грузинского происхождения. (Вопреки утверждениям, что он был груб.— *Р. Б.*) Я знаю, что он был безжалостен, но уважаю его ум и даже отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог до конца себе объяснить. Вероятно, это было следствием прагматизма Сталина. Быстро забывалось, что ты разговариваешь с партийным деятелем... Я всегда встречал в нём собеседника интересного, мрачноватого и строгого, чему часто обязывали обсуждавшиеся вопросы. Я не знал человека, который бы так владел собой на совещаниях. Сталин был прекрасно

осведомлѣн по всем касающимся его вопросам, предусмотрителен и оперативен... За всем этим, без сомнения, стояла сила. (Иден, Соловьѣв, 300.)

В проведении внешней политики Сталин был очень осторожен, сдержан и реально оценивал обстановку. Чтобы обеспечить экономическую самостоятельность России и укрепить обороноспособность, надо было превратить её из аграрной страны в индустриальную. Кроме того, не надо дразнить врагов на Западе и на Востоке, а стараться отодвинуть войну. С этой целью он обращал особое внимание на политику мира и разоружения. И проводил политику коллективной безопасности. (Грей, 136.)

Бенеш информировал меня о своих переговорах в Москве. Он обрисовал Сталина как человека, сдержанного в речах, но твёрдого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем собственную мысль, скрытую, но вполне определённую. (Голль, НС, 187.)

Я знаю, что Вы не будете возражать против моей грубой откровенности, если сообщу Вам, что, как я думаю, я лично могу столкнуться со Сталиным лучше, чем ваше министерство иностранных дел или мой государственный департамент. Сталин не выносит надменности ваших высших руководителей. Он исходит из того, что я ему нравлюсь больше, и я надеюсь, что он будет продолжать так думать. (Рузвельт, Иванов, 494.)

Как ни один из лидеров демократических стран, Сталин был готов в любую минуту заняться скрупулёзным изучением соотношения сил. И именно в силу своей убеждённости, что он — носитель исторической правды, отражением которой служит его идеология, он твёрдо и решительно отстаивал советские национальные интересы, не отягощая себя бременем лицемерной, как он считал, морали или личными привязанностями. (Киссинджер, Соловьѣв, 272.)

Гарриман заявил начальникам штабов, что, по его мнению, Россия будет продолжать вести борьбу, но тон его высказываний посеял некоторые сомнения, надолго ли хватит у русских сил.

Многие наши официальные лица, включая группу представителей госдепартамента, опасались, что Россия начнёт переговоры с Германией и заключит мир. Однако я не верил, что Сталин запросит мира. Если бы я знал Сталина тогда так, как узнал его позднее, моё неверие превратилось бы в убеждённость. (Леги, Вторая мировая..., 410.)

Сталин был первым среди равных в союзнической коалиции. (Чан-Кай-ши, Соловьёв, 303.)

...Сталин разговаривал там (в Тегеране) как человек, имеющий право требовать отчёта. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям. Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооружённых сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы в согласии с Советами отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касающиеся Центральной Европы, и в особенности вопрос о Польше, куда вот-вот должны были вступить русские армии. (Голль, НС, 187.)

Есть, однако, ещё одна область, в которой Сталин возвышается до такой моральной высоты, которой не достиг до него ни один толководец, даже Юлий Цезарь.

Речь идёт об его умеренности во внешней политике. Несмотря на неслыханную жестокость немцев и их сателлитов, условия перемирия, предложенные финнам советским правительством, условия, предъявленные Румынии в момент её капитуляции, остаются умеренными. (Блан, Иванов, 443.)

По пути в Белый дом и в наших беседах на следующее утро я сделал обзор для президента главных достижений Московской конференции. По существу, я мало что мог добавить к той подробной информации, которую я направлял ему по ходу конференции. Он был больше заинтересован в обсуждении предстоящих совещаний в Каире и Тегеране. Он ждал встречи со Сталиным с энтузиазмом мальчишки, и ему особенно хотелось узнать мои личные впечатления о маршале. Через несколько часов президент отбыл на эти исторические совещания. (Хэлл, Вторая мировая, 398.)

Когда мы вышли из-за обеденного стола, Сталин провёл меня и ещё двух-трёх гостей в соседнюю комнату на несколько минут, прежде чем перейти в кинозал. По своей инициативе он с едким сарказмом заговорил о распускавшихся ранее слухах, будто Советский Союз и Германия могут договориться о сепаратном мире. Я ответил, что любой человек, знающий русских людей и их отношение к Германии в этой войне, поймёт, что русские люди не заключат сепаратного мира с Германией. Он с готовностью согласился. (Хэлл, Вторая мировая, 395.)

По воспоминаниям членов английской делегации на конференции (Тегеранской), увидев Сталина в мундире маршала, Черчилль тотчас надел на себя мундир высшего офицера Королевских воздушных сил, хотя до этого, как правило, носил синий в полоску костюм. А Сара Черчилль-Оливер (его дочь — Р. Б.) облачилась в форму женского вспомогательного корпуса военно-воздушных сил Великобритании. (Черчилль, Емельянов, 258.) (Показатель авторитета Сталина, подражают сильному.)

Кто-то высказал мысль, что немцы не оправятся в течение следующих пятидесяти лет. Но Сталин придерживался другого мнения:

— Нет, оправятся, и очень скоро. Это высокоразвитая промышленная страна с очень квалифицированным и многочисленным рабочим классом и технической интеллигенцией, лет через двенадцать-пятнадцать они снова будут на ногах. И поэтому нужно единство славян. И вообще, если славяне будут едины — никто пальцем не шевельнёт. (Джилас, НС, 193.) (Пророчество — Р. Б.)

Затем Сталин пригласил нас к ужину, но в холле мы задержались перед картой мира, на которой Советский Союз был обозначен красным цветом и потому выделялся и казался больше, чем обычно. Сталин провёл рукой по Советскому Союзу и воскликнул, продолжая свои высказывания по поводу британцев и американцев:

— Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда! (Джилас, Лобанов, 637.) (Пророчество — Р. Б.)

Иден в ходе переговоров заявил: к чему торопиться с установлением послевоенных границ, когда Гитлер всё ещё под Москвой и до Берлина далеко.

На это Сталин ответил сразу и уверенно:

— Ничего, русские уже были два раза в Берлине, будут и в третий раз!

(Иден, Соловьёв, 252.)

Кстати, в своей многотомной работе «Вторая мировая война» он (Черчилль) упомянул, что в Тегеране Рузвельт высказал мысль: после войны мир будут контролировать «четверо полицейских», то есть их тройка вместе с Китаем. Сталин возразил: Китай не будет так силён, а европейским странам он чужд, поэтому лучше рассматривать отдельно Европу и Азию. «В этом вопросе,— заключил Черчилль,— советский вождь показал себя определённо более проникательным и высказал гораздо более правильное понимание действи-

тельного положения вещей, нежели президент». (**Черчилль**, Баландин, 173.)

Сталин является той великой движущей силой, которая вдохновляет русский народ в мирный период и в период войны с врагом. Его величественная речь является откровенной и мудрой в отношении западных держав и непримиримой в отношении общего врага. (**Гарвин**, Иванов, 246.)

Сталин давал откровенные и исчерпывающие ответы на все многочисленные вопросы, которые я ему задавал. Он не оставил у меня никаких сомнений относительно силы и решимости русских оказывать немцам сопротивление ... пока объединённые страны не уничтожат гитлеровскую военную машину. Сталин убедительно призывал объединённые страны вложить всю свою энергию в военные усилия и сделать это самыми быстрыми темпами... В его красноречивой и искренней манере говорить была колоссальная сила убедительности. Несомненно, что это качество является одной из причин его величия. (**Уиллки**, Иванов, 237.)

Предложенный Сталиным протокол указывал, что наши надежды в Лондоне на то, что удастся ограничить обсуждение вопроса о границах общими положениями Атлантической хартии, не оправдались. Цель русских уже была твёрдо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России. Сталин показывал свои когти. Он начал с того, что запросил немедленного признания советских границ 1941 года, как границ, которые будут указаны в послевоенном мирном договоре. (**Иден**, Соловьёв, 252.)

Советский народ и Вы, великий Сталин, являетесь для нашего малого народа неоценимыми и верными друзьями, помогавшими ему в деле освобождения от

фашистского ига и непрерывно помогающими ему теперь в деле построения новой лучшей жизни... Благодаря огромной экономической и культурно-просветительной помощи, постоянно оказываемой Советским Союзом, которая является для нашего народа могучей основой в деле построения социализма в нашей стране, наш миролюбивый и прогрессивный народ приложит все силы в деле укрепления мира и будет трудиться так, чтобы его родина стала сильной и счастливой. (Ходжа, Правда, 22.3.1949.)

До тех пор, пока хвастливый Гитлер не был поставлен на колени у ворот Москвы в прошлом году, многие в США не признавали, что Советский Союз обладает большой военной мощью, что его генералы — первоклассные стратеги, что Сталин является одним из величайших руководителей в мире. Ныне Россия топит честолюбивые замыслы Гитлера в крови его армий. (Трибюн, Окленд, Иванов, 277.)

Не может быть никакого сомнения, что Сталин — единственный человек, с кем можно иметь дело по вопросам внешней политики. Разговоры с другими без предварительных инструкций от Сталина по обсуждаемым вопросам — почти полная потеря времени. (Гарриман, Емельянов, 321.)

Хитрый, беспощадный и необычайно ловкий политический тактик Сталин ... ясно осознавал свои цели и решил добиваться их любой ценой... (Обс, Иванов, 404.)

Дипломат

Сталин с первого же момента нашей встречи произвёл на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь чёткая манера выражаться и твёрдый, но при этом и ве-

ликодушный стиль ведения переговоров, показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдалённой деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России,— человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде. (Риббентроп, 190.)

Тот факт, что такое соглашение (Договор о ненападении между СССР и Германией) оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германской армии с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских калёным железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, ещё не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой мировой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно-расчётливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной». (Черчилль, Советская Россия, 23.4.2005.)

Сталин проявил себя государственным деятелем высшей квалификации... Не будь пакта о ненападении, судьба мира сложилась бы по-иному и отнюдь не в пользу СССР. Заключив договор с Германией, Советский Союз спутал карты всех своих противников. Тех-

нически это было выполнено просто ювелирно...» Х. Тэратани считает, что когда позднее (август 1941 года) японское руководство принимало решение, развивать ли экспансию на север против Советского Союза, или на юг (было, как известно, выбрано южное направление), не последнюю роль сыграл шок, испытанный в августе 1939 года. (Х. Тэратани, Советская Россия, 23.4.2005.)

Сталин продемонстрировал неожиданную гибкость, применяясь к ситуации, в которой он никак не мог произвольно использовать свою власть, где ничто не угрожало его положению, где он, безусловно, был принят на равных с двумя другими лидерами. Как Сталинград имел решающее значение для Сталина в военном отношении, так Тегеран в дипломатическом. Но было и различие, заключавшееся в том, что успехи на фронте были результатом совместных усилий, главным образом Красной Армии, её командиров и Генерального штаба, а использование военных успехов в дипломатической игре — заслуга исключительно Сталина. Если Сталину приходилось учиться ведению войны, то человек, который заключил нацистско-советский пакт, от которого так выиграла Россия, не нуждался в обучении искусству дипломатии. Что касается Балтийских государств, Польши и Бессарабии, то он шёл тем же путём и с тем же результатом. (Буллок, НС, 189.)

Сталин верховенствовал на конференции. Его замечания были краткими, чёткими, всегда били в точку. Брук считал, что он обладал выдающимся военным талантом... Обладая очевидным величием и незаурядностью, он не был лишён обаяния и иногда излучал простое человеческое тепло, что компенсировало его требовательность и непомерную жёсткость, когда он защищал то, в чём видел интересы Советской России. (Грей, 184.)

Переговоры он вёл спокойно и умело, и сильные эмоции проявлял лишь тогда, когда говорил о репарациях с Германии и о страшных разрушениях, совершённых немцами в СССР. В общем он проявлял достаточную уступчивость и не настаивал на таких требованиях, которые его партнёры считали совершенно неразумными, например, чтобы в ООН были представлены все 16 советских республик. На западных наблюдателей произвёл большое впечатление тот факт, что на протяжении всей Ялтинской конференции Сталин внимательно следил за ходом войны и выполнял свои функции Верховного Главнокомандующего между полуночью и 5 часами утра. (**Верт**, 713.)

Дипломатические успехи Сталина в Тегеране, Ялте и Потсдаме были столь же значительны, как и дипломатические успехи Гитлера в 30-е годы, но они были достигнуты разными методами. Как и Гитлер, он мгновенно разгадывал карты сидящего напротив и использовал его слабости, скрывая собственные и не раскрывая перед ним своих карт. Но в отличие от Гитлера, он не давал волю темпераменту. Во время совещаний в Кремле он имел обыкновение вышагивать взад и вперёд по комнате, а в Тегеране сидел с бесстрастным лицом, слушал внимательно, избегал экспансивных откровений, которые позволяли себе Черчилль и Рузвельт в беседах один на один с ним. Его вопросы могли звучать резко, а комментарии — грубовато, но он говорил рассудительным тоном, оценки были разумны, а аргументы — убедительны, именно таким образом он не оставил камня на камне от доводов Черчилля в пользу операций на Балканах или в Восточном Средиземноморье, которые могли бы задержать высадку во Франции. (**Буллок**, НС, 189.)

То, что я видел и слышал в России, убедило меня, что руководители, народ этой великой страны стремят-

ся сотрудничать с нами. Они знают, что только сотрудничество всех стран и длительный мир могут привести к быстрому внутреннему развитию России, которое больше всего их интересует. В беседе со Сталиным... я увидел суровый реализм, прямогу, в которой чувствует уважение к себе. (Нельсон, Иванов, 388.)

Полководец

Основными пороками литераторов, промышленяющих разоблачением Сталина, являются верхоглядство и бесстыдство.

Это в полной мере относится к людям, отрицающим за Сталиным право именоваться полководцем. Мне неизвестен отзыв ни одного военного-профессионала (не считая продавшихся политработников), который, оперируя фактами, доказал бы, что Сталин не достоин этого высокого звания.

Большинство тех, кто не считает Сталина полководцем, или никогда не служили в армии, и имеют о ней понятие по сочинениям Войновича и ему подобных, или занимали в армии такую должность, которая даёт им возможность здраво судить разве что о способностях командира отделения или взвода, но не человека, командовавшего многомиллионной (от 5 до 11 млн. человек) Красной Армией.

Чтобы отказать Сталину в праве называться полководцем, ещё при Хрущёве несоразмерно их вкладу в общее дело войны начали превозносить отдельных советских маршалов. Дескать, Г. Жуков, А. Василевский, К. Рокоссовский, И. Конев — вот настоящие полководцы, а Сталин что-то вроде сбоку припёка.

Полководческого дара Г. К. Жукова никто не отрицает, но когда его изо всех сил выдвигают на передний план, пытаясь заслонить им Сталина, это равносильно

тому, как если бы на каком-то металлургическом предприятии вдохновителем и организатором трудовых побед объявили не его директора, а, допустим, начальника сталепрокатного цеха.

Последний министр обороны Советского Союза маршал Д. Т. Язов справедливо заметил: «Если Жуков — маршал Победы, то Сталин кто тогда? Только политический деятель? Так ни одна военная операция без согласования со Сталиным и утверждения им не проводилась.»

При участии Сталина разрабатывались все операции, ни одна из них не могла начаться, пока он не утвердил её. При этом все советские полководцы единодушно отмечают, что Сталин не просто присутствовал при разработке операций, но делал уточнения, вносил свои предложения.

Отдавая Сталину дань, именно как полководцу, благодарный советский народ назвал десять стратегических операций, потрясших в 1944 году до основания фашистскую Германию, десятью сталинскими ударами.

Хотя в этом разделе книги о Сталине-полководце говорят только иностранцы, необходимо отметить, что не все советские маршалы покорно склонились перед Н. Хрущёвым, когда он, подобно упырю, глумился над останками Вождя. Маршалы К. Рокоссовский, В. Соколовский не пошли против совести, не согласились оклеветать своего Верховного Главнокомандующего, за что и поплатились от великого «правдолюбца» и борца за партийные нормы жизни.

Нынче о Сталине судят люди, сами ничем не командовавшие, без военного образования и опыта, а вот что о нём говорят знатоки, или как сейчас любят говорить: профессионалы.

Сталин завоевал себе славу в глазах иностранцев благодаря своим военным достижениям. Гражданский вождь стал Главнокомандующим советской армией. (Блан, Иванов, 443.)

Сталин, несомненно, обнаружил большую проницательность, когда все свои усилия в первую голову и раньше всего отдавал Красной Армии; события самым очевидным образом подтвердили его правоту... (Жид, НС, 195.)

Сталин смог оснастить свои новые армии гораздо лучше, чем оснащались до того времени русские войска. Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность, работала теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов. (Типпельскирх, Соловьёв, 234.)

Всё более возрастает уверенность, что Иосиф Сталин в полном смысле слова лично руководит военными действиями русской армии. ...Имеется в виду, что Сталин сам определяет стратегию Красной Армии, назначает командный состав... диктатор Советского Союза, похоже, проявил себя, как самая величайшая личность всех времён. (Канзасская газета, 24.2.1943, Иванов, 280.)

Сталин обладает всеми качествами великого боевого вождя. Он уверен в Красной Армии и в русском народе, и они, безусловно, доверяют ему. (Гарриман, Иванов, 265.)

Всё это (ситуация в Северной Африке — Р. Б.) сейчас отодвинута в сторону огромнейшими достижениями храбрых войск наших русских союзников под верховным командованием Сталина, великого полководца, имя которого будет жить в веках и будет самым любимым в истории русского народа. Вполне возможно, что

поражение немцев под Сталинградом окажется решающим. (Черчилль, 22.2.1943, Иванов, 298.) (А как мы поступили с любимым вождём? — Р. Б.)

Я встречался с некоторыми из вождей Красной Армии. Я знаю железную и непреклонную, стальную целеустремлённость её Верховного Главнокомандующего Сталина. Его мужеству, его неустанной работе, его руководству, его совершенному мастерству мы и весь мир глубоко обязаны и глубоко благодарны. (Криппс, 22.2.1943, Иванов, 299.)

Для России большое счастье, что в час её страданий во главе государства стоит этот великий, твёрдый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить. (Черчилль, 9.9.1942, Иванов, 225.)

Я нашёл, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определённом смысле наиболее эффективный из военных лидеров. (Гарриман, Соловьёв, 301.)

Сталин — крупнейший человек в мире, так как Красная Армия уничтожила германскую армию. Ни разу после вступления Красной Армии на Балканы среди союзников не наблюдалось такой волны благодарности и уважения к России, какая последовала за вступлением Красной Армии в Германию. (Таймс, американский журнал, февраль 1945, Иванов, 449.)

В воздухе, на океане и в морях мы можем сохранять наше положение, но не было в мире такой силы, которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали русские армии. Я приветствую маршала Сталина, этого великого вождя своей страны, и я твёрдо верю в то, что наш двадцатилетний договор с Россией окажется одним из наиболее длительных и прочных факторов

в деле сохранения мира, порядка и прогресса в Европе. (Черчилль, Иванов, 435.)

Русский народ проявил стойкость и храбрость. Русские солдаты дрались решительно и отважно, над всем этим стоит героическая фигура Сталина, несравненно-го вождя своей страны в дни её огромной опасности. (Оттава джорнэл, 3.8.1944, Иванов, 437.)

Большинство американцев, участвовавших в конференции, впервые встретились со Сталиным. Он произвёл на них сильное и благоприятное впечатление, возможно, потому, что он поддерживал американскую точку зрения в наших спорах с англичанами. Независимо от этого нельзя было не заметить черты величия в этом человеке... Сталин прекрасно знаком с деталями... он поразительно сведущ в таких вопросах, как тактико-технические свойства различных видов оружия, конструктивные особенности самолётов, советская методика боевых действий и даже незначительные тактические приёмы. (Дин, Верт, 542.)

Во время этой встречи и во всех последующих, которые мы имели со Сталиным, я быстро пришёл к осознанию того факта, что у него был образ мышления военного человека и притом самого большого калибра (Брук, Иванов, 338.)

Генерал Брук, начальник английского Генерального штаба, который имел большой опыт работы с Черчиллем и над которым Сталин подшучивал за обедом за антирусские высказывания, был поражён тем, как он вёл дела. Несмотря на то, что советского руководителя не сопровождали эксперты, Брук отметил: «Ни в одном из своих высказываний Сталин не допустил стратегической ошибки, всегда быстро и безошибочно схватывая особенности ситуации.» (Буллок, НС, 189.)

Сталин почти не делал ошибок... Он обладал поразительным стратегическим чутьём, и я не помню, что-

бы он сделал хоть один ложный шаг в наших переговорах по стратегическим вопросам. (**Монтгомери**, **Соловьёв**, 300.)

Народам России повезло, что в час своего величайшего и серьёзного испытания они нашли воина и маршала Сталина, авторитет которого позволил ему координировать и контролировать движение армий, численность которых определялась миллионами, на фронте протяжённостью почти в 2 тысячи миль и обеспечивать единство и согласованность военного руководства, что было весьма ценно для Советской России и для всех её союзников. (**Черчилль**, 26.3.1944, **Иванов**, 361.)

В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции «Торч». Он перечислил четыре основных довода в её пользу. Во-первых, это нанесёт Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвёртых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он всё это оценил молниеносно. (**Черчилль**, **Лобанов**, 500.)

Сталин показал удивившие нас познания в военной области и своё искусство оперировать цифрами. Он удивился, почему у нас дивизии такие маленькие, и сказал, что через Ирбенский пролив легко могут пройти 1500-тонные подводные лодки и обстрелять Ригу из четырёхдюймовых орудий. Поэтому батареи у пролива

должны находиться под одним командованием, иначе не смогут действовать. После этого Сталин образно показал, положив на стол карту, что подводным лодкам придётся шнырять туда-сюда при поддержке авиации, и сложилось впечатление, что по всему берегу будет большая активность. (**Мунтерс**, Похлёбкин, 130.)

Сталин, который стал держать себя нервно, сказал, что он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему мы так боимся немцев? Он не может этого понять. Его опыт показывает, что войска должны быть испытаны в бою. Если не испытать в бою войска, нельзя получить никакого представления о том, какова их ценность. (**Черчилль**, Вторая мировая, 166.)

Гитлер считал величайшим достижением Сталина создание Красной Армии. (**Риббентроп**, Соловьёв, 34.)

В тяжёлые дни после окончания боёв за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твёрдости этого человека, негибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении... Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения — историческая личность совершенно огромного масштаба. (**Риббентроп**, Соловьёв, 307.)

Вероятно, никакой другой человек, кроме Сталина, не смог бы сделать то же самое в войне, с такой степе-

нью беспощадности, гибкости или целеустремлённости, какой требовало успешное ведение войны в таких нечеловеческих масштабах. (Устинов, Соловьёв, 295.)

Один иностранный эксперт, которого нельзя упрекнуть в излишних симпатиях к Сталину как к человеку, вероятно, дал ему самую справедливую характеристику: «Если он виновен в поражениях первых двух лет войны, то ему следует отдать должное за блестящие победы 1944 года, года чудес, когда целые немецкие группы армий были буквально раздавлены и уничтожены молниеносными ударами в Белоруссии, Галиции, Румынии, Прибалтике, в битвах, проходивших не в заснеженных степях, а в разгар лета в Центральной Европе. Некоторые из этих побед должны стоять в одном ряду с самыми выдающимися победами в мировой военной истории. (Грей, 198.)

Это была и его победа, потому что он лично руководил операциями, и контролировал действия войск и военачальников в ходе войны. Это был титанический труд — непрерывно, день за днём, в течение долгих четырёх лет руководить Вооружёнными Силами, их снабжением, промышленностью и политикой правительства, включая внешнюю политику. (Грей, 197.)

В действительности же это (открытие второго фронта — *Р. Б.*) произошло... 16 месяцев спустя после победы, которую одержала Красная Армия под Сталинградом в начале февраля 1943 года и которая в немало степени была личной заслугой Сталина. (Хильгер, 284.)

Если отбросить односторонние догматические и романтические увлечения, то я бы и сегодня, как и тогда, высоко оценил качество Красной Армии, и в особенности её русского ядра.

Хотя советский командный состав, а ещё в большей степени солдаты и младшие командиры воспитаны

политически односторонне, однако во всех других отношениях у них развивается инициатива, широта культуры и взглядов. Дисциплина — строгая и безоговорочная, но не бессмысленная — подчинена главным целям и задачам. У советских офицеров не только хорошее специальное образование, одновременно они — наиболее талантливая, наиболее смелая часть советской интеллигенции. Хотя им сравнительно хорошо платят, они не замыкаются в закрытую касту; от них не требуют чрезмерного знания марксистской доктрины, они прежде всего должны быть храбрыми и не удаляться от поля боя — командный пункт командира корпуса возле Ясс было всего в трёх километрах от немецких передовых линий. Хотя Сталин и провёл большие чистки, в особенности среди высшего командного состава, это имело меньше последствий, чем предполагают, так как он одновременно без колебаний возвышал молодых и талантливых людей, — каждый офицер, который был ему верен, знал, что его амбиции будут поняты. Быстрота и решительность, с которой Сталин во время войны производил перемены в высшем командном составе, подтверждают, что он был находчив и предоставлял возможности наиболее талантливым. Он действовал одновременно по двум направлениям: вводил в армии абсолютное подчинение правительству, партии и лично себе и ничего не жалел для усиления её боеспособности, улучшения уровня жизни её состава, а также быстро повышал в чинах наиболее способных. (Джилас, НС, 193.)

Этими операциями руководит Сталин — самый великий полководец мира, самый талантливый стратег и самый опытный маршал. Сталин ведёт свой народ к победе, ибо он руководствуется правильной стратегией, которая не терпит компромиссов и которая обеспечивает полный разгром и уничтожение противника.

Красная Армия смогла добиться таких крупных успехов благодаря единству и самоотверженности всего народа. (**Родригес**, Иванов, 303.)

Встав из-за стола, Гитлер посмотрел на меня и сказал:

— Красная Армия в Берлине... Сделать это мог только Сталин. (**Раттенхубер**, Агония., 196.)

Заслуга Сталина в том, что он сам выдвинул в начале войны целую плеяду блестящих полководцев, таких как Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, Воронов. Позже к ним добавились Ватутин, Ерёменко, Малиновский, Мерецков, Черняховский и другие.

Сталин был непревзойдённым Верховным Главнокомандующим. Его самые талантливые генералы — Жуков, Рокоссовский, Конев и другие, которые сами по себе были выдающимися полководцами среди военачальников всех стран, вовлечённых в войну, непререкаемо воспринимали его авторитет. Он превосходил их не только положением, но и силой характера и интеллекта. Он внушал глубочайшее уважение. Умный, наблюдательный и честный, он умел находить и ценить в своих офицерах нужные качества.

Это была его победа, потому что она была достигнута во многом благодаря его гению и работоспособности, героическим по масштабу. (**Грей**, 198)

Советские войска не только доказали, что они являются величайшей современной армией, прекрасно руководимой и отлично оснащённой. Советские Вооружённые силы превратили Советский Союз в мощнейшую мировую державу, каковой никогда не была Российская империя. Они не только упрочили политику Сталина и укрепили его престиж в России и за её пределами. Вооружённые силы России дали в руки Сталину могущественный инструмент для реализации его планов в будущем. (**Маккормик**, Иванов, 294.)

ИТОГИ ЖИЗНИ

Дело Сталина, его память настолько оклеветаны, опорочены и облиты грязью, что нам просто невозможно представить с какой любовью, с каким искренним восхищением и почтением относились к нему люди в годы войны и послевоенные годы, когда Трумэн размахивал на весь мир атомной бомбой. Слыша его безумные заявления, люди знали, что только один человек способен обуздать наглого агрессора-янки: это Сталин.

Люди знали, что свободу Европе и всему миру несут не англичане и не американцы, только летом 1944 года объявившиеся в Европе, когда в неё уже давно с победными знамёнами вошла освободительница Красная Армия. Имя Сталина в те годы было символом жизни, свободы, ясного дня, а имя Гитлера было символом смерти, рабства и ночи.

Посмотрите на снимки ликующих европейских городов. Люди, празднуя свободу, несут с собой портреты Сталина.

В этой рубрике приводятся слова признательности, уважения к великому Вождю, как от лиц всемирно известных, так и простых людей-тружеников, потерявших в годы войны детей и близких.

Приводим мы и свидетельства врагов нашего народа и нашего Вождя, которые, порой, быть может, сквозь зубы воздавали ему должное.

* * *

Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений. (Голль, НС, 187.)

В марте 1943 г. в США вышел специальный номер журнала «Лайф», посвящённый Советскому Союзу... На обложке журнала портрет Сталина. Объясняя этот первый в практике журнала случай издания номера, посвящённого отдельной стране, редакция писала, что она хотела выразить своё «тёплое, дружественное, полное уважения восхищение могучим русским народом» (Лайф, Иванов, 282.)

Даже Гитлер иногда совершает ошибки. В июне прошлого года, без малейшей провокации или нарушения пакта о нападении, он вторгся на земли русского народа. В то время он располагал сильнейшей армией в мире, обученной в войне, воодушевлённой невиданными непрерывными успехами, снабжённой безграничным количеством боеприпасов и самого совершенного вооружения. Он обеспечил также себе преимущество неожиданности и вероломства. Он бросил молодёжь и взрослое мужское население германской нации в Россию.

Русские под руководством своего воина-вождя Сталина выдержали потери, которых не могла бы выдержать никакая другая страна или правительство в столь короткий срок. (Черчилль, речь по радио 10.5.1942.)

Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождём и мудрым государственным деятелем и воином, с которыми в течение следующих трёх лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения. (Черчилль, Вторая мировая, 164.)

Вскоре мне пришлось уехать из Москвы. Сталин же остался и решил её оборонять. В эти трагические дни он в годовщину Октябрьской революции принимал парад на Красной площади: дивизии мимо него уходили на фронт. Трудно выразить то огромное моральное воздействие на советских людей, когда они узнали, что

Сталин в Москве, и слышали из неё его слова,— это возвратило веру, вселило уверенность в самих себя и стоило больше хорошей армии. (Димитров, Лобанов, 635.)

Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись. (Гитлер, Соловьёв, 306)

...не подлежит сомнению, что никто другой, кроме Сталина, не смог бы вдохновить русский народ на подвиги, которые тот совершил в ходе войны. (Хильгер, 281.)

Можно по-разному относиться к его политике, но надо ведь признать, что он поднял Россию до такого положения, какое она вряд ли имела раньше. Под его руководством России удалось выиграть не только войну, но также и мир, чего ещё не добились другие победители во Второй мировой войне. (Паасикиви, Емельянов, 525.)

...нельзя отрицать, что именно он превратил крестьянскую Россию, вызывавшую у Европы сострадание, в индустриальную державу.

Наконец, начиная с 1945 года, Россия стала наиболее сильным противником США. (Хильгер, 298.) (Когда Европа нам сострадала? — Р. Б.)

Вне зависимости от того, каким будет конец Сталина, он является настолько выдающимся колонизатором и генералом, что возвышается как башня почти над большинством современных лидеров. Возможно, он будет единственным диктатором, который переживёт эту войну. Тот, кто боится, что победа Сталина прине-

сёт с собой мировую революцию, тот не знает подлинных фактов.(Людвиг, Иванов, 311.)

Он представляется, как великий творец порядка и дисциплины. Более того, он занимает место рядом с постоянными защитниками человеческих свобод. Не правда ли, что это — самый большой парадокс истории? (Бельгийский журнал, Иванов, 527.)

Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народа Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я шагаю по этому миру с большой смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру. (Черчилль, Иванов, 474.)

Сталин — строитель! Сталин — слава государства! Для всех тех, кто мечтает о человеческом братстве, этот Сталин представляется ещё более великим, чем Сталин — маршал самой прославленной армии мира. (Блан, Иванов, 444.)

США теряют свою руководящую роль. Несомненно, что Сталин надевает на себя тогу, которую Рузвельт спустил со своих плеч. Не подлежит никакому сомнению, что в оркестре союзников Сталин играет не только первую скрипку, но и является дирижёром. Англия и США вынуждены играть так, как хочет Сталин —

этот большевистский режиссёр. (Нью-Йорк пост, Иванов, 368.)

Сталин представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав, и, если бы мне позволено было высказываться по этому вопросу, мы заключили бы соглашение с ним в кратчайший срок. Это был бы удар для заражённого проклятым лицемерием Запада, от которого он никогда бы не смог оправиться. Видите ли, говоря с русскими, всегда ясно, как обстоят дела: или они вам снимут голову, или начнут вас обнимать. А эта западная свалка мусора всё толкует о Боге и других возвышенных материях, но может заморить голодом целый народ, если придёт к выводу, что это соответствует её интересам. (Мюллер, Грибанов, 49.)

Наш маленький народ не боится угроз империалистов и их прислужников, которые бродят вокруг наших границ, потому что наш народ борется за дело справедливости, потому что он ненавидит войну, любит мир и борется за него. Наш народ уверен, что все попытки поджигателей войны окончатся полным провалом, потому что борьбу за защиту мира возглавляет славный Советский Союз, руководимый великим Сталиным, горячо, безгранично любимым вождем всего передового человечества. (Ходжа, Правда 22.3.1949.)

6 марта 1942 г. ТАСС сообщал из Лондона: «У англичанки леди Макроберт все три её сына — летчики английской авиации погибли в боях с немцами. Макроберт решила пожертвовать 20 тыс. фунтов стерлингов на построение звена истребителей в память о её погибших сыновьях. Она просила, чтобы эти самолёты были отправлены в СССР. В письме английскому министру авиации Макроберт писала, что весь мир удивлён замечательной борьбой русского народа. Боевые качества мужчин и женщин Советского Союза, сплочённых ду-

хом, сильных в своём единстве, превышают всё, что мир до сих пор считал возможным. Наиболее страшные и непрестанные удары не могли сломить их». Мать погибших пилотов заявляла: «Нет слов, чтобы выразить моё восхищение тем, что делается и было сделано под замечательным и вдохновляющим руководством Сталина. Гитлер никогда не сломит этот народ». (Мак-роберт, Иванов, 215.)

Марина Шафрова (в замужестве Марутаева) родилась в 1908 году в Ревеле, затем из Эстонии с отцом переехала в Бельгию. Когда Гитлер напал на СССР, она, как и другие эмигранты — патриоты, вступила с немцами в борьбу, чтобы помочь своей исторической Родине. Она вместе с соратниками устраивала диверсии на дорогах, вела пропагандистскую работу, записывая и распространяя сводки Информбюро. 8 декабря 1941 года она убила ножом немецкого майора — заместителя военного коменданта Брюсселя. Немцы взяли 60 заложников и заявили, что если убийца не будет найден, заложников расстреляют. Марина, поцеловав на прощанье своих сыновей (Никиту — 9 лет, и Вадима — 3 года), пошла в центр города, чтобы сдатьсь. Повстречав на улице немецкого офицера, она ударила его ножом. Её схватили.

В гестапо на вопрос, почему она это сделала, Марина ответила:

— Сталин приказал убивать немцев в тылу врага.

— Убитый вами майор, — сказал следователь, — отец троих детей. Понимаете, что вы сделали?

— А когда немцы убивают в России красноармейцев и мирных жителей, они думают о том, что оставляют много сирот?

Военный суд приговорил Марину к смертной казни. В Бельгии её казнить не решились, перевезли в Герма-

нию, в Кёльн, где в городской тюрьме 31 января 1942 на гильотине отрубили голову.

По свидетельству тюремного священника перед смертью она сказала:

— Я счастлива умереть за Сталина, за советский народ. (В. Алексеенко. Шаги в бессмертие. Советская Россия. 30.11.2006.)

Фашисты хотели умертвить жизнь в нашем селе-нии, но трава проросла сквозь руины. Поджигатели войны мечтают о новой бойне, но матери Орадура вместе с Вами, Генералиссимус Сталин, вместе с мате-рями Советского Союза, вместе с матерями всего мира воздвигнут на пути поджигателей стену своей воли к миру и так же, как трава под нашими руинами, жизнь одержит победу над смертью. (Женщины из селения Орадур-сюр-Глан. Правда. 5.12.1949.)

Господин Иосиф Сталин. Мой муж, шахтёр Анто-нин Бартье, был убит 22 октября 1948 года солдатами охранных частей в Фирмини во время великой нацио-нальной забастовки французских шахтёров, боровших-ся за хлеб и за мир. Я не коммунистка, но я знаю, что Вы — человек, которого все любят, потому что Вы де-лаете добро для всех людей. Я хочу, господин Иосиф Сталин, послать Вам по случаю Вашего 70-летия мои пожелания доброго здоровья. Я хочу ещё долго видеть Вас во главе борцов за мир и свободу, чтобы Вы могли помешать тому, чтобы другие жёны и дети лишились своих мужей и своих отцов. Разрешите мне и моей дочери пожать Вам руку. Вдова Антонина Бартье. (Бар-тье. Правда. 5.12.1949.) (Нынешним руководителям России никто не пошлёт такое письмо, потому что они не на стороне простых людей. А в те годы люди знали, что есть человек, есть целая страна, где думают и забо-тятся о простых людях, где главное — не деньги, а идея.— Р. Б.)

В предместье Парижа г. Витри открыт проспект Сталина.

Мэр города Люсьен Франсе, советник республики Жан Шентрон, секретарь ЦК КП Франции Леон Мовэ говорят о том, какое большое значение имеет сегодняшнее событие. Они подчёркивают, что жители Витри, назвав именем Сталина проспект, тем самым выражают свою благодарность великому вождю, который привёл свободолюбивые народы к победе над фашизмом, который сейчас возглавляет историческую битву народов за мир, против поджигателей новой войны. (Витри, Правда, 29.1.1950.) (Их ведь никто не заставлял.— Р. Б.)

Американцы могут бросить взгляд на спокойные улочки своих городов и попытаться представить их в условиях страшных разрушений, которые обрушились на Сталинград. Они могут взглянуть на своих соседей и представить себе мужчин и женщин Сталинграда, сражающихся за каждую окровавленную пядь земли пригородных улиц... Сталин убивает тех, кто убивал бы американцев. В Сталинграде выиграно время для будущей победы. (Нью-Йорк геральд трибюн. Иванов, 285.) (Американцам не представить развалины России, Кореи, Вьетнама, Югославии, Ирака. Если бы их хоть раз хорошенько побомбили, быть может, они кого-нибудь и пожалели бы кроме себя.— Р. Б.)

...Декларация Гитлера от 22 июня 1941 года, в которой он заявил, что не мог атаковать Англию, имея в тылу вооружённую Россию, лучше всего показывает, чем обязано большинство человечества Сталину. (Людвиг, Иванов, 313.)

...когда Сталин говорил в 1931 году: «Если мы не будем производить 10 миллионов стали в год, то меньше, чем за 10 лет нас раздавят», он был прав. Десять лет, то есть 1941 год. Если бы он тогда не совершил то

невероятное усилие, которое, действительно, с человеческой точки зрения, стоило очень дорого, мы бы сейчас жили в эпоху Освенцима... В определённых исторических условиях сначала нужно делать то, что необходимо, даже если это будет стоить больших человеческих усилий. Я считаю, что с человеческой точки зрения сталинизм стоил нам очень дорого, но надо также сказать и о том, что если Европа свободна сегодня, так это благодаря Сталинграду. (Гароди, Соловьёв, 301.)

Сталин поднял Россию из пепла. Сделал великой державой. Разгромил Гитлера. Спас Россию и человечество. (Керенский, Соловьёв, 295.)

Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив, здоров. Только Сталин может спасти мир! (Черчилль, Грибанов, 71.)

Во время посещения Армении и Грузии он (Кот) несколько раз поднимал тост за здоровье маршала Сталина, лучшего представителя человечества, открывшего ему новое будущее и ведущего его к новой цивилизации. (Кот, Иванов, 388.)

Большим счастьем для России было то, что в годы тяжких испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин.

Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором проходила его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким, жёстким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью точно воспринимать мысли и выражать собственные. Статьи и речи писал только сам, и в произведениях его звуча-

ла исполинская сила. Эта сила была настолько велика, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времён и народов.

Сталин производил на нас глубочайшее впечатление. Его влияние на людей было неотразимым. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, мы все вставали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой, лишённой всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойдённым мастером находить в трудную минуту путь к выходу из самого безвыходного положения. В самые критические минуты, а также в моменты торжества он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям.

Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой и оставил её с атомным оружием.

Нет! Чтобы ни говорили о Сталине, таких людей история и народы не забывают. (Черчилль, 21.12.1959, Корнев, 3.)

ИНОЙ СТАЛИН (Юмор, остроумие Сталина)

Я вставил в книгу два раздела, где говорят не одни иностранцы. Здесь о Сталине преимущественно свидетельствуют наши соотечественники.

Желая сильней принизить Сталина, демократы укоряют его в отсутствии у него чувства юмора. Способность смеяться по поводу и без повода, умение смешить других, далеко не самое ценное качество человека: были же мудрецы, улыбавшиеся крайне редко, но оставившие неизгладимый след в истории человечества, и в то же время не счесть смехачей-болтунов. От первых польза очевидна, а от вторых проку никакого, одно сотрясение воздуха.

Как уж повелось в сталиниане, об отсутствии чувства юмора у Сталина говорят те, кто его ни разу не видел и не слышал. Видимо, врать на человека, которого они не знают, считается у таких людей признаком хорошего воспитания. Но вот что говорили люди, лично знавшие Сталина:

Прежде всего Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, которое имеет исключительное значение для великих людей и для великих вождей. (Черчилль, 9.9.1942.)

Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма. (Черчилль, 1959 г.)

Выражаясь простым языком, я отлично поладил с маршалом Сталиным. Этот человек сочетает в себе огромную, непреклонную волю и здоровое чувство юмора; думаю, душа и сердце России имеют в нём своего истинного представителя. Я верю, что мы и впредь будем отлично ладить и с ним, и со всем русским народом. (Рузвельт 24.12.1943.)

Сталин обладал чувством юмора — грубого юмора, самоуверенного, но не лишённого полностью тонкости и глубины. (Джилас)

Сталин пользуется острым, язвительным юмором, чтобы довести ту или иную мысль до сознания собеседника. Он не терпит изысканных и уклончивых дипломатических речей. В разговоре он прям и откровенен и ожидает от своего собеседника того же. (Джонстон.)

Сталин говорит не без юмора... (Фейхтвангер.)

...ему, несомненно, свойственен юмор; иногда его юмор становится опасным. Он посмеивается время от времени глуховатым, лукавым смешком. (Фейхтвангер.)

Он обладает юмором и хорошо понимает юмор. Скоро начинаешь понимать, почему массы его не только уважают, но и любят. (Фейхтвангер упоминает это в третий раз, т. е. это устойчивая черта характера.)

Он довольно часто смеётся, но это короткий смех, быть может, несколько сардонический. Он не признаёт пустой болтовни. Его юмор остр и пронизателен. (Гопкинс.)

Сталин был интересной личностью. У него острое чувство юмора. (Монтгомери.)

Сталин был остроумен, он явно любил пошутить, и во время обеда мне довелось видеть, как он безобидно подшучивал над сотрапезниками. (Дюкло.)

Вслед за Теренцием Сталин мог повторить: *Homo sum, humani nihil a me alienum puto* (Я человек, ничто человеческое мне не чуждо). Ниже приводится несколько эпизодов, показывающих остроумие и находчивость Сталина. Вождь при случае за словом в карман не лез, любил и умел пошутить.

Воспоминания Н. С. Власика. Очень любил Иосиф Виссарионович детей. Встречая на прогулках детей, он всегда вступал с ними в разговор.

Помню однажды, во время прогулки на Маесте т. Сталина и т. Молотова, мы встретили маленького мальчика, лет шести, очень разговорчивого и смывшлѣного. Он толково и обстоятельно отвечал на вопросы Иосифа Виссарионовича. Когда они познакомились, т. Сталин протянул руку и спросил: «Как тебя зовут?» «Валька»,— солидно ответил мальчик. «Ну, а меня Оська-рябой,— в тон ему сказал т. Сталин.— Ну вот, мы теперь с тобой знакомы.» Мы с Молотовым рассмеялись, а мальчик внимательно посмотрел на Иосифа Виссарионовича. У т. Сталина после перенесѣнной в детстве оспы было на лице несколько рябинок. (Логин, 116.)

По давно заведѣнному порядку перед хозяином стола стоял удлинѣнной формы очень красивый хрустальный графин с бесцветной жидкостью и запотевшими боками.

И. В. Сталин перед ужином обычно выпивал одну-две рюмки коньяку, а потом пил только сухое грузинское вино, наливая его из бутылок... Наполнит бокал на три четверти вином, а остальное, не торопясь, добавит из хрустального графина.

Первое время я, бывая на даче, ...сразу приметил графин. И я подумал: «Какая-то особая водка, чтобы добавлять к вину для крепости. Вот попробовать бы при случае!» Долгое время затея эта не удавалась, поскольку место моѣ было довольно далеко от графина.

В тот злополучный вечер я опоздал к столу... Когда вернулся в столовую... все уже сидели за столом, и моё обычное место было занято. Сталин, заметив это, жестом указал на свободный стул рядом с собой.

Ужин затянулся. Разговор, как всегда, шёл о фронтовых делах. Каждый сам себя обслуживал. «Ну,— думаю,— уж сейчас я эту водку попробую...» Когда Сталин, как и все, встал, чтобы сменить тарелку, я быстро схватил заветный графин и налил полную рюмку. Чтобы соблюсти приличие, дождался очередного тоста и выпил... Вода! Да какая холодная... Получился конфуз: хоть я и быстро сообразил, что к чему, и даже закусил, как другие, всё же, видимо, не смог скрыть своего удивления.

Хозяин с затаённой усмешкой, прищурившись, посмотрел на меня и, немного погодя, спросил тихо, чтобы никто не слышал: «Как, крепкая?» Кровь бросилась мне в лицо — так стало стыдно; весь вечер я чувствовал себя неважно и клял своё неуместное любопытство (Штеменко, 77.)

(Здесь видна деликатность Сталина, он, вне сомнения, давно заметил интерес Штеменко к графину; разбавлять вино водой античный обычай, а ИВС прекрасно знал античность.— Р. Б.)

* * *

Советский вождь пригласил гостя (Черчилля) в Большой театр... Присутствующие бурно приветствовали Черчилля и Сталина, появившихся в ложе. Последний отступил в тень, чтобы аплодисменты достались премьеру, а тот, в свою очередь, пригласил хозяина выйти вперёд.

Во время антракта за ужином в небольшой гостиной кто-то сравнил «Большую тройку» политиков со Святой Троицей. Сталин предложил шутку: — Если

так, то господин Черчилль, конечно же, Святой Дух, он летает повсюду...

Посмеявшись, Черчилль с Иденом попросили про- вести их в туалет помыть руки. Они не пришли даже с третьим звонком. Когда они вернулись, Иден пояснил:

— У премьер-министра там возникли новые идеи касательно Польши. Мы заговорились и не услышали звонков.

На следующий день, когда эти два британских политика были на домашнем приёме у Сталина в кремлёвской квартире, он, указав на одну из дверей, сказал:

— Здесь ванная комната, где вы можете помыть руки, когда вам захочется обсудить важные политические проблемы. (Баландин, 193.)

* * *

Прочитую ...Громыко. «Помню, как во время выступления Козловского некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную народную песню. Сталин спокойно, но во всеуслышание сказал:

— Зачем нажимать на товарища Козловского. Пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского. Сталинский юмор все воспринимали с удовольствием». (Громов, 240.)

* * *

Что касается штор... Батареи в зале — кабинете были закрыты декоративными деревянными решётками. Тепло поступало неважно. Да ещё заслонялось

толстыми драпировками. Сталину надоело каждый день поднимать их и класть на подоконники. С привычной подначкой спросил у Орлова:

— Хозяин, батареи у нас кого греют — драпировки или зал? (Рыбин, 83.)

Обычно перед заседанием Политбюро Сталин заботился о вкусном столе. Позвал Соловова, предложил добыть рябчиков. Поехали с Туковым на Плещеево озеро, где непуганые рябчики сами садились на мушку... С фронтальной канонадой и азартным шумом набили ворох дичи. Сталин принялся её считать, учитывая каждого члена Политбюро. Этому — рябчик, другому — рябчик, а когда дошёл до Хрущёва, вздохнул:

— Ему, пожалуй, и двух будет мало... (Рыбин, 84.)

* * *

Булганин

После войны Н. А. Булганина назначили министром обороны, и он стал готовиться принимать парад — учиться ездить верхом. Ему привели самую смирную кобылу, и он тренировался в кремлёвском дворе. Вышел Сталин, посмотрел и сказал:

— Ты сидишь на лошади, как начальник военторга.

Сразу возникает штатский облик Булганина с бородкой и в военной форме. Парад принимать стали на автомобилях. (Чуев — 3, 527.)

Мао

Представляя Мао-цзе-дуну киноактёра Бориса Андреева, исполнившего главную роль в фильме «Падение Берлина», Сталин сказал:

— Вот артист Борис Андреев. Мы с ним вдвоём брали Берлин. (Чуев — 3, 527.)

Без псевдонимов

Сталин приехал на спектакль в Художественный театр. Его встретил Станиславский и, протянув руку, сказал: — Алексеев, — называя свою настоящую фамилию.

— Джугашвили, — ответил Сталин, пожимая протянутую руку, и прошёл к своему креслу. (Чуев — 3, 528.)

Вынужденная обстановка

Разные люди, которым довелось смотреть кинофильмы со Сталиным, рассказали много эпизодов на эту тему. Вот один из них.

В 1948 году смотрели «Поезд идёт на восток». Фильм не ахти какой: едет поезд, останавливается.

— Какая это станция? — спросил Сталин.

— Демьяновка.

— Вот здесь я и сойду, — сказал Сталин и вышел из зала. (Чуев — 3, 529.)

Премии

Сталин спросил у Фадеева, почему не выдвинули на соискание Сталинской премии писателя С. Злобина за роман «Степан Разин». Фадеев ответил, что Злобин не занимается общественной работой, его нигде не видно...

— А, может, он в это время пишет? — спросил Сталин. (Чуев — 3, 531.)

Дальше едешь...

Молотов рассказывал, что над Сталиным, когда он плавал по Чёрному морю на пароходе «Троцкий», подшучивали на Политбюро:

— Долго ты ещё будешь на Троцком ездить?

Зато из Одессы Троцкий отплывал на веки за рубеж на пароходе «Ильич». Может, случайность...

А когда ещё до этого он отправлялся с огромным количеством багажа на поезде малой скоростью в ссылку в Алма-Ату, он выяснил у Сталина:

— Тише едешь, дальше будешь?

— Дальше едешь, тише будешь,— уточнил Сталин.
(Чуев — 3, 533.)

Ответ Черчиллю

На переговорах шли споры о послевоенных границах, и Черчилль сказал:

— Но Львов никогда не был русским городом.

— А Варшава была,— возразил Сталин. (Чуев — 3, 540.)

Ответ Гарриману

Гарриман на Потсдамской конференции спросил у Сталина:

— После того, как немцы в 1941 году были в восемнадцати километрах от Москвы, наверно, вам сейчас приятно делить поверженный Берлин?

— Царь Александр дошёл до Парижа,— ответил Сталин. (Чуев — 3, 540.)

Бутылка Балтийской воды

В результате наступательной операции советские войска вышли к Балтийскому морю, и командующий генерал Баграмян решил порадовать Сталина, послав ему бутылку балтийской воды. Но пока эта бутылка добиралась до Кремля, немцам удалось отбить плацдарм и потеснить наши войска с побережья. Сталин уже знал об этом и, когда ему вручили бутылку, сказал:

— Верните её товарищу Баграмяну, пусть он её выльет в Балтийское море! (Чуев — 3, 540.)

На озере Рица

В поездках Сталина часто сопровождал охранник Туков. Он сидел на переднем сиденье рядом с шофёром и имел обыкновение в пути засыпать. Кто-то из членов Политбюро, ехавший со Сталиным на заднем сиденье, заметил:

— Товарищ Сталин, я не пойму, кто из вас кого охраняет?

— Это что,— ответил Иосиф Виссарионович,— он ещё мне свой пистолет в плащ сунул — возьмите, мол, на всякий случай. (Чуев — 3, 544.)

* * *

Рассказывали анекдоты и Сталину особенно понравился один... Разговаривают турок и черногорец в один из редких моментов перемирия. Турок интересуется, почему черногорцы всё время затевают войны? «Для грабежа,— говорит черногорец,— мы — люди бедные, вот и смотрим, нельзя ли где пограбить. А вы ради чего воюете?» «Ради чести и славы»,— отвечает турок. На это черногорец: «Ну да, каждый воюет ради того, чего у него нет».

Сталин с хохотом прокомментировал:

— Ей-богу, глубокая мысль: каждый воюет ради того, чего у него нет! (Джилас, Грибанов, 34.)

* * *

Некоторого скепсиса и даже издевательской иронии Сталина имперский министр (Риббентроп), спешивший донести Гитлеру о своих успехах, просто не заметил. Например, он не сообщил о такой сцене, разыгравшейся на приёме в Кремле в честь Риббентропа. Министр поднялся по знаменитой лестнице Большого Кремлёвского дворца и приветствовал Сталина вытянутой рукой. Окружение Сталина замерло: какая провокация! Но Сталин неожиданно ответил... книксеном. Взявшись пальцами за края своего френча, он картинно присел перед гостем. Собравшиеся разразились громовым хохотом. (Безыменский, 24.) (Кто из нынешних, как они себя величают «лидеров», способен на это? — Р. Б.)

...в 1936 г. в зарубежных странах прошла серия статей, в которых говорилось о тяжёлой болезни, а позднее и о смерти Сталина. Чарльз Ниггер... корреспондент Ассошиэйтед Пресс в Москве, немедленно направился в Кремль и передал для Сталина письмо, в котором просил его подтвердить или опровергнуть эти слухи.

Сценарий разворачивался почти как по Марку Твену. Сталин ответил журналисту немедленно:

«Милостивый государь!

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей земной мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

26.X.36 г. С уважением И. Сталин».

...В опубликованном документе Сталин выступает не как мрачный диктатор, лишённый каких-либо привлекательных качеств (что было достаточно распространённым явлением для американской прессы), а как человек, не лишённый чувства юмора. А это качество американцы очень ценят в любом человеке, тем более у руководителей столь высокого ранга, как Сталин. (Иванов, 278.)

На заключительном ужине Сталин поднялся из-за стола с бокалом в руке и сказал:

— Сегодня, как и ранее, мы, трое лидеров, пришли к взаимопониманию. Мы беседуем, едим и пьём, приятно проводим время. Тем временем наши переводчи-

ки работают, и их работа не из лёгких. У них нет времени есть и пить. Мы полагаемся на них в выражении наших мыслей друг другу. Я предлагаю тост за переводчиков!

Он обошёл вокруг стола и чокнулся с каждым из переводчиков.

Подняв свой бокал, Черчилль воскликнул:

— Переводчики всего мира, объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своей аудитории!

Эта пародия на коммунистический лозунг очень понравилась Сталину, и он долго смеялся. (Я. Грей, 195.)

* * *

Хочется от себя добавить хороший анекдот.

Идёт футбольный матч между Россией и Германией. Счёт 2:0 в пользу немцев.

— Ребята! — кричит с трибуны подвыпивший ветеран. — Мы их били под Сталинградом, Киевом, Курском. А вы позорите нас!

Сидящий рядом грузин замечает:

— Тогда у нас, дэд, был другой тренер.

СТАЛИН ПОМОГ

Клеветники приписывают Сталину фразу: «Нет человека, нет проблемы».

Известно, что жизнь государственного человека состоит в разрешении различных проблем.

Но вот к власти в нашем государстве прокрался бездельник, лодырь отъявленный (Сталин), который решать проблемы страсть как не любил. Они были для него всё равно, что кинжал в сердце. А решать их надо, коль забрался так высоко, куда денешься. Куда лучше жить без проблем, ничего не делать, ни о чём не думать, не волноваться, не переживать. Вот и завёл человек привычку: уберёт человека, одной проблемой меньше. А убирал он их так, чтобы больше они перед ним не появлялись: или в лагерь уконопатит лет на 25, или прикажет всадить надоеде пулю в затылок. И всё чудесно: нет человека — нет проблемы, ешь, пей, веселись, царствуй лёжа на боку.

Конечно, это чушь несусветная. Современники (маршалы, наркомы, учёные, конструкторы и т. д.) единодушно свидетельствуют о том, что Сталин не избегал решения проблем, а долго и тщательно работал над их разрешением, и для того вызывал к себе нужных ему людей. Он каждый день встречался с множеством различных людей, беседовал с ними, советовался, спорил, убеждал, сам прислушивался к возражениям, дельные предложения принимал, негодные отвергал и т. д. Попросту говоря, вся жизнь Сталина, с утра до ночи заключалась в разрешении долгосрочных или сиюминутно возникавших проблем, состояла из общения с десятками, сотнями, а за всю жизнь с тысячами людей.

Ниже следует далеко не полный ряд эпизодов, в которых рассказывается о том, как Сталин помог разным людям. Их проблемы были его проблемами.

* * *

Сталин охотно общался с хантами (во время ссылки в Туруханский край). Рассказывают, что однажды он даже спас местную девочку, умиравшую от воспаления в горле. Обладавший некоторыми познаниями в медицине, Сталин сумел через трубку высосать гной из фурункула, душившего ребёнка, хотя при этом рисковал сам погибнуть от инфекции. (Емельянов, 240.)

* * *

Только за первых три месяца туруханской ссылки бедный Сосо получил 60 рублей. Дальше пошли переводы в 100 да 50 рублей. А чтобы жандармов не насторожили эти переводы, их получал полицейский стражник Мерзляков, с которым Коба подружился... После революции Иосиф Виссарионович не забыл своего курейского стражника и специальным письмом защитил его от енисейских властей, которые вознамерились было привлечь бывшего прислужника царизма к строгой революционной ответственности. (Сталин в жизни, 112.)

* * *

В разговор вступает Н. Ф. Чернов:

— Я хотел бы... ещё на ряде примеров показать Сталина как выдающегося полководца. Всем вам известна Сталинская речь перед выпускниками военных академий в Кремле 5 мая 1941 года. И вот через десять суток, 15 мая, приходят к нему Тимошенко, Жуков и Василевский. С планом нанесения превентивного, то есть упреждающего удара. Они так поняли речь Сталина! Он был крайне удивлён и возмущён. Спустя 35 лет после войны Жуков в беседе с историком Анфиловым

рассказал об этом и признал, что категорически отвергнув их план, Сталин спас нашу страну ещё до войны. (Правда, № 67, 2005 г., 3.)

* * *

В один из очередных приездов в Москву осенью того же 1930 года, я (М. Рейзен) пел на сцене Большого театра в «Фаусте». Когда окончилось действие... ко мне подошёл человек в военной форме и сказал:

— Вас просят в правительственную ложу.

Он же проводил меня к аванложе, открыл передо мною дверь, и в глубине я увидел невысокого человека, в сапогах, в сером френче. Чуть позади стоял Ворошилов. С Климентом Ефремовичем я познакомился ещё в Ленинграде...

Ворошилов, улыбнувшись мне, как давнему знакомому, спросил, показывая на человека, который пристально меня рассматривал.

— Узнаёте?

Я ответил:

— Да, узнаю. Товарищ Сталин.

Сталин улыбнулся, а я продолжал:

— На фотографиях, Иосиф Виссарионович, у Вас нет седин.

— Мне уже за пятьдесят. Пора быть седине.

...Меня стали расспрашивать о том, где я учился, где пел, в каких театрах и в каких спектаклях играл. Интересовался всем этим больше других Сталин...

— А почему так редко у нас поёте? — спросил Сталин.

Я ответил, что работаю в Ленинграде, в Москву лишь наезжаю. Сталин, усмехнувшись, взглянул на меня и с характерным ему акцентом сказал:

— А нельзя ли сделать наоборот: здесь работать,— а туда наезжать?

— Мне это трудно... В Ленинграде у меня семья — жена и маленькая дочь. И театр я полюбил, сжился и город мне стал близким...

— Но Москва ведь столица,— прервал меня Сталин.

— И квартира,— начал было я.

— Ну, квартиру мы как-нибудь устроим,— усмехаясь, возразил Сталин.

...Буквально через день, рано утром, в номер гостиницы, где я остановился, решительно постучали. На пороге стоял человек в военной форме.

— Мне дано распоряжение показать Вам квартиру,— коротко изложил он цель своего визита.

Я только подумал: «Как быстро!..» — Оделся и спустился вместе с ним к машине.

Мы подъехали к какому-то особняку, мой провожатый погромел связкой ключей, открыл парадную дверь, и я очутился в роскошных апартаментах, где было множество комнат и каждая подавляла своей обширностью... «Нет, это, пожалуй, не для меня»,— только и сказал я, увидев эти огромные комнаты. Военный не стал возражать: он молча запер дверь и мы опять сели в машину. Остановились снова у особняка, который очень напоминал первый, но был разве что немного поменьше. Я оказался капризным «квартиросъёмщиком», так как от этого жилья тоже отказался.

— А нельзя ли дать какую-нибудь нормальную квартиру в обыкновенном доме? — спросил я.

Машина поехала в Каретный ряд, и там я увидел то, что мне вполне подходило: квартиру из трёх комнат в нормальном хорошем доме.

Вскоре я окончательно переехал в Москву... (Рейзен, 134–136.)

Корр. Большой театр часто посещал Иосиф Виссарионович Сталин. Были у него и любимые исполнители. А Вами он интересовался?

И. И. Петров. Попадал и на мои спектакли. Первый раз Сталин меня услышал в опере Серова «Вражья сила», где я исполнял роль Ерёмки. В антракте он всегда приглашал к себе в ложу директора, а иногда дирижёра или режиссёра. Тогда он позвал директора, который вскоре пришёл ко мне за кулисы, сообщил, что Иосиф Виссарионович говорил по моему адресу. Мол, понравился молодой певец Иван Краузе (а это моя настоящая фамилия, я в третьем поколении Иван Иванович Краузе). Но главное было не в этом. «Мы только закончили войну с фашистской нечистью,— сказал Сталин,— и вдруг в Большом театре у солиста немецкая фамилия... Передайте артисту моё пожелание, пусть возьмёт русский псевдоним.» Я дома посоветовался. А на следующий день наша певица Н. Д. Шпиллер меня успокоила: «Всё это забудется, обойдётся. Ко мне тоже были претензии.» Но не обошлось. Месяца через три Сталин пришёл на «Князя Игоря» и снова вызвал директора: «Вы не передали молодому артисту моё пожелание?» «Ну, как же, Иосиф Виссарионович, я сказал.» «Ну передайте ещё раз.» «Смотрите,— предупредил меня тогда директор,— третьего раза может не быть.» И я взял фамилию своей жены – балерины Большого театра и стал Петровым, третьим басом на русской сцене с такой фамилией... Во всяком случае, мне эта фамилия не помешала. А Сталин продолжал приходить на оперу, которую так любил и понимал. Большой театр он опекал. Однажды, когда наш оркестр репетировал Гимн Советского Союза, Сталин был поражён, как плохо одеты оркестранты. «Что они, нищие, что

ли?» — возмутился он. И, узнав, сколько в театре получают музыканты, распорядился увеличить им зарплату в 2–3 раза. А потом и певцам прибавили...

(Петров, Парламентская газета, 21.12.2002)

(И. И. Петров дважды лауреат Сталинской премии в 1950 и в 1951 гг. Но к М. О. Рейзену, например, И. В. Сталин претензий по поводу его фамилии не предъявлял, хотя это тоже не русская фамилия.— Р. Б.)

* * *

Кстати, именно благодаря Игнатьеву, Сталин подарил Патриархии Переделкино. Игнатьев рассказывал, что Сталин однажды обратился к нему с вопросом: «У Патриарха (Алексия I) скоро юбилей. Что бы подарить ему?» Игнатьев посоветовал: «Подарите Переделкино». (Русь уходящая, 142.)

* * *

По распоряжению Сталина певец Г. П. Виноградов был зачислен в Краснознамённый ансамбль Красной Армии. (ТВ канал Культура, 17.7. 2004.)

* * *

Воспоминания Н. С. Власика. Много времени т. Сталин уделял саду. Живя в Сочи, он посадил в своём саду много лимонных и мандариновых деревьев, и сам всегда следил за их ростом, радуясь, когда они хорошо принимались и начинали давать плоды.

Его очень беспокоила заболеваемость местного населения малярией. И по инициативе т. Сталина в Сочи были проведены большие посадки эвкалиптов. Это дерево, как известно, обладает ценными свойствами: оно

необычайно быстро растёт и высушивает почву, уничтожая рассадники малярийных заболеваний. (Логинов, 96.)

Накануне первой мировой войны Ф. Шаяпин написал из Сочи письмо сыну Борису, которое закончил так: «Всё-таки я думаю, что в Крыму лучше, там есть город Ялта, например, а здесь города нет. Сочи — это пыльная дыра». Всего через двадцать лет эта пыльная дыра превратилась в европейский курорт. Огромная заслуга в этом принадлежит лично Сталину.

...В 1928 году медики предложили вождю полечить отмороженные ещё в ссылке ноги мацестинскими источниками... В эффективности лечения на курорте Сталин убедился лично. Приняв несколько мацестинских ванн, он почувствовал, что болезнь отступает, а силы — прибавляются. ...Вернувшись в Москву, он проводит заседание ЦК ВКП (б), на котором поднимает вопрос о здоровье советского народа и предлагает начать строительство Всесоюзной здравницы в Сочи на базе мацестинских источников. Генеральная реконструкция началась в первой пятилетке, а в 1934 году Сочи объявляется ударной стройкой. Сталин лично присутствовал на съезде архитекторов, где заявил: «Задача эта государственная, безотлагательная, решать её надо не в столице, а на месте — в Сочи. И пока вы не постройте Всесоюзную здравницу, вам в Москве делать нечего...» Это было принято как приказ, и лучшие зодчие страны — Щусев, Жолтовский, братья Веснины, более молодые таланты — осуществили державный замысел: на 30-километровой прибрежной полосе от Мамайки до Кудепсты воздвигаются санатории-дворцы. Их строительство приравнивалось к возведению важнейших военных и индустриальных объектов. Сталин повторял, что о социализме будут судить не только по экономической и военной мощи страны, а

прежде всего, по организации здравоохранения нации. Курортная система СССР стала, по общему признанию, лучшей в мире. Напомню, что по оценкам Всемирной организации здравоохранения Россия опустилась до 130-го места в мире. Вот и судите о строе! (Бобров, Сов. Россия, № 66, 2005 — 14.)

* * *

Но был также и массовый героизм, не вопреки Сталину, а за Родину и Сталина, был духовный подъём и всеобщее единение... было и письмо рядового Василия Борздого И. Сталину с просьбой о помощи голодающей в тылу семье. Был и СРОЧНЫЙ личный ответ Сталина солдату: «Получена ваша жалоба. Мною даны указания о незамедлительной помощи вашей семье. Бейте врага, солдат Борздый». Способны ли наши сегодняшние руководители решать вопросы так, как их решал Сталин? (Традиционалист (газета), 2005, 6.)

* * *

А, между прочим, кормили тех пленных по тем же, в среднем, нормам, что и всех советских граждан. Сам Верховный Главнокомандующий Сталин строго следил за соблюдением такого порядка. По его указанию (фронтовики это должны хорошо помнить) повара при частях щедро кормили мирных немецких женщин с ребятишками из походных военных кухонь. И это тоже делалось по прямому указанию И. В. Сталина! (Глуховский, Дуэль, 45, 2004.) (А нынешние своих детей кормить не хотят.— Р. Б.)

* * *

Учёный Игнатий Яковлевич Стеллецкий, который исследовал подземную Москву (подземные ходы под

Кремлём, подземелья монастырей, храмов и т. п. Когда он обратился в ГПУ (НКВД) с просьбой разрешить ему там работать, ему ответили, что в Кремль его не пустят. В 1933 г. он получил разрешение Сталина и начал раскопки. Работал до 1935 года. Потом началась война. Сталин пообещал ему, что после войны ему будет предоставлена возможность продолжить работу, но после войны он тяжело болел и в 1949 г. умер. (Парламентская газета, № 217, 2002.)

* * *

В 20–30-е годы писателя С. Н. Сергеева-Ценского травили критики, ему приходилось обращаться за помощью к Горькому.

«Но главным заступником явилась его эпопея «Севастопольская страда», которая в течение трёх лет, 1937–1939 гг. печаталась в журнале «Октябрь». Хотя и с нею были неожиданные трудности. В издательстве «Советский писатель», куда поначалу обратился Сергеев-Ценский, его рукопись была решительно отклонена редакторами Бассом, Гусом и Чеченовским, как произведение... «квасно-патриотическое». Схожий приговор вынесли «Севастопольской страде» и все члены редколлегии журнала «Октябрь». И если бы Ф. И. Панфёров, как главный редактор журнала, не настоял на своём, и не рискнул послать рукопись лично Сталину, который одобрил героический пафос произведения Сергеева-Ценского, ещё неизвестно как сложилась бы судьба и эпопеи и самого автора. В 1939 году «Севастопольская страда» выходит в свет отдельным изданием, а в марте 1941 года С. Н. Сергееву-Ценскому была присуждена за неё Сталинская премия I степени... Оказалось, что и патриотизм, и русская история пришлись ко двору и советской государственности. (Культурно-просветительская работа, 1, 2003, 39.)

Учёный Олег Александрович Лаврентьев. Фронтовик, участник ВОВ, он получил среднее образование в казарме. Там же он пришёл к идее осуществления управлением термоядерных реакций на Земле. Термоядерные реакции на Солнце и звёздах происходят благодаря удержанию нагретого до гигантских температур вещества силами гравитации. О. А. Лаврентьев предложил использовать для длительного удержания плазмы электромагнитные поля... Идея была проработана им самостоятельно, вплоть до деталей... Он посылал свои работы в разные высокие инстанции, но реакция последовала только после письма И. В. Сталину... («Дуэль» № 38, 2003.)

Вадим Викторович Мацкевич пишет о том, как в корейскую войну американские «Сейбры» безнаказанно сбивали наши самолёты, потому что на наших истребителях не было прибора, который улавливал бы излучение, исходящее от электронных прицелов американцев и сообщал об этом лётчику. В институте, где работал Мацкевич, Е. И. Гальперин изобрел такой определитель, он весил 120 кг. И действовал на расстоянии 600–800 метров. А Мацкевич изобрел прибор весом в сто граммов, определявший вражеский самолёт на расстоянии 8–10 километров. Но поскольку Мацкевич был всего лишь лейтенантом, в институте его попросту травили, и даже пытались признать сумасшедшим. Ему удалось встретиться с конструктором Микояном, и тот посодействовал, чтобы его прибор испытали в боевой обстановке. Мацкевич приехал в Корею, результаты оказались потрясающими. Когда об этом уз-

нал Сталин (ему доложил Н. А. Булганин), он приказал в трёхмесячный срок выпустить 500 таких приборов. («Дуэль», 46, 47. 2003.)

* * *

После успения святителя Алексия его похоронили в основанном им кремлёвском Чудовом монастыре. Здесь его святые мощи пролежали до самого Октябрьского переворота. В 1928 году при разрушении Чудовой обители они были перенесены сначала в Архангельский собор Кремля. В 1947 году по просьбе Патриарха Алексия и с личного разрешения Сталина мощи были возвращены Православной Церкви и перенесены в Богоявленский собор в Елохове.

Сталин помог восстановить Патриаршество. Что он не был всемогущ даже в 1943 году, говорит такой эпизод, когда он расставался с митрополитами. «Сталин проводил митрополитов до дверей своего кабинета, а Сергия, взяв под руку, осторожно, как самый настоящий иподиакон, свёл по лестнице вниз и сказал на прощанье: «Владыко! Это всё, что я могу (выделено мной — Р. Б.) в настоящее время сделать для вас!»

Ослабление гонений на русскую Православную Церковь, начавшееся осенью 1939 года, получило решительное развитие в годы Великой Отечественной войны». (Головкин, КПР, 2. 2004, 20.)

* * *

П. Г. Лисициан рассказывал в телепередаче по каналу «Культура» в 2001 году, как он успешно выступил на декаде армянского искусства в Москве. Вскоре проходила декада бурятского искусства, и Сталин говорит Храпченко:

— Товарищ Храпченко, на декаде армянского искусства хороший баритон пел. Надо перевести его в Москву.

* * *

Был снят фильм «Богатая невеста», в котором М. Ладынина сыграла главную роль. Фильм имел грандиозный успех. Но в печати появилась статья «Шкодливый фильм», в котором авторов упрекали в шовинизме, в искажении украинских реалий.

После этого председателю кинокомитета оставалось только наложить на фильм запрет. Но «на всякий случай» послали фильм в Кремль. Там... она очень понравилась Сталину. Это и решило её судьбу. «Срочное тиражирование, спешный выпуск,— вспоминала Ладынина.— И нам к двадцатилетию кино — ордена за многострадальную «Богатую невесту». (Евграфов, 125–126) (Сейчас многое валят на Сталина, а посмотришь, во многих случаях, он был не при чём, просто на местах дурили подхалимы, как бы чего не вышло.— Р. Б.)

* * *

На совещании в Кремле М. И. Кошкин предложил идею нового танка. Военные были против. Конструктора поддержал Сталин, он сказал, чтобы одновременно с доработкой утвержденного танка, Кошкин готовил тот, о котором сказал.

Когда Кошкин своим ходом привёл танки в Москву, их все равно не хотели показывать Правительству (кто не хотел? Вот и враги народа.— Р. Б.), но Сталин каким-то образом узнал о новых танках, осмотрел их и дал согласие на серийное производство. (Первый канал ТВ, 8.5.2005, док. фильм «Т-34».)

В Берлине И. В. Ковалёв (тогда нарком путей сообщения) обратился к Верховному Главнокомандующему с просьбой восстановить празднование Всесоюзного дня железнодорожника. Сталин согласился. (**Самые знаменитые**, с. 326.)

Инженер Е. Г. Ледин создал взрывчатку, которая по разрушающей силе была в два раза сильнее тротила, которым снаряжались артиллерийские снаряды и торпеды. Но артиллерийское управление ВМФ, ГАУ РККА, наркомат боеприпасов не отозвались на это изобретение.

«И тогда матросу Ледину приходит в голову здравая мысль обратиться в политорганы — к комиссарам. Он пишет рапорт начальнику политотдела Центральных управлений и главного морского штаба генерал-лейтенанту Н. Д. Звягину, и тот понял матроса с полуслова. Звягин идёт к наркому ВМФ адмиралу Кузнецову и заставляет его заняться взрывчаткой «А-IX-2». Нет, Кузнецов не побежал докладывать о ней Сталину, но милостиво согласился, чтобы Ледин написал письмо в ГКО за подписью Кузнецова и ввиду недоумения начальника политотдела вынужден был это письмо подписать. Так о взрывчатке «А-IX-2», наконец, узнал Сталин.

Дело немедленно закрутилось. Сначала ГКО выдаёт команду наркомату боеприпасов, но там дело запутывают и называют ГКО мизерные цифры производства «А-IX-2». Тогда 7 декабря матроса Ледина, вернувшегося с московских фабрик, хватают чины наркомата боеприпасов, сажают в машину и везут в Кремль, где

в коридоре приезда матроса ждут Маленков, Пономаренко, наркомы, командующие родами войск, толпа генералов. Толпа расступается, открываются двери, и матрос Ледин в мокрых валенках предстаёт перед Верховным Главнокомандующим. Ледин докладывал ему без регламента — 40 минут. Измученный сплошными отказами, изобретатель, чтобы не нарваться на отказ и в ГКО, высказал предложение о производстве своей взрывчатки в объёмах, возможных с точки зрения тогдашнего развития промышленности. Это возмутило Верховного: «Красная Армия должна иметь оружия не сколько можно, а сколько нужно!» Кроме этого, Сталин тут же нашёл этой взрывчатке применение, о котором Ледин сам не догадался — снаряды авиационных пушек.»

На совещании у Сталина было принято решение о создании при наркомате боеприпасов Специального экспериментально-производственного бюро, которому поручалось испытать с новой взрывчаткой все имеющиеся на вооружении бронебойные снаряды, развернуть производство взрывчатки «А-IX-2» и снаряжения ею бронебойных боеприпасов. Руководителем этой группы инженеров был назначен матрос Ледин. Правда, Сталин в отличие от Кузнецова внимательно относился не только к снарядам, но и к людям. Уже вечером Ледину сообщили, что личным приказом Верховного ему присвоено воинское звание военного инженера третьего ранга...

Дело под руководством СЭПБ пошло вперёд. К началу 1943 г. объём производства гексогена увеличился в 15 раз, к середине 1943 г. работа СПЭБ была практически закончена — все противотанковые и авиационные снаряды, которые промышленность поставляла фронту, снаряжались взрывчаткой «А-IX-2».. (Мухин, С. 144—149, 152.)

Как вы помните, наши лётчики были беспомощны в борьбе с танками. А в середине 1942 г. конструктор И. А. Ларионов предложил бомбить немецкие танки не 100-килограммовыми бомбами, а посыпать их маленькими кумулятивными бомбочками, получившими впоследствии название ПТАБ-23.5-1.5. В чём тут хитрость?

При весе в 2,5 кг эта бомбочка пробивала броню в 70 мм, а крыша «Тигра» — 28 мм, «Пантеры» — 16 мм. Бомбочка пробивала броню взрывом, отверстие было маленьким, но в заброневое пространство танка влетали раскалённые газы и капли, расплавившейся от огромного давления брони. Танк загорался. А у горящего танка есть свойство — через некоторое время в нём взрываются боеприпасы, и тогда корпус танка стоит в одном месте поля боя, а башня лежит в другом месте.

И наш штурмовик Ил-2 вместо четырёх 100-килограммовых бомб мог брать четыре кассеты с 78 бомбочками в каждой. Ударная волна от их взрыва была небольшой, поэтому «Илы» могли летать на высоте 25 м, не боясь, что их собьют разрывы собственных бомб, а с такой высоты они могли прицелиться и точнее. При подлёте к танку они раскрывали кассету, и бомбы сыпались на танк, как дробь из ружья в утку. Какая-то бомбочка попадала в танк, а этого было достаточно, чтобы он загорелся.

Как водится, титаны мысли в ВВС долго размышляли, нужна ли им эта морока, но, в конце концов, предложение Ларионова дошло и до Сталина. Дело закрутилось в бешеном темпе: 14 апреля 1943 г. был подписан акт об испытании ПТАБ-2.5-1.5, и тут же Сталин дал задание: к 15 мая, т. е. к моменту, когда дороги просохнут, изготовить 800 тыс. таких бомб! 150 заводов Советского Союза бросились выполнять этот заказ и выполнили...

Разумеется, Сталин приказал держать всё втайне и до начала битвы под Курском нигде эту бомбочку не применять.

...насколько тактическая новинка Сталина определила исход Курской битвы? Так, к примеру, издание, расхваливающее танк Т-VI «Тигр», сообщает, что ремонтная служба, воевавшего в СССР, 502-го немецкого батальона тяжёлых танков за 1943–1944 гг. отремонтировала и вернула в строй 102 машины, из которых только у 22-х была проломлена броня бронебойным снарядом, а остальные ремонтировались по причине устранения последствий пожаров, т. е. они были поражены кумулятивными снарядами — собственно артиллерийскими или авиабомбами. (Мухин, 213.)

* * *

В Москву я возвратился 10 ноября 1940 года (из заключения — Р. Б.) и сразу был принят Сталиным. Он выслушал меня, не перебивая. Лишь когда речь зашла о директоре для моторных заводов, спросил:

— Кого вы рекомендуете?

Я назвал имя Баландина.

— Он же был вашим заместителем?

— Да. Но лучшего директора такого огромного завода не найти.

— А он действительно справится? — уточнил Сталин.

Я сказал, что Баландин считается у нас «эталонным» директором. Лучшего его нет.

...Сталин прошёлся по кабинету. Воспользовавшись паузой, я напомнил, что Баландин уже около двух месяцев отстранён от должности. За время нашей совместной работы я никаких претензий к нему не имею, считал и считаю его честным коммунистом.

На другой день меня вызвали к Сталину вместе с Дементьевым и Яковлевым. Разговор опять зашёл об этих заводах. Я снова сказал, что вопрос о директоре нужно решать как можно скорее. Вновь прозвучало имя Баландина. Дементьев и Яковлев поддержали меня.

— Ну, хорошо,— согласился Сталин,— подумаем.

Этот разговор произошёл в восемь часов вечера, а около полуночи Василий Петрович уже входил в мой кабинет. Я был рад, что Сталин прислушался к нашему мнению. Причем на другой день он даже позвонил мне и сказал:

— Сделайте так, чтобы Баландин, во-первых, быстрее поехал на завод, а во-вторых, остался в должности заместителя наркома, чтобы у него не было никакой обиды.

Я позвонил Баландину и передал ему слова Сталина... (А. И. Шахурин, с. 129.)

* * *

В июне 1940 года Семён Константинович представил на имя Сталина справку-доклад с просьбой пересмотреть около трёхсот дел командиров и лиц высшего начальствующего состава, репрессированных в 1937–1938 гг. Познакомил он с этим документом Будённого и Ворошилова. Их реакция была крайне негативной, особенно со стороны бывшего наркома. И всё же Тимошенко решился обратиться к Генеральному секретарю с ходатайством за тех людей, которых он хорошо знал по предшествовавшей службе. ...Сталин согласился положительно решить этот вопрос.

...по ходатайству Тимошенко более 250 командиров, в основном высшего начальствующего состава, было возвращено в строй. Среди них были К. К. Рокоссовский, А. В. Горбатов, А. И. Тодорский, А. В. Голубев,

Н. А. Эрнест, В. А. Шталь. Предотвращён был арест Д. А. Говорова и других командиров. (Португальский, 129.)

* * *

Конечно, доверие Сталина много значило. Михаил Михайлович (Громов) не рассказывает, что он написал письмо Сталину в защиту С. П. Королёва, который был осуждён. И оно сыграло важную роль в освобождении Сергея Павловича. Для этого тоже надо было быть Громовым. (Чуев — 3, 15.)

* * *

Вскоре я (А. Е. Голованов) был у Сталина, доложил о своих делах. А у Сталина всегда было чутьё, когда собеседник вроде всё ему сказал, но что-то ещё хочет высказать...

— Что у Вас ещё? — спросил Сталин.

— Товарищ Сталин, за что сидит Туполев?

Вопрос был неожиданным.

Воцарилось довольно длительное молчание. Сталин, видимо, размышлял.

— Говорят, что он имел отношение к иностранной разведке... — Тон ответа был необычен, не было в нём ни твёрдости, ни уверенности.

— Неужели Вы этому верите, товарищ Сталин? — прервал я его своим восклицанием.

— А ты веришь? — переходя на «ты» и приблизившись ко мне вплотную, спросил он.

— Нет, не верю, — решительно ответил я.

— И я не верю! — сказал Сталин.

Такого ответа я не ожидал и стоял в глубочайшем изумлении.

— Всего хорошего,— подняв руку, сказал Сталин...
Я вышел...

Вскоре я узнал об освобождении Туполева, чему был несказанно рад. (Чуев — 3, 131.)

* * *

— А Стечкина я спас,— продолжает Микулин.— Мне часто говорили: «Микулин, почему ты не можешь вызволить Стечкина?» — Я отвечал: «Поймите вы, забрать человека у Берии не так-то просто. За это он и меня наколпачит! Надо дожидаться момента».

Я пришёл к Сталину и сказал: «Товарищ Сталин, в политике Вы гений, а в технике положитесь на меня. Погибнет вся авиация, если не будет создан завод главного конструктора, на котором я не должен согласовывать каждый свой шаг с директором. И Сталин поддерживал меня. А я его попросил: «Только, товарищ Сталин, у меня одно условие. Без помощника по научной части я ничего сделать не могу. Мы два родных племянника Жуковского (основоположник мировой аэродинамики), и я и мой друг, мой двоюродный брат Стечкин. Он несправедливо посажен, никакого обвинения ему не предъявили, никаким вредительством он не занимался, я за него отвечаю головой...»

Сталин вызвал Поскрёбышева:

— Вызовите Берию!

Явился Лаврентий Павлович.

— Вот Микулин просит себе заместителем Стечкина,— сказал Сталин.

— А что, он больше никого другого не может найти? — поморщился народный комиссар внутренних дел...

— Товарищ Сталин, я Вас очень прошу удовлетворить мою просьбу,— сказал Микулин.

— Ну хорошо, дадим ему Стечкина под его ответственность, пусть хорошие моторы делают,— ответил Сталин. (Чуев — 3, 146.)

* * *

Бывший троцкист врач Врачев вспоминал, что, когда он пожаловался Сталину на боли в области аппендикса, тот сразу же позвонил хирургам. Врачеву сделали операцию, и через десять дней он уже ехал в командировку по делам образования СССР.

Нам рассказывал Богуславский, что в самые тяжкие дни войны Сталин собрал совещание секретарей райкомов Москвы. Богуславский должен был выступать первым, но в присутствии вождя не смог говорить. Сталин налил ему стакан воды, принес его, подержал Богуславского за руку, шепнул: «Говорите!» — и сел. После этого к докладчику вернулся дар речи. (Липартелиани, 168.)

* * *

Был погожий сентябрьский полдень. Море спокойно катило бирюзовые волны... На открытом месте жарился на посту Антонов. Вдруг возникла грозовая туча. В темноте обрушился шквальный ливень. Огненные стрелы молний падали в кипящую морскую пучину. Однако часовой обязан стоять на посту при любых обстоятельствах. Сталин в это время видел в окно, как полоскало Антонова. После грозы он вышел в сопровождении комиссара Богданова. По инструкции часовой не должен был попадать на глаза Сталину. Антонов тут же так сиганул в кусты, что уронил плащ. Сталин подошёл к нему, спросив:

— Где часовой? Позовите его.

Антонов подбежал, вытянувшись в струну, отчеканил:

— Слушаю Вас, товарищ Сталин.

— А здорово вы промокли... Я всё видел.

— Ничего, товарищ Сталин, скоро одежда подсохнет.

— Почему тут нет грибка для часового? — обратился Сталин к Богданову. — Вас бы поставить под ливень, чтобы всё почувствовали на собственной спине. Через два часа поставить гриб.

В назначенное время он явился с проверкой. Увидев новенький гриб, ворчливо заключил:

— Любой вопрос, даже самый простой, приходится всем миром решать. А ведь это прямая обязанность Богданова.

— Спасибо, товарищ Сталин, за отеческую заботу о нас! — от всей души поблагодарил его Альтшулер, сменивший Антонова. (Рыбин, 8.)

* * *

Зимой Сталин вышел из дома в тулупе и подшитых валенках, погулял, покурил и спросил у Мельникова:

— По сколько часов стоите на посту?

— По три через шесть, товарищ Сталин.

— На какой срок получаете обмундирование?

— На год, товарищ Сталин.

— А сколько получаете зарплату?

— Шестьсот рублей, товарищ Сталин.

— Не богато, не богато...

После этого разговора нам всем увеличили зарплату и дали второй комплект обмундирования. Сталин был счастлив безмерно. Ведь в сравнении с нами он считал себя богачом — имел пару шинелей, три пальто и целых четыре кителя. (Рыбин, 47.)

...после декабрьского разгрома фашистов началась подготовка к реставрации потолка (зала Большого театра). Его плафон украшали девять уже изрядно потускневших муз. Наши знаменитые художники и архитекторы предложили заменить их изображением первомайской демонстрации, укрепляющей дружбу народов.

Сталин не считал себя знатоком живописи, поэтому сдержанно отнёсся к эскизам. Заместитель директора Петров принёс их в Совнарком к Землячке... Землячка... призадумалась и заключила:

— О-о, это плохо. Прав Иосиф Виссарионович. Оставим старые музы — они лучше. История не простит нам такую замену. (Рыбин, 37.)

(Музы до сего дня на плафоне театра. В архиве ГАБТа хранится эскиз нового плафона работы художника Ф. Ф. Фёдоровского.— Р. Б.)

Возвращались из Москвы на дачу в Семёновское. На автобусной остановке мокла под дождём группа колхозников.

— Дождь-то какой... А люди стоят под открытым небом,— вздохнул Сталин и предложил: — Давайте, усадим их в машины и довезём до деревни. Тем более, что у нас время на это есть. Пригласите людей с остановки.

Соловов сделал это. Но никто не двинулся с места. Вернувшись, развёл руками. Сталин проворчал:

— Вы плохо приглашали, не умеете этого делать.

Пошёл сам к очереди колхозников. Привёл целую вереницу с котомками, чемоданами и мешками. Половина втиснулась в машины. Довезли их до Семёновского. Вернулись за остальными. Они сначала вели себя

насторожённо. Потом осмелели. Начались разговоры о колхозных и личных делах, о минувшей войне и погибших на фронте. Сталин вздохнул:

— У меня тоже Яшу загубили...

Тем временем по ближним деревням пронёсся слух о сталинской доброте. На остановке в Семёновском собралось больше ста человек в надежде прокатиться с товарищем Сталиным. Но горячее иссякло. Машины едва дотянули до самой дачи. (Рыбин, 47.)

(Представьте себе потрясение людей, увидевших Сталина. И кто после него подвозил людей? Хрущёв, Брежнев — сомневаюсь, а про нынешнее время, что и говорить.— Р. Б.)

* * *

И. В. Сталин посмотрел на папку и спросил:

— Что ещё хотите доложить?

Я взял шифровку, положил её на стол:

— Это предложение командующего Южным фронтом генерала Ерёменко и члена Военного совета Хрущёва о снятии с должности командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала Танасчишина. Его обвиняют в превышении власти. Мне трижды звонил, просил доложить Вам, генерал Ерёменко и дважды — генерал Хрущёв.

— Это какой Танасчишин? — спросил И. В. Сталин.— В прошлом кавалерист?

— Да. Зовут его Трофим Иванович.

— Я его хорошо знаю. Боевой рубака... А как его корпус воюет?

— Очень хорошо. Под его командованием он стал гвардейским.

— В чём же Танасчишина конкретно обвиняют?

Я доложил.

— Так... Личных мотивов у него не было. Болел, значит, за выполнение боевого задания, но переусердствовал... — заметил Верховный и поинтересовался: — А каково мнение Генштаба? Снимать его с корпуса или нет?

— Человек он действительно порывистый, горячий и поступил неправильно. Только генерал Танасчишин в корпусе на месте. Думается, достаточно ему на первый раз сделать строгое внушение...

И. В. Сталин на мгновение задумался, а потом, поднявшись, сказал:

— Снимать не будем. Передайте Ерёменко и Хрущёву, что Сталин взял Танасчишина на поруки. (Бюков, 31–32.)

* * *

Помню случай, когда удалось спасти от больших неприятностей одного лётчика... Он прибыл с фронта в Кремль получать награду — Звезду Героя Советского Союза. Звезду он получил и уже ночью шёл в приподнятом настроении домой. Вдруг он услышал женский крик. Поспешив на помощь, лётчик увидел женщину и возле неё мужчину. Заливаясь слезами, девушка объяснила, что к ней пристаёт незнакомый хулиган. Поединок фронтовика с хулиганом закончился трагически — лётчик застрелил его.

Появился военный патруль, лётчика задержали и доставили в комендатуру. Дело было доложено Сталину. Разобравшись во всех деталях, он спросил, что по советскому закону можно сделать для лётчика? Ему сказали: можно только взять на поруки до суда. Сталин написал заявление в Президиум Верховного Совета с просьбой отдать ему лётчика на поруки. Просьбу удовлетворили, лётчика освободили, и ему было сказа-

но, что его взял на поруки Верховный Главнокомандующий. Вернувшись на фронт, лётчик продолжал героически сражаться против гитлеровцев. К сожалению, вскоре он погиб в воздушном бою. (Грибанов, 25.)

* * *

Однажды Сталин спросил у только что награждённого лётчика, как дела дома, и узнал, что у того родился сын. Вождь поздравил молодого отца. А когда лётчик сел в ожидавшую его машину, то обнаружил большую коробку. Там было всё, что требовалось для новорождённого. (Грибанов, 37.)

* * *

Мне (Власику Н. С.) хочется привести несколько примеров тёплого и заботливого отношения Сталина к народу.

Вспоминается мне разговор, который происходил в тридцатые годы между Сталиным и Молотовым во время прогулки в Сочи. Разговор зашёл о пятидневке. В то время воскресенье, как день отдыха, было отменено. Народ работал пять дней, а шестой день был днём отдыха. Рабочая неделя была непрерывной, и все отдыхали в разные дни. Тов. Молотов сказал, что до него дошли слухи, что народ недоволен пятидневкой, так как ни семья, ни друзья не могут вместе собраться, встретиться, чтобы провести свободный день.

Тов. Сталин, услышав это, тут же сказал:

— Раз народ недоволен, надо отменить пятидневку и сделать общий выходной день, как хочет народ. Надо объяснить это в печати и вынести решение.

Что и было сделано. (Логинов, 113.)

Мне (Власику Н. С.) вспоминается один эпизод, случившийся в первые дни войны, который характерен для Сталина и опровергает утверждения о его грубости и бессердечии... ..в первую же неделю войны ... была объявлена воздушная тревога. Население было уже подготовлено, и все без паники укрылись в убежище. Но факт сам по себе неприятный: в первые же дни войны врагу удалось прорваться к сердцу страны — Москве. Утром населению было объявлено, что была учебная тревога...

Что же произошло на самом деле? Оказалось, что наш заградотгонь, охранявший подступы к столице, принял свои самолёты за вражеские, и открыл по ним огонь. Была объявлена воздушная тревога. А потом всё это быстро выяснилось и был дан отбой.

Узнав об этом, Сталин тут же вызвал помощника командующего войсками Московского ВО по ПВО Гро-мадина М. С. Легко представить себе самочувствие Громадина. Ошибка была серьёзной... Что, кроме заслуженного наказания, мог ожидать он от этой встречи? Но все его опасения жестокого разгона оказались напрасными. Сталин принял его приветливо и тепло, расспросил его обо всём... и в заключение сказал: «Вы уж постарайтесь больше не ошибаться и помните, что сейчас идёт война, и ошибки могут привести к тяжёлым последствиям».

Вышел Громадин от Сталина и облегчённо вздохнул, откровенно признавшись, что такого внимательного и тёплого отношения к себе после совершенной ошибки никак не ожидал. (Логинов, 120.)

Она (В. Васильева) снялась в «Сказании о земле Сибирской». Фильм имел огромный успех в стране и за

рубежом, был удостоен Сталинской премии. Но первоначально В. Васильеву в список не включили. Сталин просматривал фильм и сказал о Васильевой:

— Кто эта прелесть?

— Вера Васильева, т. Сталин. Она студентка и её не включили в список лауреатов.

Что сказал Сталин в ответ на это, в передаче не прозвучало, но Васильева стала 23 лет от роду лауреатом Сталинской премии. **Вера Васильева, киноактриса.** (Передача по каналу «Россия» в 16.35 12.11.2005.)

* * *

Однажды она (Тамара Шакрыл) обратилась ко мне с просьбой помочь ей написать письмо Сталину. О чём? О защите абхазской культуры, абхазского языка, о независимости абхазского народа, который всё больше терял свою самобытность, традиции, своё место среди других кавказских народов. Мы несколько вечеров сочиняли это послание, и сама Тамара нашла способ направить его грозному адресату.

Это был смелый, мужественный и опасный шаг — писать «вождю всех народов», грузину, отнюдь не мусульманину, об острых проблемах абхазской автономии.

И на удивление она получила ответ. Более того, в Абхазию была направлена из Москвы авторитетная комиссия, которая осуществила крупные изменения в положении абхазской словесности, издании учебников и художественной литературы, а также в кадровой политике. (**Бурлацкий.**)

(Эта опасность в основном сочинена после 1956 года.— *Р. Б.*)

* * *

Первым вопрос о необходимости создания радиолокационной промышленности в стране поставил

А.И. Берг. Наркоматы, перегруженные заказами фронта, категорически возражали. Создание новой отрасли промышленности в условиях войны наркомы считали чуть ли не сумасшествием. Проинформировав промышленный отдел ЦК ВКП(б), Берг добился аудиенции у Сталина. Позже Берг вспоминал: «Мой доклад один на один длился более трёх часов. Сталин ходил по кабинету, курил трубку, говорил, что ничего не понимает. Потом, попыхивая трубкой, подытожил: «А по моему, товарищ Берг прав!»

Так в тяжелейшее для страны время, в самый разгар войны, за день до начала Курской битвы, 4 июля 1943 года был создан Совет по радиолокации при Государственном комитете обороны. (Правда, 5.11.1998.)

* * *

При советской власти все кадетские корпуса были упразднены. Но уже в годы Великой Отечественной войны, когда стали возрождаться былые традиции патриотизма и государственности, Сталин не только восстановил воинские звания и погоны в армии, но и подписал специальное постановление об образовании суворовских и нахимовских училищ, причём в скобках написал: «...по образцу кадетских корпусов». (Российская газета, 22.8.1998.)

* * *

Интервью с Е. Гришиным.

И вот, наконец, в 1953 году **Олег Гончаренко** в Хельсинки завоевал лавровый венок чемпиона мира. Вторым был **Борис Шилков**. Информация об этой победе появилась в «Правде», как всегда, на последней странице. Рассказывают, что Сталин позвонил в редакцию и спросил, верят ли журналисты в победу Гончаренко,

а если верят, то почему не радуются. На следующее утро «Правда» вышла с портретами Гончаренко и Шилкова на первой полосе. Когда конькобежцы прилетели в Москву, то личный представитель министра госбезопасности вручил Олегу Гончаренко, закончившему Харьковское военно-пожарное училище, приказ о переводе его на службу в Москву, а также ордер и ключи от квартиры. Вручал прямо в аэропорту! (Советский спорт, 23.3.2001.)

* * *

— Война для нашего студенческого стройбата завершилась 8 сентября,— даже сегодня Сергей Павлович (Непобедимый) вспоминает об этом с лёгкой обидой,— спустя всего 2,5 месяца после начала. Сталин тогда своим указом определил, что все третьекурсники Бауманки... должны продолжить учёбу в вузе.

Студентов МВТУ эвакуировали в Ижевск, и они продолжили учёбу на заводе... (Сирьк, Парл. газета, 20.5.2002.)

* * *

Другая наша машинистка, кажется, Мельникова, однажды ехала в лифте со Сталиным. Он посмотрел на неё и сказал: «Что же Вы такая худенькая?..» И её первой отпустили в отпуск, а до этого сотрудникам отпуска в войну не предоставляли. (Шерстюков. Сов. Россия, 7.5.1998.)

* * *

Интервью с П. Кориным.

— И в триптихе «Александр Невский»? — спросил я.

— И в «Александре Невском» тоже. В конце июля 1942 года... меня пригласили в комитет по делам искусств и предложили написать историческую картину о великом русском полководце Александре Невском, победителе германских варваров-крестоносцев. Я поначалу хотел отказаться... Но председатель комитета Храпченко пристыдил меня: «На Вас, товарищ Корин, надеется Родина, на Вас очень надеется товарищ Сталин. Верховный Главнокомандующий просил меня спешно передать Вам, что он просит Вас, именно Вас, показать в образе... Александра Невского богатырский дух великого народа русского, мировое превосходство русского оружия, русского военного искусства, непобедимость Руси, её непоколебимую и духовную мощь!» Я вспомнил, как Сталин спас меня и многих других художников-патриотов от иступлённой троцкистской травли, как в 1937–1939 годах были разоблачены и справедливо наказаны многие злейшие хулители и ненавистники русского народа и Советской власти... и согласился. К тому же я считал своим гражданским долгом выполнить этот заказ. (Корин.)

* * *

Интервью с праправнуком А. В. Александрова.

— Как получилось, что Александров возглавил армейский ансамбль песни и пляски?

— ...в 1928 году... возникла идея создать ансамбль при Центральном Доме Красной Армии. В том же году при поддержке Ворошилова, а позже Сталина её воплотили в жизнь.

...Взаимоотношения между Александром Васильевичем и Иосифом Виссарионовичем были достаточно простыми. Прапрадед мог напрямую обращаться к вождю, без особых проволочек заходить к нему в кабинет, даже когда там сидели маршалы. Показательный

факт. Когда в Москву из Германии было завезено несколько автомобилей «мерседес», один из них Сталин лично выделил Александрову... (Труд, 4.1.2001.)

* * *

Интервью с И. Моисеевым.

Со Сталиным я соприкасался лишь на приёмах. Трудно объяснить чувство, которое испытывал. Его положение было так необычно, он был так приподнят над всеми, что само его появление человеком рассматривалось как явление. Тут были и страх, и ответственность, и радость. (! — *Р. Б.*) Ансамбль народного танца Сталин любил, поэтому нас приглашали на все приёмы и банкеты. Во время одного из них мне посчастливилось разрешить проблему с помещением. ...На Кремлёвском приёме Сталин спросил меня, как дела. Я пожаловался, что нам приходится репетировать иногда на лестничных площадках. Иосиф Виссарионович нахмурился, жестом подозвал тогдашнего первого секретаря Московского комитета партии Щербакова и сказал: «У них нет помещения. Надо найти. Завтра доложишь». Щербаков пригласил меня к себе и, подведя к карте Москвы, предложил: «Выбирайте». Я указал ему на находящийся в процессе перестройки бывший театр Мейерхольда. В течение трёх месяцев строительство было завершено. Первый вопрос при приёмке здания был: «А товарищу Моисееву здание понравилось?» Вот так мы и въехали в помещение Концертного зала имени Чайковского и с тех пор располагаемся здесь. (Правда — 5, № 25, 1996.)

* * *

Воспоминания военного сапёра А. А. Губенко (в изложении).

В составе военно-строительных частей автор строил в 1948 году в Сочи мол. В город должен прибыть Сталин. Начальник его охраны генерал Власик приказал Губенко убрать всех людей с территории порта. «Но как быть с разгрузкой парохода?» — спросил Губенко. «Пусть разгружают, — сказал Власик, — но когда я дам команду, накроете людей парусом, чтобы они не выглядывали с палубы».

И вот Сталин прибыл. С ним В. М. Молотов, А. Н. Косыгин, маршал Чойбалсан, другие лица. Невероятное волнение автора, впервые увидевшего Сталина. Но когда Сталин заговорил с ним, волнение пропало.

Сталин расспрашивает о ходе строительства, осматривает стройку. И спрашивает (далее оригинальный текст):

— Что-то людей не видно на стройке, товарищ Губенко. Где люди?

— Генерал Власик убрал.

— Кто тебе разрешил? — обратился он к Власику. — И пароход, наверное, не разгружается.

Губенко: «Пароход разгружается, мы накрыли его парусом...»

— Глупость.

Сталин поворачивается к пароходу и видит такую картину: брезент сброшен — головы солдат торчат над бортом от носа до кормы. Власик весь посинел. Молчит.

— Не надо конструировать смешные вещи, — сказал Сталин. — Пусть люди видят, что мы для них не звери.

Он только приподнял руку, как солдаты дружно и резко стали скандировать: «Сталин! Ура!» Овация пронеслась над морем, как шторм.

Сталин постоял, посмеялся в усы, посмотрел на нас:

— С таким народом мы ещё не одну бы войну выиграли. Молодцы! (Губенко, Сов. Россия, 7.5.1998.)

(Так кто конструировал такие вещи, после которых люди смотрели на власть, как на зверей, разве Сталин? — Р. Б.)

* * *

Шепилов приносил Сталину предложения агитпропа — отдела агитации и пропаганды ЦК партии. На докладной записке слева значилось название работы, справа заключение агитпропа: дать Сталинскую премию первой, второй или третьей степени. Так агитпроп решил присвоить Сталинскую премию первой степени за работу «Гнойная хирургия».

— Только прошу обратить внимание, товарищ Сталин, автор — сейчас митрополит Таврический. У него было горе, умерла жена, и он постригся в монахи,— сказал Шепилов.

— Ну причём тут митрополит? Вы мне сказали, эту «Гнойную хирургию», два тома, он написал? — спросил Сталин.

— Он написал.

— Все подтверждают?

— Все.

— Ну, тогда понятно. Мы же не за митрополита ему даём! (Чуев — 1, 316.)

(Ошибка мемуариста. Речь идёт не о митрополите, а об архиепископе Симферопольском и Крымском Луке (Войно-Ясенецком), 1877—1961, лауреате Сталинской премии за 1946 г.; полученную премию он пожертвовал сиротам и вдовам воинов, павших в Великой Отечественной войне.)

* * *

Шепилов вспомнил случай, когда обсуждался вопрос о премии за изобретение в области авиации. Инже-

нер придумал важную деталь для боевого самолёта. Сталин въедливо интересовался, что это за деталь, какой от неё эффект...

— Только,— сказали ему,— автор изобретения недавно арестован.

— Но он сделал эту деталь? — спросил Сталин.

— Он.

— Так причём здесь — арестован? Товарищ Берия, разберитесь, в чём там дело.

На другой день инженер был на свободе. (Чуев — 1, 317.)

* * *

В случае с (Большим) театром Сталин далеко отошёл от вкусовых ориентиров, преобладавших в большевистской элите в первые послеоктябрьские годы. Ленин собирался даже закрыть Большой театр, полагая, что в условиях экономической разрухи непозволительно тратить на его содержание народные деньги...

Ситуация резко меняется при Сталине. Сталин увидел в Большом театре своего рода олицетворение высокой державности и неувядающей классики, несущей в себе эталонный смысл для всей культуры. Постепенно кремлёвский правитель придаст этому театру самый привилегированный статус. (Громов, 56.)

* * *

В эстетических симпатиях вождя сразу после Большого театра идёт Московский Художественный академический театр.

...Художественный театр подвергался яростным нападкам со стороны «левых» в советском искусстве. Ориентированные большей частью на мейерхольдовский авангардизм, они считали «художественников» за-

коснелыми консерваторами и голосисто требовали подчас немедленного закрытия театра.

...В этих условиях для театра было очень важным, какую позицию займёт первый человек в государстве. Сталин окажет театру мощную поддержку. Любимым спектаклем вождя станут «Дни Турбиных» М. Булгакова... (Громов, 57.)

* * *

У Шолохова начались трудности с публикацией третьей книги.

Он обращается за помощью к Горькому. Тот просит... если не требует немедленно напечатать шолоховское произведение. В том же месяце Горький устраивает у себя на даче встречу Шолохова с генсеком. И сразу всё улаживается... Третью книгу напечатали...

С Булгаковым всё обстояло иначе. Благоволение Сталина оградило его от ареста, дало ему службу, сохранило в МХАТовском репертуаре «Дни Турбиных».

...Многие творческие деятели писали письма кремлёвскому хозяину. Выявлена, наверное, лишь небольшая их часть. В те или иные годы Сталину писали: Горький, А. Толстой, Демьян Бедный, Афиногенов, Ахматова, Безыменский, Билль-Белоцерковский, Замятин, Зощенко, Корнейчук, Пастернак, Пильняк, Фадеев, Шагинян, Шолохов, Эренбург и др. (никому из советских руководителей не писали так много, а ведь писали ещё режиссёры, актёры, и все получали ответ — Р. Б.) (Громов, 101.)

* * *

В 1931 году к советскому правителю обратилась с посланием М. Шагинян. О чём она просила, явствует из ответа.

Сталин отвечает... «Должен извиниться перед Вами, что в настоящее время не имею возможности прочитать Ваш труд и дать предисловие... Что касается того, чтобы ускорить выход «Гидроцентрали» в свет и оградить вас от наскоков со стороны не в меру «критичной» критики,— то это я сделаю обязательно. Вы только скажите конкретно, на кого я должен нажать, чтобы дело сдвинулось с мёртвой точки».

...сталинское письмо весьма помогло писательнице. Её, скажем мягко, художественно не очень сильный роман был высоко поднят критикой и надолго введён в состав официальной советской «классики». (Громов, 102.)

* * *

К Булгаковым дважды в тяжёлую минуту обращалась Анна Ахматова. У ней в одну ночь арестовали сына (Л. Гумилёва) и мужа (Н. Пунина). В полном смятении чувств она приехала в Москву подавать письмо Сталину. Составлял это письмо Булгаков. ...хлопоты в тот раз увенчались успехом. Через несколько дней Гумилёв и Пунин были освобождены. (Громов, 121.)

* * *

Чиновники из Наркомпроса РСФСР решили запретить музыкальную комедию «Весёлые ребята». Ополчилась на неё и «Литературная газета»...

Александров (режиссёр фильма — Р. Б.) сумел с помощью Горького организовать просмотр фильма для членов Политбюро. По словам режиссёра, после окончания сеанса Генеральный секретарь промолвил: «Хорошо! Я будто месяц пробыл в отпуске». «Правда» не преминула одёрнуть «Литературную газету». (Громов, 200.)

У Эйзенштейна имелось несколько кинопроектов, самым ударным из которых являлась постановка военно-патриотического фильма «Мы — русский народ». Но ему доверить его не хотели. Чувствуя, что его затягивают в омут, Эйзенштейн пишет Сталину... Создатель «Броненосца «Потёмкин» просит, чтобы ему дали возможность работать в кино.

...На заседании Политбюро от 9 мая 1937 года... рассматривался вопрос «О С. Эйзенштейне»...

После долгих разговоров Эйзенштейну разрешили работать над фильмом «Александр Невский». (Громов, 212.)

....лично Сталиным очень поддерживались талантливые музыканты-исполнители. Они зачастую одерживали победы на престижных международных и всесоюзных конкурсах и смотрах. Громыко отмечал, что Сталин с удовольствием слушал музыку, когда за рояль садился Эмиль Гилельс. Ему вождь оказал поддержку в самом начале его блистательной карьеры.

Гилельса мало знали в Москве до его победы на всесоюзном конкурсе... в 1933 году. На заключительном концерте этого конкурса присутствовал генсек. «Он аплодировал шестнадцатилетнему Эмилю Гилельсу после того как пианист блестяще сыграл «Фигаро» Моцарта — Листа. Иосиф Виссарионович пригласил Эмиля Гилельса к себе в ложу, расспрашивал о его жизни и учёбе. Вскоре Эмиль переехал в Москву. Его окружили вниманием и заботой». (Э. Гилельс лауреат Сталинской премии за 1946 г.— Р. Б.) (Громов, 242.)

Не будет преувеличением сказать, что у Сталина было особое отношение к Шостаковичу...

В год шестидесятилетия кремлёвского владыки композитор получает звание профессора, а год спустя орден Трудового Красного Знамени. В 1948 году... ему присваивается звание народного артиста РСФСР.

...Сталин звонит домой композитору и осведомляется, как его здоровье. Тот отвечает: «Очень плохо». ...тут же (ему) был выдан пропуск в «Кремлёвку» и документ, подписанный самим Сталиным и гласивший, что композитору выделяется дача под Москвой со всеми удобствами. (Громов, 251.)

(Д. Д. Шостакович — пятикратный лауреат Сталинских премий. И ведь есть бесстыдники, утверждающие, что он был гоним при Советской власти.— Р. Б.)

При непосредственной поддержке вождя открывается в 1937 году Кукольный театр под руководством С. Образцова. ... По словам Образцова у него сложились «очень хорошие» отношения с генсеком. «Двадцать два раза я выступал с куклами перед ним. Мы даже пили вино после выступлений. Сталин всегда хвалил меня и называл лучшим другом». Особенно нравилась генсеку пародийная постановка «Хабанера». (Громов, 294.)

Несмотря на военное лихолетье, Эйзенштейн к фильму щедро отпускались средства. Эйзенштейн одновременно снимает первую и вторую серию... В 1944 году первая готова. На художественном совете

кинокомитета о ней высказываются разные мнения, в том числе и отрицательные. Осторожный Большаков (председатель комитета по делам искусств. — Р. Б.) не включает фильм в список претендентов на Сталинскую премию. Причина формальная. Согласно указанию вождя, если фильм двухсерийный, то его можно представлять к награде только в полном виде. Однако Сталин смотрит первую серию «Ивана Грозного» и распоряжается дать ей Сталинскую премию первой степени. (Громов, 373.)

* * *

В достопамятном 1946 году... Сталинскую премию получает В. Некрасов за повесть «В окопах Сталинграда». Официальная критика встретила её поначалу сдержанно, а подчас и откровенно враждебно. Но яркое изображение будничного героизма советских солдат привлекло внимание вождя..., который... распорядился премировать Некрасова. Предпринимал Сталин и другие акции подобного рода, когда оказывалась поддержка талантливым и правдивым произведениям... (Громов, 382.)

* * *

(Ахматова) не могла не помнить своеобразной заботы вождя о её персоне в 1939 году, личной воле «отца народов» приписывала она и «чудесное» спасение её из осаждённого Ленинграда, где непременно бы погибла... (Громов, 392.)

* * *

...в январе 1946 года Капица посылает Сталину книгу Д. Гумилевского «Русские инженеры». В сопровождении

тельном письме академик подчёркивает, что «из книги ясно: 1. Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас. 2. Мы сами почти никогда не умели их развить (кроме как в области строительства). 3. Часто причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы недооценивали своё и переоценивали иностранное».

...Председатель Совета Министров СССР отвечает академику коротко, но весомо:

«Тов. Капица!

Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного — думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них.

Что касается книги Л. Гумилевского «Русские инженеры», то она очень интересна и будет издана в скором времени. И. Сталин». (Громов, 423.)

* * *

Горячо обсуждался в комитете и роман Э. Казакевича «Весна на Одере». Причём Сталин упрекнул автора за то, что он не вывел на страницах Г. Жукова. Не вывел по требованию редактора, боявшегося упоминания об опальном маршале. Сам роман кремлёвский критик назвал талантливый. И продемонстрировал объективность, дав писателю-еврею Сталинскую премию. (Громов, 441.)

* * *

В 1951 году на экраны вышел фильм режиссёра И. Савченко «Тарас Шевченко». Картина выделялась романтической приподнятостью... Вождю фильм понравился — он получил Сталинскую премию первой степени. Особенно кремлёвский правитель восхитил-

ся исполнителем центральной роли молодым актёром С. Бондарчуком. Тот не имел никаких званий и вмиг стал народным артистом СССР, а также лауреатом Сталинской премии. (Громов, 447.)

* * *

Особо отличившихся творческих деятелей делали депутатами Верховного Совета СССР, вводили в состав высших партийных органов, посылали, не скупясь, за границу. Специальным решением увеличили количество Сталинских премий, установили ещё и третью её степень. В отчётном докладе ЦК ВКП (б) на XIX съезде, сделанном Маленковым, с гордостью отмечено, что 2339 человек стали её лауреатами по литературе и искусству. (Громов, 404.)

(Сталинские премии были учреждены в 1939 году, они присваивались также за новые научные открытия, за выдающиеся достижения в народном хозяйстве. Произведения И. В. Сталина публиковались большими тиражами, гонорары автор не получал, перечисляя деньги в денежный фонд премий его имени. Поэтому нельзя называть такие премии государственными, как то делается сейчас. Нет, это именно Сталинские премии, выплачивавшиеся из личных денег Вождя. Всего к 1952 году было присвоено около 11 тысяч Сталинских премий, в каждой братской советской республике были лауреаты этой премии. В 1949 году были учреждены Международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами». — Р. Б.)

* * *

Сталин был совершенно нормальный человек. С ним часто спорил Фадеев, мне один раз пришлось

поспорить. Фадеев спорил по поводу книги «Даурия» Седых. Мы приехали к Сталину втроём — Фадеев, Симонов, который был руководителем литературной секции, и я — руководитель музыкальной секции. Докладываем всему Политбюро о сложившейся ситуации... Когда Фадеев высказал своё мнение о том, что он против награждения того произведения Сталинской премией, поскольку там плохо отражена роль партии, Сталин возразил: это же литературное произведение, а не публицистика, зачем нужны такие политические подробности, такая точность? Возник спор. Фадеев сказал, что он категорически против, что он в то время был на Дальнем Востоке и вместе с Сергеем Лазо делал революцию... Сталин обратился к Политбюро: ну что, дадим премию Седых? И вопреки мнению Фадеева, эту премию дали. (Хренников, Завтра, № 39, 2006.)

* * *

Или у меня была история. Тогда появился Нечипоренко — потрясающий балалаечник. Я никогда не слышал бóльшего потрясающего мастерства в этом направлении, чем у Нечипоренко. Он произвёл на меня такое впечатление, что я решил во что бы то ни стало выдвинуть его на премию. И выдвинул. Пригласил его. Он перед всеми сыграл, все обалдели от его мастерства. Его называли тогда «Ойстрах на балалайке», потому что он играл тогда весь виртуозный скрипичный репертуар на своём инструменте. Это было совершенно невероятно. На прослушивании был и председатель комитета. В то время им был Николай Николаевич Беспалов. Он решил лизнуть Сталину одно место и сказал: товарищ Сталин, такую премию — за народный инструмент? Ну как же можно? Мы этим самым сни-

жаем значение такой престижной премии. И Сталин вроде бы согласился: пожалуй, вы правы. Вижу, что вся моя конструкция рушится. С присущим мне темпераментом я попросил слово у Сталина и стал говорить, что я вообще удивляюсь выступлению Беспалова, который, по-видимому, не знает истории этого инструмента, что ещё в XIX веке Трояновский и Андреев приезжали к Толстому, играли ему, и он плакал и рыдал. Игре на балалайке учат в самых престижных музыкальных вузах. И говорить о том, что это всё ещё самодеятельный инструмент,— я такой глупости не могу пережить и протестую категорически. Тогда Сталин говорит коротко: дадим. И дали. (Хренников, Завтра, № 39, 2006.)

* * *

Хорошо помню, что Сталин, сказав о политической стороне романа и его исторической правдивости, перешёл к его художественным особенностям и несколько минут хвалил роман («Степан Разин») Злобина в таких выражениях, которые он не часто употреблял. Он называл роман очень талантливым, говорил, что автор талантливый человек и что он написал выдающееся историческое сочинение. Судя по всему, что Сталин говорил о романе, ему очень нравилось, как он был написан Злобиным.

Казалось бы, на этом всё должно было и закончиться, но в тот момент, когда я так же, как и все другие, посчитал, что обсуждение переходит к следующему произведению, что со Злобиным всё ясно и кончено — уже не помню кто,— может быть, это был председательствовавший на Политбюро Маленков,— перелистнув какую-то папку, сказал:

— Товарищ Сталин, тут вот проверяли и сообщают: во время пребывания в плену, в немецком концла-

гере, Злобин плохо себя вёл, к нему есть серьёзные претензии.

Это было как гром среди ясного неба, такого я ещё не слышал ни на одном заседании, хотя понимал, конечно, что, готовя материалы для присуждения Сталинских премий, кто-то по долгу своей службы представлял соответствующие сведения в существовавшие где-то досье на авторов. Но об этом никогда, ни разу до сих пор не говорилось, а если что-то и обсуждалось, связанное с этим, то, очевидно, где-то в другое время и без нас, грешных.

Услышав сказанное, Сталин остановился — он в это время ходил — и долго молчал. Потом пошёл между рядами мимо нас — один раз вперёд и назад, другой раз вперёд и назад, третий — и только тогда, прервав молчание, вдруг задал негромкий, но в полной тишине прозвучавший довольно громко вопрос, адресованный не нам, а самому себе.

— Простить... — прошёл дальше, развернулся и, опять остановившись, закончил — ...или не простить?

И опять пошёл. Не знаю, сколько это заняло времени, может быть и совсем немного, но от возникшего напряжения всё это казалось нестерпимо долгим.

— Простить или не простить? — снова повторил Сталин, теперь уже не разделяя двух половинок фразы.

Опять пошёл, опять вернулся. Опять с той же интонацией повторил:

— Простить или не простить?

Два или три раза прошёлся взад и вперёд и, отвечая сам себе, сказал:

— Простить.

Так на наших глазах, при нас, впервые Сталиным единолично решалась судьба человека, которого мы знали, книгу которого читали. Я знал Злобина меньше, чем другие... но само это ощущение, что вот тут, на твоих глазах, решается судьба человека — быть или не

быть ему, потому что «простить или не простить» про-
износилось с такой интонацией, за которой стояла, ... с
одной стороны, Сталинская премия, а с другой — ла-
герь, а, может быть, и смерть. Во всём этом было нечто
угнетающе-страшное, тягостное...

Если же говорить о последующем, то в сущности
речь шла не о том, чтобы простить или не простить
человека, виноватого перед страной, но написавшего
выдающуюся книгу, посвящённую истории этой стра-
ны. Злобин, как это было доказано впоследствии, был
не только ни в чём не виноват перед своей страной, но,
наоборот, проявил в лагере незаурядное мужество, иг-
рал важную роль в советском лагерном подполье. Та-
ким образом, на наших глазах шла речь не о том, что-
бы простить или не простить виноватого, а о том, по-
верить или не верить клевете на ни в чём не повин-
ного, клевете, соответствующим образом оформленной
в духе того времени со всеми необходимыми атрибута-
ми мнимой неопровержимости. (Симонов, 213–215.)

* * *

После освобождения Красной Армией в ноябре
1943 года Киева встал вопрос, как быть с теми, кто
в какой-то степени сотрудничал с немецкими оккупан-
тами. Однажды один майор позвонил Н. С. Хрущёву и
спросил, что делать с задержанным каким-то певцом
Гмырей.

Хрущёв решил перезвонить Сталину. Рассказал, что
во время оккупации города Гмыря пел в театре, его
вывозили в Берлин, где он, в частности, пел партию
Вольфрама в вагнеровской опере «Тангейзер».

Сталин спросил: «Хорошо ли он поёт?»

Хрущёв ответил, что сам пения его не слышал, но
отзывы музыкантов хорошие.

Тогда Сталин сказал: «Ну что ж, что пел для немцев. Раз хорошо поёт, то пусть теперь попоёт для нас». Судьба певца была решена.

Через непродолжительное время Гмыря был приглашён на гастроли в Москву. Его слушал Иосиф Виссарионович. И предложил присвоить Борису Романовичу Гмыре почётное звание «Народный артист СССР», что и было осуществлено в 1951 году...

В 1952 г. ему за концертно-исполнительскую деятельность была присуждена Сталинская премия. (Энциклопедия «Сталин», 134–135.)

* * *

Сталин, всегда внимательный к исполнителям... не упускал возможности... кому-то помочь. Так получилось с заслуженной артисткой А. Бышевской. До предела истощённая, она из последних сил спела арию Ярославны. Потом Сталин пальцем поманил её к себе и укоризненно сказал:

— Александра Андреевна, вы очень исхудали. А по истории княгиня Ярославна должна быть солидней...

Бышевская со слезами призналась, что вместе с мужем, тенором Бобковым, теперь не имеют даже своего угла и временами просто голодают. Сталин успокаивающе погладил её по руке, сказав:

— Квартину отремонтируем, питание восполним...

Вскоре не только ей, а всем артистам был увеличен паёк и прибавлена зарплата. (Рыбин, 39.)

* * *

Полковник Раков закинул снасти в речку и пристально глядел с камня на гуляющие косяки. Так засмотрелся, что потерял равновесие и ухнул в воду. Об-

щими силами помогли ему выбраться на берег, оставили в одних трусах у костра. Сталин снял летнее пальто и отдал Ракову. Когда тот высушил форму и оделся, только тогда Сталин взял своё пальто... (Рыбин, 44.)

* * *

Когда отдыхали в Боржоми, к Сталину пришли мужчина и женщина, соратники по прежнему подполью. Получилось так, что у этих грузин кончились деньги. Сталин при себе денег никогда не имел. Обратился к нам. Пустив по кругу фуражку, набрали триста рублей. Сталин разложил их поровну и в конвертах вручил землякам. (Рыбин, 44.)

(Сталин готов был помочь даже в таких мелочах; участливость не показная, а врождённая, и в большом и в малом.— Р. Б.)

* * *

...забота о ближних не избавляла Сталина от забот о дальних. Он выискивал деньги для общего снижения цен. Думал об этом постоянно. И в машине опять спросил:

— Где же взять проклятые деньги?

...Сталин всё же нашёл позарез нужные деньги, решив на семьдесят процентов сократить всю правительственную охрану и прислугу. Затем, чтобы некоторые товарищи не очень стремились в Политбюро,— уменьшил доплату в пакетах с двадцати пяти тысяч рублей до восьми. Соратники, естественно, зашипели. Но куда деваться? Лишь ещё крепче обнялись и стали действовать против обидчика ещё дружнее, забирая в свои руки все государственные дела.

...По-прежнему бороться с наступающей пятёркой Сталин, видно, уже не мог. Ведь ему пошёл семьдесят четвёртый год. (Рыбин, 47.)

* * *

Сталин был человеком высокой культуры. Никогда не кричал, не шумел на нас. Был скромным, вежливым, обходительным. Всегда питался с нами по существу из одного котла. Обязательно интересовался нашими домашними заботами. Узнав, что Туков (телохранитель) живёт с женой и больной дочкой в одной комнате и потому не высыпается — помог ему получить квартиру.

Словом, все мы постоянно видели перед собой честного, душевного человека... (Рыбин, 52.)

* * *

В то же время Сталин похвалил... В. Лациса, которого в Латвии ругал Пельше, секретарь по пропаганде. Лациса громили за роман «К новому берегу», а Сталин прочитал русский перевод, и Лацис получил Сталинскую премию первой степени. (Чуев — 2, 529.)

* * *

В 1944 году Голованов тяжело заболел. Перенапряжение войны сказалось и на молодом организме. Случилось это в Житомире. Закончив работу в штабе, Голованов на рассвете прилёг отдохнуть и внезапно почувствовал, что у него остановилось сердце... Далее он так же физически ощутил, что перестал дышать. В это мгновение какая-то сила подняла его с постели, бросила к окну и заставила выпрыгнуть со второго этажа. Произошло это в считанные секунды. Удар о землю вернул дыхание...

Прибежали сослуживцы, перенесли своего командующего в госпиталь медсанбата...

Вскоре из Москвы прилетела группа врачей, направленная Верховным...

Врачи долго ничего не могли понять, пока не установили, что причиной всех неприятностей были спазмы в организме. А это стало следствием постоянного недосыпания, значительно разрушившего центральную нервную систему.

Опыта в лечении таких заболеваний тогда было маловато. Позвонил Сталин, поинтересовался:

— Как здоровье?

— Не могу похвалиться здоровьем, товарищ Сталин, а лекарства улучшения не дают.

Помолчав немного, Сталин сказал:

— Вот что. Врачи, я вижу, Вам помочь не могут. Я знаю, Вы человек непьющий. Заведите у себя на работе и дома водку. Когда почувствуете себя плохо, налейте и выпейте. Я думаю, Вам это должно помочь...

Водку доставили, и, когда начался очередной приступ, Голованов выпил полстакана. Нарушение дыхания прекратилось, стало легче. Помогла водка и на следующий раз. Приступы перестали быть ежедневными, и Голованов справлялся с ними, не прекращая работу. Недели через две позвонил Верховный и снова поинтересовался здоровьем.

— Каких только специалистов не приглашали, товарищ Сталин,— ответил Голованов,— ...сделать ничего не могли. А простая водка справилась...

— Вот что,— сказал Сталин...,— имейте в виду, что водка Вам будет помогать до тех пор, пока будете пользоваться ею как лекарством. Если Вы начнёте пить её как водку, то можете поставить крест на своём лечении.

А ведь был случай, вспомнил Голованов, ещё во время обороны Москвы, когда на докладе у Сталина

ему стало плохо и он упал прямо в кабинете. Сталин моментально влил ему в рот из стакана крепкое спиртное...

— К водке я прибегал всякий раз, когда начинали появляться признаки приближающегося приступа,— говорил Александр Евгеньевич,— и всякий раз с положительным результатом, пока через годы совсем не избавился от этих приступов. Однако к питью я так и не приучился. (Чуев — 3, 257.)

* * *

В своей книге А. М. Василевский пишет, как Сталин сделал ему внушение за то, что он забыл своего отца-священника, не помогает ему.

Голованов так дополнил этот эпизод:

«Сталин подошёл к сейфу, достал пачку квитанций почтовых переводов и показал Василевскому:

— Теперь Вы долго со мной не расплатитесь!

Оказывается, Сталин каждый месяц анонимно посылал деньги отцу Василевского, а тот наверняка думал, что это от сына...» (Чуев — 3, 275.)

(Сталин поступал по евангельской заповеди о тайном творении добра. «...когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди, чтобы милостыня твоя была втайне». (Мф. 6.2–4.)

* * *

Один лётчик поделился с вождём своей квартирной проблемой: обещают и ничего не дают. «Если и Вы не поможете, товарищ Сталин, буду жаловаться выше». (Сталин, должно быть, тут улыбнулся.— Р. Б.)

Интересно, куда, какому богу собирался жаловаться лётчик, но квартиру получил незамедлительно. (Чуев — 3, 59.)

* * *

Беседа на этом не кончилась.

— Скажите, пожалуйста,— сказал он,— почему Вы, да и Ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один Ваш брат — врач, другой — агроном, третий — командир, лётчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям...

Я (А. М. Василевский) ответил, что с 1926 года я порвал всякую связь и с родителями. И, если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и тем более в системе Генштаба. В подтверждение этого я привёл следующий факт.

За несколько дней до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца. (Во всех служебных анкетах, заполняемых мною до этого, указывалось, что я связи с родителями не имею.) Я немедленно доложил о письме секретарю своей партийной организации, который потребовал от меня, чтобы впредь я сохранял во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил. (Т. е. низовые организации занимались самоуправством.— Р. Б.) Сталин сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил об этом разрешении в парторганизацию Генштаба.

Надо сказать, что через несколько лет Сталин почему-то вновь вспомнил о моих стариках, спросив, где и

как они живут. Я ответил, что мать умерла, а 80-летний отец живёт в Кинешме у старшей дочери...

— А почему бы Вам не взять отца, а может быть, и сестру к себе? Наверное, им здесь было бы не хуже,— посоветовал Сталин. (Василевский, 104.)

* * *

4 декабря 2005 г. Первый канал ТВ, 19.00, передача об Е. А. Моргунове.

Он работал на заводе, а хотел быть актёром. Директор завода не отпускал его, уволиться же самому было невозможно, такие были в то время порядки.

Тогда Е. Моргунов написал письмо Сталину, в котором изложил ситуацию. Письмо дошло до Сталина, из его приёмной последовал звонок директору завода, Е. Моргунов уволился и был принят в театр Таирова.

Все случаи, когда Сталин помог кому-то многочисленны. Важно заметить, что Сталин чаще всего помогал сам, он не ждал, когда его попросят.

П. С. Бутенко, архитектор, заслуженный скульптор РФ.

— Однажды утром прихожу в институт, и при встрече директор нашего учебного заведения здоровается со мной за руку очень уважительно,— вспоминает Пётр Семёнович.— Я зашёл в свою лабораторию в недоумении, потому что директор едва ли знал меня, и вдруг такое... А товарищи объяснили, что накануне на конкурсной выставке побывал Иосиф Виссарионович Сталин. Он шёл неторопливо, поглядывая по сторонам. Но неожиданно остановился, зашёл с разных сторон и проговорил: «Хорошенкий домык!»

Это был проект сельского дома, предложенный П. С. Бутенко. После судьбоносного случая жизнь

повернулась к архитектору с неожиданной стороны. Он был назначен руководителем восстановления Великих Лук, которое включили в программу первостепенного возрождения разрушенных древних русских городов. Позже П. С. Бутенко стал главным архитектором Псковской области... **Советская Россия, 7.4.2007, Олег Дементьев. Лёд и пламень.**

* * *

Было время, когда в нашей стране сравнительно-историческое языкознание запретили. Тех, кто им занимался, травили, выгоняли с работы. Тогда в научный процесс пришлось вмешаться самому Сталину, опубликовавшему на страницах газеты «Правда» знаменитую работу «Марксизм и вопросы языкознания». После этого ученым-лингвистам вернули право на научную деятельность. Были основаны при Академии наук СССР соответствующие институты... (Глумов.)

* * *

Или возьмите пример с разгрузкой сахара в Мурманске. Начальником порта во время войны там был Папанин, и вот пришел корабль, груженный сахаром, необходимо быстро разгрузить, пока не налетели немецкие самолеты и не разбомбили, а людей нет. И Папанин распорядился: каждому, кто будет работать на разгрузке, выдать мешок сахара. Ну, разгрузили. Сталину докладывают о таком самоуправстве Папанина, разбазаривании им продуктов и требуют для него серьезного наказания. Сталин спрашивает: «Кто съел этот сахар?» Там засмеялись: как кто? «Ну, кто его съел? — опять спрашивает Сталин. — Люди?» Ему: мол, конечно, люди. А он: «А вы бы хотели, чтобы рыбы?». И разговор был окончен. (Сергеев.)

Трудно сказать, о какой стороне народной жизни думал больше всего Сталин, чему уделял больше всего своего внимания и заботы. Но то, что забота о детях стояла для него на одном из первых мест, несомненно. При Сталине была создана и развёрнута сеть пионерских оздоровительных лагерей, какой не было (и нет) ни в одной стране мира. Именно при нём были приняты законы и постановления об охране материнства и детства, учреждены государственные награды многодетным матерям. В тяжелейшее для страны военное время на улицах и площадях городов не было беспризорных, брошенных детей. Во всех областных и районных центрах, и даже в деревнях были открыты тысячи детских домов, в которых дети были обуты, одеты, накормлены, они учились.

Сталин, мягко говоря, не понял бы нынешнего положения, когда тысячи детей слоняются по стране, воруют, спят в подвалах и теплотрассах, попадают в руки извращенцев и — что самое ужасное — продаются за границу. Людей, допустивших это, ожидало бы самое суровое наказание.

Народ не просто любил Сталина, он в него верил. И это почти религиозное чувство прекрасно передано в трогательном стихотворении.

Отчего сегодня мама так грустна?
Почему такая всюду тишина?
Как огонь пылают детские ручонки.
Врач сказал: «Не в силах мы спасти ребёнка».

Тане операцию надо сделать быстро,
А у нас такого нет специалиста». Умирает девочка. Горько плачет мать.
Горе материнское трудно передать.

Над кроваткой детской Сталин на портрете.
Сталина добрее нет на целом свете.
Слабый голос девочки мама слышит вдруг —
Таня имя Сталина произносит вслух.

Шепчет Таня: «Сталина, мама, позови».
Сколько в детском голосе ласки и любви.
Мудрый взгляд у Сталина, по-отцовски нежный.
В материнском сердце вспыхнула надежда.

Телеграмму мама отправляет срочно,
Телеграф работает даже поздно ночью.
К Сталину за помощью обратилась мама.
На столе у Сталина эта телеграмма.

Сталин телеграмму посылает маме.
Вот что пишет Сталин в этой телеграмме:
«Как здоровье девочки, срочно сообщите.
Меры мною приняты, не волнуйтесь, ждите».

Сталинские строки в сотый раз читая,
Плачет от волнения женщина простая.
За окном кружится самолёт над лесом,
Это из столицы прилетел профессор...

И такую радостью в доме всё полно,
Словно смотрит Сталин в Танино окно.
Сон смыкает веки, Таня крепко спит.
Снится ей, что Сталин рядом с ней сидит.

ПЛАНЕТА СКОРБИТ

В современной истории не назвать человека, кончина которого так всколыхнула бы чувства сотен миллионов людей, отозвалась в их сердцах. XX век не знает примера такой скорби. Будучи современниками кончины Л. И. Брежнева, Ю. А. Андропова, мы могли наблюдать обряд официальных похорон, ряд обязательных соболезнований глав зарубежных государств, но чувств основной массы советских граждан эти кончины не затронули. Было осознание чего-то нового, необычного в привычной тягучке однообразных дней, было любопытство (кто сменит усопшего?), но не больше.

В марте 1953 года было всемирное горе, всемирная неподдельная скорбь. В Москву шли потоки телеграмм со всех концов земли, от людей, которые знали Сталина только по фотографиям в газетах. Людей никто не принуждал к этому, они посылали телеграммы по велению души.

Планета прощалась со своим сыном, который спас её от коричневой чумы, от ядерного пожара. Планета прощалась с сыном, которого судьба посылает человечеству раз в несколько столетий.

Во многих некрологах от глав государств и от частных лиц сквозь принятую в таких случаях фразеологию нередко пробивается живое, сердечное чувство.

* * *

Под конец он, подобно титану, царил в мире, который стал для него слишком тесен. (Хильгер, 297.)

Сталин может быть вполне удовлетворён, если история будет считать его человеком, выведшим Россию

из состояния отсталости, разрешившим национальный вопрос и вопрос о положении национальных меньшинств, единственным правителем России, который поразил врагов своей страны как на Западе, так и на Востоке. Он может умереть спокойно, сознавая, что дожил до осуществления мечты, изложенной в его стихотворении, написанном, когда ему было всего шестнадцать лет:

И знай,— кто пал, как прах, на землю,
Кто был когда-то угнетён,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылён.

(Лаутербах, Иванов, 463.)

По всей гигантской стране от Владивостока до Ленинграда и от Архангельска до Астрахани дома стояли в траурном убранстве красных флагов с чёрными ленточками. Даже в многочисленных трудовых лагерях, переполненных людьми, пострадавшими от страшных репрессий его правления, царило горе. Двухсотмиллионный народ печально склонил головы, оплакивая своего вождя, который провёл его сквозь суровые испытания военного лихолетья и, как люди чувствовали, всегда стремился служить народу и России. (Грей, 209.)

Я с волнением узнал о смерти господина Генералиссимуса Сталина. От имени республики я выражаю Вашему Превосходительству соболезнование Франции. Выдающаяся роль, которую сыграл ваш замечательный соотечественник на стороне союзных наций в их борьбе за совместную победу, проведя советские народы через столько испытаний, сохранится в памяти всех. **Ориоль Венсан, президент Французской республики** (Комсомольская правда (далее — КП) 7.3.1953.)

В момент, когда Советская Россия, друг и союзник Франции в войне, переживает утрату своего руководителя Генералиссимуса Сталина, я обращаюсь от имени

французского народа и правительства к народу и правительству Советского Союза с выражением сочувствия, вызываемого смертью великого государственного деятеля и руководителя славной Советской Армии. **Мейер Рене, председатель Совета министров Франции.** (КП, 7.3.1953.)

Будучи глубоко потрясён известием о кончине великого государственного деятеля Иосифа Виссарионовича Сталина, я прошу, Ваше Превосходительство принять моё глубокое соболезнование, а также заверение в том, что австрийский народ искренне сочувствует семье советских народов в связи с постигшим её тяжёлым ударом. **Кернер Теодор, президент Австрии.** (КП, 7.3.1953.)

Правительство и народ Индии глубоко взволнованы известием о столь трагически внезапной смерти Генералиссимуса Сталина — мировой личности выдающегося величия.

Правительство и народ Индии вместе со мной выражают своё глубокое сочувствие Вашему Превосходительству и народу СССР в Вашей горестной утрате.

Позвольте передать наше искреннее соболезнование осиротевшей семье. **Прасад Раджендра, президент Индии** (КП, 7.3.1953.)

Ваше Превосходительство, я получил с весьма глубоким сожалением известие о смерти маршала Сталина. От имени правительства и народа Индии, и от моего собственного имени я выражаю Вашему Превосходительству и через Вас правительству и народу СССР наше глубочайшее сочувствие в связи с непоправимой утратой, которую вы понесли. Служба маршала Сталина своему народу в мирное и в военное время принесла ему уникальную славу, и его смерть вырвала из современного мира личность исключительных дарований и великих достижений. История России и всего мира

всегда будет носить отпечатки его усилий и достижений. Передайте, пожалуйста, мои соболезнования и соболезнования моих коллег в правительстве осиротевшей семье и народу, который он вёл с таким искусством через бурю и напряжённые времена. **Неру Джавахарлал, премьер-министр Индии.** (КП, 7.3.1953.)

Примите, господин председатель, от имени финского народа и от меня лично глубокое соболезнование по случаю кончины Председателя Совета Министров СССР Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина. Светлая память великого вождя и строителя могущественного советского государства, искренне стремившегося к укреплению дружбы и доверия между нашими странами, сохранится в сердцах финского народа.

Сталин — один из величайших созидателей государства в истории. В отношении Финляндии Сталин проявлял симпатию и дружественность. Поэтому его уход из жизни вызывает искреннюю скорбь нашего народа. Я имел возможность много раз встречаться с Генералиссимусом Сталиным и вести переговоры. Об этих встречах я сохранил самые наиприятнейшие воспоминания. **Паасикиви Ю. К., президент Финляндии.** (КП, 7.3.1953.)

Правительство Финляндии выражает глубокое соболезнование правительству и народам СССР по поводу кончины Председателя Совета Министров СССР Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина. Светлый образ великого вождя советского народа, неоднократно проявлявшего своё большое доброжелательство по отношению к Финляндии, сохранится глубоко в нашей душе, вдохновляя (! — Р. Б.) нас к дальнейшей борьбе за создание традиций взаимной дружбы между нашими странами, за упрочение этих традиций. **Кекконен Урхо, премьер-министр Финляндии.** (КП, 7.3.1953.)

Я имею честь выразить Вашему Превосходительству искреннее соболезнование Норвежского правительства по случаю смерти Иосифа Сталина. Норвежский народ разделяет скорбь народа Советского Союза и всегда будет помнить о великом государственном деятеле, который во время последней войны, вместе со своими войсками участвовал в освобождении норвежской земли. **Торп Оскар, премьер-министр Норвегии.** (КП, 7.3.1953.)

С чувством глубокой тревоги я получил сообщение о тяжёлом заболевании Иосифа Виссарионовича Сталина, грозившем самыми серьёзными последствиями. И теперь это совершилось. Нет больше среди нас нашего Сталина. Трудно примириться с этой мыслью. **Пик Вильгельм.** (КП, 7.3.1953.)

В связи с кончиной Генералиссимуса Сталина я шлю лично Вам и Правительству СССР свои самые глубокие соболезнования. Имя Сталина навсегда останется связанным с памятью о великой борьбе, которую народы СССР, французский народ и союзные народы совместно довели до победы. **Де Голль Шарль, генерал.** (КП, 8.3.1953.)

Все трудящиеся Франции, весь французский народ, все патриоты, все друзья мира нашей страны разделяют нашу глубокую скорбь.

Для всех французов и француженок Сталин является творцом блестящей победы над фашистским варварством, вдохновителем сталинградской эпопеи, искусным стратегом непобедимой Советской Армии, которая своими титаническими подвигами освободила не только страну социализма, но также и Францию от тяжёлого ига гитлеровского гнёта.

Для всех французов и француженок Сталин является человеком, заключившим в декабре 1944 г. с Францией договор о дружбе...

Для всех французов и француженок Сталин является человеком, который всегда был упорным защитником ценнейшего блага: мира. Имя Сталина — синоним свободы, национальной независимости, счастья, социализма и мира — вписано неизгладимыми буквами в сердца всех простых людей...

Бессмертная слава Сталину, горячо любимому вождю трудящихся всех стран мира...защитнику мира. Его имя будет вечно жить в наших сердцах. **Дюкло Жак, Фажон Этьен, Кашен Марсель**, руководители компартии Франции. (КП, 8.3.1953.)

С глубокой скорбью мы выражаем наши соболезнования Вашему Превосходительству и советскому народу в связи с кончиной Генералиссимуса Сталина.

Являясь великим вождём в дни мира и войны, он поистине был достоин той великой ответственности, которую он нёс, находясь на службе своей нации и своего народа. Мы выражаем также наши самые искренние пожелания процветания и благополучия русской нации под руководством тех, кто возьмёт на себя такую же великую ответственность, которую Генералиссимус Сталин так долго нёс с таким умением и достоинством. **Селассие Хайле**, император Эфиопии. (КП, 9.3.1953.)

От имени правительства республики Гватемалы и от моего собственного имени я через посредство Вашего Превосходительства выражаю народу и правительству Советского Союза наше искреннее соболезнование по случаю кончины Председателя Совета Министров этой дружественной страны Его Превосходительства Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина.

Мир потерял ещё одного из трёх великих государственных деятелей, которые своим талантом и деятельностью сделали возможным военный разгром фашистских армий, и спасли, таким образом, демократию во

время второй мировой войны. **Арбенс Хакобо, президент Гватемалы, (КП, 9.3.1953.)**

Я глубоко огорчён печальным известием о смерти Генералиссимуса Сталина. От имени правительства и народа Пакистана я выражаю наше искреннее и глубокое соболезнование Вашему Превосходительству и русскому народу по поводу тяжёлой утраты, которая постигла Вас. В лице Генералиссимуса Сталина мир потерял одного из самых выдающихся деятелей нашего века, влияние которого ещё будет чувствоваться на протяжении долгого времени. **(Имени нет) Премьер-министр Пакистана. (КП, 9.3.1953.)**

Я глубоко огорчён печальным известием о кончине Генералиссимуса Сталина в момент, когда международные дела находятся в критическом состоянии. С его смертью мир потерял выдающуюся личность, а народ СССР — великого вождя... **(Имени нет) Генерал-губернатор Пакистана (КП, 9.3.1953.)**

Как Председатель Генеральной ассамблеи ООН, я шлю через Вас правительству и народам Советского Союза своё глубокое сочувствие по случаю смерти премьера Сталина.

С его смертью Организация Объединённых наций потеряла одного из своих основателей, а советский народ — человека, который был его неутомимым руководителем в общей борьбе против нацистской агрессии. Мы вспоминаем сейчас, как велик был вклад этих народов в дело победы в этой борьбе, победы, сделавшей возможной нашу международную организацию, на которую миллионы мужчин и женщин всех стран возлагают сегодня свои надежды на мир. **Трюгве Ли, Председатель Генеральной ассамблеи ООН (КП, 9.3.1953.)**

С чувством великой скорби встретили мы горькую весть о кончине великого учителя и любимого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Нет больше с нами дорогого Иосифа Виссариновича.

Погас светильник, который осветил наш век чудным сиянием.

Скончался Иосиф Виссарионович Сталин — ..., великий человек нашей эпохи... человек, чей всесторонний и проницательный ум щедро освещал путь борьбы трудящихся всего мира, человек, который разгромил чёрные орды фашизма, человек, который высоко поднял знамя защиты мира и дружбы между народами и вдохновил народы всего мира на битву против дьявольских замыслов поджигателей войны.

Поистине велика скорбь и тяжела утрата! **Радманеш Реза, Табари Эсхан, Кешаверз Феридун, руководители Народной партии Ирана.** (КП, 9.3.1953.)

Радио сообщило миру горестную весть — скончался товарищ Сталин.

Я был потрясён, услышав сообщение о внезапной и безвременной смерти товарища Сталина.

Трудно поверить, особенно мне — человеку, который не так давно, 17 февраля этого года, имел беседу с И. В. Сталиным и видел его здоровым и жизнерадостным, — что он так неожиданно покинул мир.

Смерть И. В. Сталина является величайшей утратой не только для Советского Союза, но и для всего человечества...

В течение последних тридцати с лишним лет, особенно после смерти Ленина, конечно, только благодаря влиянию и руководству Сталина советская страна могла вести такое великое строительство, которое является живым доказательством, что может создать организованная, дисциплинированная и целеустремлённая человеческая энергия...

В годы второй мировой войны И. В. Сталин успешно организовал силы своей страны. Под его влиянием Советский Союз смог сплотить свои силы и совершить

славные героические подвиги, разгромить и уничтожить фашизм. Мир в долгу перед выдающимся гением Сталина — спасителя мира, прогресса и счастья человечества.

Имя Сталина, как имя мыслителя, писателя, полководца, организатора и подлинного вождя человечества, будет жить в истории не только Советской страны, но и всего мира.

Для меня смерть И. В. Сталина является и большой личной утратой. Я никогда, никогда не забуду того свободного, откровенного и прямого разговора, который был у нас...

Китчлу Сайфуддин, 1883–1963, председатель Всемирного Совета мира (КП, 10.3.1953.)

Я впервые видел товарища Сталина, когда был ещё совсем молодым и учился в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Никогда не забыть мне его прекрасного, мудрого лица.

Мы восторженно пожимали его могучие руки, хранившие теплому ленинских рук. Он пришёл тогда к нам в сапогах, в которых, быть может, ходил по земле Царицына...

Отец! Вспоминая тебя, думая о тебе этими бессонными ночами, я, турецкий коммунист, снова и ещё раз даю себе слово быть достойным тебя, разум и совесть человечества. **Хикмет Назым, турецкий писатель (КП, 10.3.1953.)**

Умер Сталин, ушёл от нас великий человек. Имя Сталина войдёт в историю наравне с именами Маркса, Энгельса и Ленина, как имя творца нового мира, в котором человек берется не против человека, а против врагов человека, против несправедливости, нищеты и болезней.

Величайшим вкладом Сталина в создание нового мира было увеличение числа людей, пользующихся

благами этого мира, обеспечение полного равенства для всех национальностей и расовых групп в многонациональной семье Советского Союза. **Хьюлетт Джонсон, настоятель Кентерберийского собора, Англия, (Красный Север (далее — КС), 9.3.1953.)**

И. В. Сталин являлся руководителем всех миролюбивых народов. Как руководитель партии, государственный деятель, полководец и корифей науки он достиг таких результатов и завоевал такой авторитет, каких никто не достигал до него, и весь мир должен это признать... Та партия, которую Сталин совместно с Лениным создал, будучи его ближайшим соратником, без колебаний и сомнений доведёт дело Сталина до конца. **Хагберг Хильдинг председатель Коммунистической партии Швеции (КС, 9.3.1953.)**

В годы второй мировой войны Советский Союз и его вооружённые силы под водительством гениального полководца, великого Генералиссимуса Сталина, разгромив немецкий фашизм и японский империализм — злейших врагов человечества,— освободили многие народы Европы и Азии и открыли им путь к новой жизни. Корейский народ был также освобождён из-под ига почти полувекового колониального гнёта японских империалистов и построил после этого народно-демократический строй. **Постановление кабинета министров КНДР (КС, 9.3.1953.)**

Неизмеримая боль сжимает сердца трудящихся всего мира. Перестало биться сердце Иосифа Сталина, великого вождя советского народа, гениального вождя международного пролетариата, несравненного благодетеля человечества, неустанного борца за сохранение мира.

Смерть великого Сталина воспринимается каждым трудящимся как тяжёлое личное горе, а всеми народами как невозвратимая утрата...

...он вселил уверенность в сердца всех эксплуатируемых земного шара в то, что можно положить конец эксплуатации человека человеком, что можно повсюду установить социальную справедливость и действительную свободу, действительное человеческое братство...

Иосиф Сталин привёл советский народ к исторической победе над фашизмом и тем спас цивилизацию...

Всемирная федерация профсоюзов призывает трудящихся всего мира ещё сильнее укреплять единство, чтобы претворить в жизнь великие, непобедимые идеи о благосостоянии, прогрессе, свободе и счастье в мире, за которые отдал всю свою жизнь до последнего вздоха Иосиф Сталин...

Вечная слава и честь тому, чьё имя будет жить в сердцах трудящихся всего мира. **Воззвание Всемирной федерации профсоюзов (в сокращении)** (КС, 9.3.1953.)

Народ Дании с благодарностью чтит в Сталине того человека, который во главе своего героического народа внёс решающий вклад в дело освобождения Дании от гитлеровских захватчиков. **Ланд ог фольк, датская газета** (КС, 9.3.1953.)

...Вместе с вами и с миллионами опечаленных людей мы глубоко скорбим о безвременной кончине мужественного борца за мир, борца против фашизма, непоколебимого строителя социализма.

Какую бы гнусную клевету и обвинения против этого великого и истинного сына народа ни пытались лихорадочно распространять в нашей стране... товарищ Сталин был самым любимым человеком на земле и его имя навсегда останется в сердцах людей всего мира, борьбе за счастье которых он самоотверженно посвятил всю свою жизнь. **Фостер Уильям; Флинн Элизабет, руководители компартии США...** (КП, 11.3.1953)

Приведём свидетельство и нашего соотечественника. Примечательно, что при провозглашенной ныне свободе слова, это стихотворение в его многочисленных книгах не публикуется.

В. Высоцкий

Моя клятва

Опоясана трауром лент,
Погрузилась в молчанье Москва.
Глубока её скорбь о вожде,
Сердце болью сжимает тоска.

Я иду средь потока людей,
Горе сердце сковало моё.
Я иду, что б взглянуть поскорей
На вождя дорогое чело.

Жжёт глаза мои страшный огонь,
И не верю я чёрной беде.
Давит грудь нескончаемый стон,
Плачет сердце о мудром вожде.

Разливается траурный марш,
Стонут скрипки и стонут сердца.
Я у гроба стремлюсь не забыть
Дорогого вождя и отца.

Я клянусь: буду в ногу идти
С дружной, крепкой и братской семьёй,
Буду светлое знамя нести,
Что вручил ты нам, Сталин родной.

В эти скорбно-тяжёлые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не щадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.

Имя «Сталин» в веках будет жить,
Будет реять оно над землёй.
Имя «Сталин» нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.

8.03.53 г.

* * *

Секретный доклад ЦРУ, 1953 г.

Смерть Сталина устранила человека, который стал полубогом. Для многих людей в СССР он был человеком из стали, который превратил Россию в промышленную и военную державу, который отразил германское нашествие, и который привёл народы СССР к величайшей победе в российской истории... Было бы неосторожно высказывать предположение, будто новый советский режим будет обладать сталинским искусством избегать большой войны. На протяжении некоторого времени ни один из преемников Сталина не будет в состоянии достичь сопоставимого статуса или сопоставимого значения в качестве символа международного коммунистического движения... (Секретный доклад ЦРУ, Соловьёв, 307.)

Мы были абсолютно уверены в том, что одержали первую великую победу мира, и под словом «мы» я разумею всех нас, всё цивилизованное человечество. Русские показали, что они могут поступать разумно и проникательно, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не оставалось никакого сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и вести совместные дела в обозримом будущем. Но я должен сказать ещё об одном: никто из нас не мог предсказать, какие будут результаты, если что-нибудь случится со Сталиным. Мы были уверены в том, что можем рассчитывать на его разум, чувства и понимание, но мы совсем не распрос-

траняли свою уверенность на те обстоятельства и тех деятелей, которые находились за его спиной там, в Кремле. (Гопкинс, Соловьёв, 259.)

(Написано в 1943 году. Уже тогда умные люди видели, насколько Сталин выше всех, кто его окружал.— Р. Б.)

Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское руководство без достойных Сталину преемников обречено... (Голль, НС, 187.)

* * *

К великой нашей печали всё вышло именно так, как предсказывали проницательные Гопкинс и де Голль. Наследники Сталина оказались во всех отношениях слабее, политически ничтожнее своего Вождя.

Со смертью Сталина началось уничтожение Советского Союза. Сейчас никто не сомневается, что первым начал разрушать государство, по своей ограниченности не догадываясь об этом, «разоблачитель» Сталина Н. Хрущёв.

Если бы Хрущёв не топтал Вождя, а покаялся за свои преступления, за ошибки партии, народ понял бы и простил, и тогда никакие «Голоса Америки» не смогли бы в течение полувека сеять семена ядовитых сомнений в том, что наша страна самая добрая, умная и сильная на земле.

Человек сугубо плотского духовного устройства Хрущёв был не способен над чем-либо задуматься глубоко, предвидеть последствия своих решений хотя бы на несколько лет вперёд, он полагал, что всемирная слава и народная любовь, сопутствовавшие Сталину, передаются вместе с должностью главы советского государства. Хрущёв был лишён высоких чувств милосердия и

любви. Он начал полоумные гонения на Веру, на Церковь, сам свалился в яму, и увлѣк за собой всю страну.

1956 год был предвестником 1991 года, когда великое многовековое достояние предков было предано и продано скудоумными пигмеями, дорвавшимися до власти.

* * *

В завершение последний штрих.

Вот перечень эпитетов из прощальных телеграмм на смерть Сталина. Конечно, их было в несколько раз больше, полностью в книге они просто не поместятся. Прочтите их и, положив руку на сердце, скажите, о каком из умерших с марта 1953 года руководителе нашей великой державы: Отчизне свободы, наук и труда, можно сказать, написать что-либо подобное. О Хрущёве? О Брежневѣ? О Черненко? Об Андропове?

Применительно к Сталину эпитеты воспринимаются естественно, но приложите их к любой из вышеназванных персон, и получится пародия.

Так кто же на самом деле был Сталин:

Замечательный соотечественник, великий государственный деятель, мировая личность выдающегося величия, один из величайших созидателей государства в истории, великий вождь, наш Сталин, синоним свободы, национальной независимости, счастья, социализма и мира, великий вождь в дни мира и войны, один из самых выдающихся деятелей нашего века, светильник, который осветил наш век чудным сиянием, выдающийся гений, разум и совесть человечества, руководитель всех миролюбивых народов, гениальный полководец, великий Генералиссимус, спаситель цивилизации, несравненный благодетель человечества, самый любимый человек на земле!

СПИСОК АВТОРОВ

(Людей, встречавшихся со Сталиным;
которым он помог; высоко ценивших его)

Александров Александр Васильевич, 1883–1945, композитор, хоровой дирижёр (Труд, 4.1.2001).

Александров Григорий Васильевич, 1903–1983, кинорежиссёр (Громов, 200).

Антонов, сотрудник охраны Сталина (Рыбин, 8).

Арбенс Хакобо, 1913–1971, президент Гватемалы (КП, 9.3.1953).

Ахматова Анна Андреевна, 1889–1966, поэтесса (Громов, 121, 392).

Баландин В. П., государственный деятель (Шахурин, 129).

Барбюс Анри, 1873–1935, французский писатель (Грибанов, 26, 27).

Бартье, француженка (Правда, 5.12.1949).

Бельгийский журнал (Иванов, 526).

Берг Аксель Иванович, 1893–1979, учёный-радиотехник (Правда, 5.11.1998).

Бивербрук Уильям, 1879–1964, английский общественный деятель (Грибанов, 49).

Блан Поль, французский журналист (Иванов, 442).

Богуславский, партийный работник (Липартелиани, 168).

Бондарчук Сергей Фёдорович, 1920–1994, кинорежиссёр, актёр (Громов, 447).

Браун Дж., американский газетный обозреватель (Иванов, 347).

Брук Алан, 1883–1963, британский военачальник, фельдмаршал, начальник Имперского Генштаба (Иванов, 338, 340).

Булгаков Михаил Афанасьевич, писатель 1891–1940 (Громов, 101).

Буллок Аллан, писатель (Наш современник, далее НС, 12, 1999).

Бутенко Пётр Семёнович, архитектор (СР, 7.4.2007).

Бышевская Александра Андреевна, 1906–1986, певица, солистка Большого театра (Рыбин, 39).

Вайцзеккер Эрнст фон, 1882–1951, немецкий дипломат (Молодяков, 219).

Василевский Александр Михайлович, 1895–1977, полководец, маршал СССР (Василевский, 275).

Васильева Вера Кузьминична, р. 1925, актриса (ТВ, 12.11.2005).
Виноградов Георгий Павлович, 1908–1980, певец (ТВ, 17.7.2004).

Верг Александр, 1901–1969, английский журналист.

Власик Николай Сергеевич, 1896–1967, начальник охраны
И. В. Сталина (Логинов).

Воззвание Всемирной федерации профсоюзов (КС, 9.3.1953).

Врачёв, врач (Липартелиани, 168).

Гарвин, английский журналист (Иванов, 246).

Гароди Роже, род. 1913, французский писатель (Соловьёв, 301).

Гарриман Аверелл, 1891–1986, посол США в СССР в 1943–1946 гг. (Иванов, 233, 235, 265; Соловьёв, 301; Колесов, 3).

Гилельс Эмиль Григорьевич, 1916–1985, музыкант-пианист (Громов, 242).

Гитлер Адольф, 1889–1945, рейхсканцлер Германии 1933–1945, (Соловьёв, 306).

Гмыря Борис Романович, 1903–1969, певец (Энциклопедия... 134–135).

Голль, Шарль де, 1890–1970, президент Франции 1959–1969, (НС, 12, 1999).

Голованов Александр Евгеньевич, 1904–1977, гл. маршал авиации (Чуев — 3, 257).

Гончаренко Олег Георгиевич, 1931–1986, спортсмен-конькобежец (Сов. спорт, 23.3.2001).

Гопкинс Гарри, 1890–1946, советник президента США Ф. Рузвельта (Иванов, 498; Соловьёв... 251, 259).

Громадин Михаил Степанович, 1899–1962, военачальник (Логинов, 120).

Громов Михаил Михайлович, 1899–1985, советский военачальник, генерал-полковник авиации (Чуев — 3).

Громыко Андрей Андреевич, 1909–1989, советский политический деятель.

Грей Ян, английский писатель, 77, 79, 80, 90, 91, 99, 103, 105, 110, 111, 126, 134, 135, 136, 144, 164, 165, 172, 183, 184, 195, 197, 198, 201, 203, 204, 205, 209.

Гумилевский Л., писатель (Громов, 423).

Гунтер, американский писатель (Иванов, 113, 114).

Дейли экспресс, английская газета (Иванов, 344).

Джексон Энни, англичанка (Правда, 1.5.1951).

Джилас Милован, 1911–1995, югославский политический деятель (Иванов, 408; Соловьёв, 303; Лобанов, 633, 636, 647, 650; НС, 12, 1999, 193, 194).

Джонсон Хьюлетт, 1874–1966, настоятель Кентерберийского собора, г. Лондон (КС, 9.3.1953).

Джонстон Эрик, американский государственный деятель, президент торговой палаты, сенатор (Иванов, 440).

Димитров Георгий, 1882–1949, болгарский государственный деятель (Лобанов, 633).

Дин Джон Рассел, американский генерал (Верт, 542).

Дипломатический обозреватель агентства «Рейтер» (Иванов, 244).

Дэвис Джозеф, посол США в СССР в 1936–1938, (Иванов, 197, 281, 389; Соловьёв, 30).

Дюкло Жак, 1896–1975, секретарь КП Франции, сенатор (Лобанов, 603, 604).

Еженедельный обзор военной разведки США (Иванов, 233).

Женщины из селения Орадур-сюр-Глан, Франция (Правда, 5.12.1949).

Жид Андре, 1869–1951, французский писатель (НС, 12, 1999, 195).

Злобин Степан Павлович, 1903–1965, писатель (Симонов, 213–215).

Иден Антони, 1897–1977, премьер-министр Великобритании 1955–1957 (Соловьёв, 252, 300).

Казакевич Эммануил Генрихович, 1913–1962, писатель (Громов, 441).

Канзасская газета, США (Иванов, 280).

Кашен Марсель, 1869–1958, деятель компартии Франции (КП, 6.3.1953).

Кекконен Урхо, 1900–1986, президент Финляндии (КП, 7.3.1953).

Кеннан Джордж, 1904 — посол США в СССР в 1952 (Иванов, 432).

Керенский Александр Фёдорович, 1881–1970, российский государственный деятель, глава Временного правительства 1917 (Соловьёв, 295).

Кернер Теодор, 1873–1957, президент Австрии (КП, 7.3.1953).

Кешаверз Феридун, деятель народной партии Ирана (КП, 9.3.1953).

Киссинджер Генри, род. 1923, госсекретарь США (Соловьёв, 272).

Китчлу Сайфуддин, 1883–1963, председатель Всеиндийского Совета мира, лауреат Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (КП, 10.3.1953).

Ковалёв Иван Владимирович, 1901–1993, государственный деятель (Самые... 326).

Корин Павел Дмитриевич, 1892–1967, живописец (Лит. Россия, № 41, 1992).

Королёв Сергей Павлович, 1906/07–1966, конструктор (Чуев — 3, 15).

Кот Пьер, 1895–1977, министр авиационной промышленности Франции (Иванов, 388).

Кошкин Михаил Ильич, 1898–1940, конструктор (ТВ, 8.5.2005, док. фильм «Т-34»).

Крипс Стаффорд, британский государственный деятель, посол Великобритании в СССР в 1940–1942 (Иванов, 299).

Лаврентьев Олег Александрович, учёный (Дуэль, № 38, 2003).

Ладынина Марина Алексеевна, 1908–2003, киноактриса (Евграфов, 125–126).

Лайф, американский журнал (Иванов, 228).

Ланд ог фолк, датская газета (КП, 9.3.1953).

Ларионов И. А., конструктор (Мухин, 123).

Лаутербах Ричард, американский журналист, московский корреспондент журналов «Тайм» и «Лайф» (Иванов, 456, 459, 460, 461, 462, 463).

Лацис Вилис Тынисович, 1904–1966, советский латышский писатель (Чуев — 2, 352).

Леги Уильям, 1875–1959, американский военный деятель, адмирал флота (Вторая мировая, 410, 417).

Ледин Е. Г., изобретатель (Мухин, 144–149).

Ли Трюгве, 1896–1968, норвежский политический деятель (КП, 9.3.1953).

Лисициан Павел Герасимович, 1911–2004, певец (ТВ).

Лука архиепископ (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович), 1877–1961, церковный деятель, хирург (Чуев — 1, 316).

Людвиг Эмиль, американский журналист (Иванов, 311, 312, 313).

Маккормик, американский журналист (Иванов, 294).

Макроберт, англичанка, мать трёх сыновей-лётчиков (Иванов, 215).

Мацкевич Вадим Викторович, конструктор (Дуэль, № 46, 47, 2003).

Мейер Рене, председатель Совета министров Франции (КП, 7.3.1953).

Мельников, сотрудник охраны Сталина (Рыбин, 8).

Мерзляков, стражник во время ссылки Сталина в Туруханский край (Сталин в жизни, 112).

Моисеев Игорь Александрович, 1906–2007, хореограф (Труд, № 25, 1996).

Монтгомери Бернард, 1887–1976, британский военачальник, фельдмаршал (Соловьёв, 300).

Моргунов Евгений Александрович, 1927–1999, киноактёр (ТВ, 4.12.2005).

Мунтерс Вильгельм, 1898–1967, министр иностранных дел Латвии (Похлёбкин, 130).

Мюллер Генрих, 1900–1945, шеф гестапо в Германии (Соловьёв, 306).

Назым Хикмет, 1902–1963, турецкий писатель, лауреат Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (КП, 10.3.1953).

Некрасов Виктор Платонович, 1911–1987, писатель (Громов, 382).

Нельсон, английский государственный деятель, председатель управления по делам военного производства (Иванов, 388).

Непобедимый Сергей Павлович, г. р. 1921, учёный в области прикладной механики (Парл. газета, 20.5.2002).

Неру Джавахарлал, 1889–1964, премьер-министр Индии (КП, 7.3.1953).

Нечипоренко Павел Иванович, 1916 – ?, музыкант-балалаечник (Хренников).

Нью-Йорк геральд трибюн, американская газета (Иванов, 285).

Нью-Йорк пост, американская газета (Иванов, 368).

Образцов Сергей Владимирович, 1901–1992, актер (Громов, 294).

Обс, шведский журнал (Иванов, 404).

Ориоль Венсан, 1884–1966, президент Франции (КП, 7.3.1953).

Оттава джорнэл, канадская газета (Иванов, 324, 437).

Паасикиви Юхо, 1870–1956, президент Финляндии с 1946 (Соловьёв, 253).

Пик Вильгельм, 1876–1960, президент ГДР (КС, 9.3.1953).

- Постановление кабинета министров КНДР (КС, 9.3.1953).
- Прасад Раджендра, 1884–1963, президент Индии (КП, 7.3.1953).
- Радманеш Реза, 1905–?, деятель народной партии Ирана (КП, 9.3.1953).
- Рейзен Марк Осипович, 1895–1992, певец.
- Риббентроп Иоахим, министр иностранных дел Германии 1893–1946 (Соловьёв, 34, 307; Мемуары, 190).
- Родригес Энрике, профсоюзный уругвайский деятель (Иванов, 303).
- Рузвельт Франклин, 1882–1945, президент США 1933–1945 (Иванов, 284, 357, 494; Соловьёв, 251).
- Рузвельт Элиот, его сын (Соловьёв, 251).
- Рыбин Алексей Трофимович, род. 1908, сотрудник охраны И. В. Сталина.
- Седых Константин Фёдорович, 1908–1979, писатель (Хренников).
- Секретный доклад ЦРУ (Соловьёв, 307).
- Селассие Хайле, 1892–1975, император Эфиопии (КП, 9.3.1953).
- Сергеев-Ценский Сергей Николаевич, 1875–1958, писатель (КПР, № 1, 2003).
- Сергий (Страгородский), 1867–1944, Святейший Патриарх (КПР, № 2, 2004).
- Сноу Чарльз, 1905–1980, английский писатель (Лобанов, 659, 661, 666; НС, 12, 1999, 192).
- Сокольский Дж., американский комментатор (Иванов, 350).
- Стеллецкий Игнатий Яковлевич, архитектор, 1878–1949, (Парл. газета, № 217, 2002).
- Стечкин Борис Сергеевич, 1891–1969, учёный-теплотехник (Чуев — 3, 146).
- Табари Эшхан, деятель народной партии Ирана (КП, 9.3.1953).
- Таймс, американский журнал (Иванов, 449).
- Танасчишин, военачальник (Боков, 31–32).
- Типпельскирх Курт, 1891–1957, генерал пехоты вермахта (Соловьёв, 234).
- Торп Оскар, 1893–?, премьер-министр Норвегии (КП, 7.3.1953).
- Трибюн (Окленд), американская газета (Иванов, 277).
- Туполев Андрей Николаевич, 1888–1972, авиаконструктор (Чуев — 3, 131).

Тэратани Х., японский профессор-советолог (Сов. Россия, 23.4.2005).

Уиллки Уэндель, американский политический деятель (Иванов, 236, 238).

Устинов Питер, род. 1921, английский писатель, актёр (Соловьёв, 295).

Фажон Этьен, род. 1906, деятель компартии Франции (КП, 8.3.1953).

Фейхтвангер Лион, 1884–1958, немецкий писатель (Лобанов, 302, 366, 363, 368, 369, 370, 371, 372; НС, 12, 1999, 190; Правда, 13.1.1937).

Флинн Элизабет, 1890–1964, деятель компартии США (КП, 11.3.1953).

Хагберг Хильдинг, род. 1889, председатель КП Швеции (КС, 9.3.1953).

Хильгер Густав, немецкий общественный деятель (208, 215, 216, 249, 258, 259, 268, 269, 280, 281, 284, 297, 298).

Ходжа Энвер, 1908–1985, председатель Совета министров Албании 1946–1954, (Правда, 22.3, 12.4. 1949).

Хэлл Корделл, госсекретарь США 1933–1944 (Соловьёв... 301; Вторая мировая, 386, 387, 395, 396, 398).

Чан-Кай-ши, 1887–1975, китайский политический деятель (Соловьёв, 303).

Черчилль Уинстон, 1874–1965, премьер-министр Великобритании (Иванов, 225, 228, 298, 343, 360, 435, 465, 467, 474; Соловьёв, 258; Корнев, 1; Лобанов, 500, 505, 507; Вторая мировая... 164, 166; Речь по радио; Сов. Россия, 23.4.2005).

Шагинян Мариетта Сергеевна, 1888–1982, писательница (Громов, 102).

Шилков Борис Арсеньевич, р. 1927, спортсмен-конькобежец (Сов. спорт, 23.3.2001).

Шакрыл Тамара, абхазка (Парл. газета, 29.11.2004).

Шафрова Марина, 1908–1942, героиня европейского сопротивления (В. Алексеенко).

Шепилов Дмитрий Трофимович, 1905–1995, советский государственный деятель (Чуев — 1, 316).

Шолохов Михаил Александрович, 1905–1984, писатель (Громов, 101).

Шостакович Дмитрий Дмитриевич, 1906–1975, композитор (Громов, 251).

Штеменко Сергей Матвеевич, 1907–1976, советский военачальник.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Агония и смерть Адольфа Гитлера. М.: Звонница, 2000.
- В. Алексеев. Шаги в бессмертие. Советская Россия, 30.11.2006.
- Р. Баландин, С. Мионов. Дипломатические поединки Сталина. М.: Вече, 2004.
- Л. А. Безыменский. Операция «Миф». М.: Международные отношения, 1995.
- А. А. Бобров. Хоста — «Берегись — река!». Сов. Россия № 66. 2005.
- Ф. Е. Боков. Весна Победы. М.: Воениздат, 1979.
- Ф. Бурлацкий. Письмо Сталину. Парламентская газета, 29.11.2004.
- А. М. Василевский. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1988, т. 1.
- А. Верт. Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967.
- Вторая мировая война в воспоминаниях. М.: Политиздат, 1990.
- В. В. Глуховский. Счастливые. Дуэль. 45, 2004.
- Н. Головкин. Патриарший собор в Елохове. Культурно-просветительная работа. 2.2004. С. 20.
- Я. Грей. Сталин, человек в истории. М., Интер-дайджест, 1995.
- С. Грибанов. Сталин в жизни. М., 2001.
- А. А. Губенко. Советская Россия 7.5.1998.
- Е. Р. Гришин. Советский спорт 23.3.2001.
- Е. С. Громов. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998.
- О. Деметьев. Лёд и пламень. Советская Россия, 7.4.2007.
- «Дуэль» №№ 46, 47. 2003 г. Статья В. В. Мацкевича.
- «Дуэль» № 38, 2003, статья И. М. Подгорного об О. А. Лаврентеве.
- К. В. Евграфов. Николай Крючков. М.: Эксмо, 2003.
- Ю. В. Емельянов. Сталин. На вершине власти. М., 2002.
- Ю. Жуков. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003.
- Р. Иванов. Сталин и союзники. Смоленск, Русич, 2000.
- В. Колесов. И. В. Сталин. Загадки личности. М.: Флинта, 2000.

- В. Корнев. Добрая книга о Сталине. М.: Палей, 1998.
- КПР (Культурно-просветительская работа) № 1, 2003. С. 39; № 2, 2004.
- Г. Л. Липартелиани. Сталин великий. СПб, 2001.
- М. Лобанов. Сталин. М.: Новая книга, 1995.
- В. Логинов. Тени Сталина. М.: Современник, 2000.
- В. Э. Молодяков. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. М.: Вече, 2004.
- И. А. Моисеев. Правда — 5, № 25, 1996.
- Е. Моргунов, артист кино, 4 декабря 2005 г. Первый канал ТВ, 19.00.
- Ю. И. Мухин. Убийство Сталина и Берия. М.: Форум, 2002.
- Парламентская газета, 21.12.2002. Интервью с И. И. Петровым.
- Парламентская газета, № 217, 2002, статья об И. Я. Стеллецком.
- Р. М. Португальский, А. С. Доманк, А. П. Коваленко. Маршал С. К. Тимошенко. М.: МОФ «Победа», 1994.
- В. Похлёбкин. Великий псевдоним. М.: Квинт, 1996.
- М. Рейзен. Статьи, воспоминания. М.: Советский композитор, 1986.
- Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб, 2007.
- М. Риббентроп. Мемуары. Смоленск, Русич, 1998.
- А. Т. Рыбин. Рядом со Сталиным. М.: Ветеран, 1992.
- Самые знаменитые железнодорожники России, М., 2005.
- К. Симонов. Глазами человека моего поколения. М.: Новosti, 1988.
- В. Сирик. Летучая смерть от Непобедимого. Парламентская газета, 20.5.2002.
- Б. Соловьёв, В. Суходеев. Полководец Сталин. М.: Алгоритм-книга, 2001.
- Фест Иоахим. Гитлер. Пермь, Алетейа, 1993, т. 3.
- Г. Хлебников. Интимная жизнь Гитлера. М., Новина-Гелиос, 1995.
- Т. Хренников. Сталин знал музыку лучше нас. Завтра, № 39, 2006.
- Г. Хильгер. Сталин. Ростов-на-Дону, 1998.
- У. Черчилль. Речь по радио, 10 мая 1942 г. М.: ОГИЗ, 1942.

- Ф. И. Чуев – 1. Каганович, Шепилов. М.: Олма-пресс, 2001.
- Ф. И. Чуев – 2. Молотов, М.: Олма-пресс, 1999.
- Ф. И. Чуев – 3. Солдаты империи, М.: Ковчег, 1998.
- А. И. Шахурин. Крылья победы, М.: Политиздат, 1984.
- В. Шерстюков. Сталин и Победа, СР 7.5.1998.
- Шпеер Альберт. Воспоминания. Смоленск, Русич, 1997.
- С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1973, кн. 2.
- Энциклопедия «Сталин», М.: Алгоритм, 2006.
- Периодические издания:
- Красный Север, 9.3.1953.
- Наш современник, № 12, 1999.
- Правда, 13.1., 22.3.1937; 22.3., 12.4., 5.12.1949; 1.5.1951.
- Советская Россия, 23.4.2005; 7.4.2007.

СТАЛИН И HITLER

Недоброжелатели Сталина часто упрекают его в одной плохой черте характера, которая показывает (по их мнению) его недемократичность, склонность к диктаторству и т. п. Они пишут, что Сталин был недоверчив и, следовательно, болезненно подозрителен. В результате внутри страны пострадали многие невинные люди, а союзникам по антигитлеровской коалиции вести переговоры с ним было довольно сложно.

С одной стороны, взрослый человек, доверяющий кому попало, элементарно глуп, а политик опасен для государства, которому он служит. Такого политика враждебные дипломаты обведут вокруг пальца, обдерут как липку и пустят по миру на всеобщее поругание и позор. Так что недоверчивость Сталина, это как раз очень хорошая черта его характера, которая помогла ему и нашей стране избежать многих неприятностей.

С другой стороны, недоверчивость его к союзникам начала оправдываться в самом конце войны, когда стало известно, что немцы пытаются вести с нашими союзниками сепаратные переговоры, а «лучший друг» Уинстон Черчилль не спешит окончательно разоружить и отправить в лагеря для военнопленных разбитые в боях немецкие части.

Когда же после смерти Рузвельта президентом США стал Трумэн, Сталин с горечью лишний раз убедился, что с союзниками ухо надо держать востро. Он искренне хотел жить в мире и сотрудничестве с Америкой и Англией. Но бывшие союзники, которые вчера клялись, что не забудут крови, пролитой совместно на полях сражений, развеяли его мечты. Первый из них, не откладывая дела в долгий ящик, принялся страшить

СССР атомной бомбой, а второй в Фултоне выступил с речью, после которой между СССР и Европой опустился «железный занавес».

Основания не доверять союзникам были давние, ещё до войны в прессе США его сравнивали с Гитлером. Казалось бы, что поделаешь с прессой, на Западе «свобода слова». Сталин знал, чего стоит эта «свобода», и ему, конечно, было неприятно и его настораживало такое отношение к нему властей.

На какое-то время это оскорбительное сравнение убрали со страниц газет, но вскоре после окончания войны оно всплыло вновь.

В своё время журналист Эмиль Людвиг опровергал широко распространённые в США аналогии между Сталиным и Гитлером. «Если Гитлер,— писал он,— добивается господства над миром германской расы господ, то Сталин никогда не выдвигал такой задачи для народов Советского Союза. Сталин готовил страну с первых дней её существования против возможного нападения, особенно со стороны Германии».

А нынче эта проблема даже не обсуждается, она стала общим неоспоримым местом в определённом кругу историков. А. Буллок даже выпустил двухтомное псевдоисследование «Гитлер и Сталин». О степени научности двухтомника говорят следующие детали.

Буллок лезет из кожи вон, чтобы провести принцип параллелизма жизни Сталина и Фюрера.

В главе первой «Истоки» он описывает первое двадцатилетие своих героев. Глубина исторического подхода поражает своей свежестью. Скажите на милость, у многих ли юношей двадцатилетний период юной жизни отличается? К Сталину и Гитлеру можно было бы смело подверстать не один десяток фамилий людей той поры и общественного положения, юношеские устремления которых бы совпадали.

Глава вторая. Школа жизни. Опять Сталин и Гитлер под одной крышкой в кастрюле Буллока.

Глава третья. Октябрьская революция. Ноябрьский путч. То, что между этими событиями нет никакой внутренней связи неизвестно, видимо, только профессиональным историкам типа Буллока.

Открытия следуют одно за другими.

Глава восьмая. Революция Сталина. Хочется спросить А. Буллока, что подразумевает он под понятием «революция»? Разве Сталин изменил экономические основы советской власти, хоть в чём-то отступил от идеологии большевизма? Ни в чём. Всё, что установил Ленин в экономике, идеологии, культуре (принцип интернационализма) осталось незыблемым. Уважаемый историк сознательно смешивает процесс борьбы за власть с революцией.

Глава девятая. Революция Гитлера. Честное слово, после знакомства с оглавлением, книгу можно не читать. Оказывается, и господин Гитлер — революционер. Это человек, сохранивший частную собственность, не национализировавший промышленность, банки и т. п., не покусившийся даже в мелочах на устои буржуазного государства?

Второй том.

Глава пятнадцатая. Война Гитлера.

Глава семнадцатая. Война Сталина. Грустно комментировать. Да, была война, которую развязал Гитлер (не без помощи свободолюбивых западных демократий), и была война советского народа за свою свободу под водительством великого полководца. Никакой войны Сталина не было.

Глава восемнадцатая. Поражение Гитлера.

Дальше начинается самое интересное. Поражения Сталина не было. Как хорошо бы написать про него, но Правда истории не позволяет.

Была (если следовать стилю автора) Победа Сталина. Но такая мысль невыносима для профессора истории, и Буллок озаглавливает Главу девятнадцатую так: Новый порядок Сталина. Параллель довольно гнусна, всякий вспомнит Neue Ordnung, который устанавливали на оккупированных землях СССР немцы.

Таким вот манером пытаются поставить на одну доску Сталина и бесноватого Фюрера, смешать белое с чёрным, день с ночью, освободителя от рабства с убийцей и насильником.

Подробно остановиться на книге Буллока пришлось потому, что большинство книг о Сталине написаны в таком же духе.

Подобные сочинения рождены одним чувством — ненавистью к Сталину. Причины ненависти просты. В лице Сталина Запад ненавидит Россию, потому что это не обычная страна, а целая цивилизация с тысячелетними духовными корнями, которая хочет жить своей жизнью, своей судьбой. Запад ненавидит всё чужое, самобытное, желая всё подмять, подстричь под себя, непокорных же стереть с лица земли.

А Сталин — олицетворение России XX века. Сталин показал, что может совершить русский народ, если его воодушевить великой целью. Запад страшится великой, человеческой России и клеветает на неё и её лучших сынов.

Выбран испытанный приём. Чтобы развенчать великого человека, надо принизить его, втоптать в грязь. Это достигается примитивным способом: великого человека сравнивают с негодяем, имя которого в сознании большинства связано с действительными, а не выдуманными злодеяниями не только против собственного народа, но и всего человечества.

В январе 1996 года газета «Вашингтон пост» определяла человека тысячелетия в искусстве, науке, спорте

и проч. Должно быть, спрашивали всех подряд, а не одних историков. В разделе «самый плохой человек» — пальма первенства была отдана Адольфу Гитлеру. Он был единственным претендентом.

Древние говорили: Vox populi — vox Dei (Глас народа — глас Божий).

Убедимся и мы, что общее у Сталина и Hitler'a было лишь одно: матери родили их людьми.

Сделаем сначала простое сопоставление.

СТАЛИН	HITLER
<u>Даты рождения:</u> 21.12.1879, Россия, Грузия	20.4.1889, Австрия
<u>Национальность:</u> грузин	Австрияк
<u>Фамилия по отцу:</u> Джугашвили	Шикльгрубер. По деду — Гитлер
<u>Псевдонимы:</u> имел около тридцати, наиболее известный — Сталин	Не имел
<u>Образование:</u> Горийское духовное училище, три курса Тифлисской духовной семинарии (исключён)	Незаконченная средняя школа (ушёл сам)
<u>Семейное положение:</u> дважды женат. Трое детей: два сына и дочь	Женился на любовнице за несколько часов до смерти. Детей не имел
<u>Обращение окружающих:</u> тов. Сталин	Mein Führer (Мой вождь)
<u>Сексуальная ориентация:</u> отклонений не имел	Источники указывают на склонность к мазохизму
<u>Отношение к оружию:</u> с собой не носил	Носил пистолет
<u>Отношение к охоте:</u> в довоенные годы охотился с друзьями	Никогда не охотился

<u>Кончина</u> : скончался от кровоизлияния в мозг (инсульт)	Окончил жизнь самоубийством
<u>Отношение к пище</u> : не имел ограничений	Был вегетарианцем, очень любил сладкое, съедал за день по 20–30 пирожных
Очков не носил	Носил очки
<u>Отношение к спорту</u> : любил играть в городки, в бильярд, метко стрелял	Терпеть не мог спорт. Делал исключение для шахмат, но не доводил партию до конца, для него была нестерпима мысль о проигрыше
Вопрос о вере в Бога не прояснён, официально считался атеистом	Занимался чёрной магией, оккультизмом

Гитлер пришёл к власти после демократических выборов, в результате народного волеизъявления (ему передал власть Гинденбург).

Сталин пришёл к власти, победив соперников, с которыми вместе в 1917 году совершил революцию.

Человек виден в поступках. Можно говорить какие угодно слова, но поступки показывают, кто ты есть на самом деле. Познакомьтесь с эпизодами из жизни Сталина, которые, судя по воспоминаниям людей, близко знавших его, для Гитлера были невозможны.

А. Т. Рыбин. Рядом со Сталиным. М.: Ветеран, 1992.

С. 5. По вечерам хозяин (Сталин) и гости сражались на бильярде. Проигравшие проползали на четвереньках под столом, по которому дубасили киями хохочущие победители. Подыгрывать руководству ... строго запрещалось. Поэтому Сталину тоже приходилось оказываться под столом.

С. 6. Иногда после напряжённой работы Сталину хотелось поохотиться на зайцев, которых ослепляли зветом фар. Настигнув добычу, он азартно кричал:

— Стреляй!

Власик палил из ружья, но часто на ходу машины мазал. Сталин в таких случаях смеялся:

— Хитрый косой, прямо с мушки сорвался.

(Сталин был проще, а Hitler всегда помнил, что он вождь, Führer.)

С. 8. Сталин экономил во всём. Его с трудом уговаривали сшить что-то новое. Например, летнее пальто. Ботинки носил до крайней возможности.

(Трудно представить Hitler'а в изношенных ботинках.)

С. 27. 4 декабря в штабе фронта шло совещание командующих армиями. Позвонил Сталин. Слушая его, Жуков нахмурил брови, побелел. Наконец, отрезал:

— Передо мной две армии противника, свой фронт. Мне лучше знать и решать, как поступить. Вы можете там расставлять оловянных солдатиков, устраивать сражения, если у вас время.

Сталин, видимо, тоже вспылil. В ответ Жуков со всего маху послал его подальше...

(Если бы кто-то так повёл себя с Hitler'ом, его военная карьера тут же бы завершилась.)

С. 43. Тогда на Рице сталинской дачи ещё не имелось. Всем пришлось ночевать в бильярдной, оставшейся ещё с царских времён. Постелили на полу матрасы, накрыли их простынями. Добыли подушки с одеялами. Сталин лёг вместе с нами, голова — под бильярдом, а ноги — снаружи. Утром Сталин пожаловался:

— Друзья, у вас кто-то сильно храпел, спать не дал. Организуйте мне что-нибудь отдельно.

Е. С. Громов. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998.

С. 323. Война есть война. Пропагандисты доктора Геббельса выливали целые цистерны помоев на презренных славян, русских, рассматривая их как тупых, диких и жестоких недочеловеков. Сталин до расизма никогда не опускался. В приказе Народного комиссара обороны от 23 февраля 1942 года подчёркивалось: «...было бы смешно отождествлять клику Гитлера с немецким народом...»

Д. В. Колесов. И. В. Сталин: загадки личности. М.: Флинта, 2000.

С. 48. В отличие от Гитлера, Сталин никогда не давал воли своему гневу, не позволял настроению повлиять на характер решения. Сталин старался успокоиться и лишь затем принимал его.

С. 55. Несколько иначе было с Гитлером. В целом уверенности в себе он никогда не терял... Но он утратил меру оценок. И его пожелания начали доминировать над оценкой, принимая сверхценный характер. Иными словами, он утратил дисциплину оценки. (Подчёркнуто Д. Колесовым — *Р. Б.*) Страстное желание всё больше заслоняло ему трезвость взгляда.

В абсолютно проигранной ситуации он поочерёдно возлагал надежды (и на время обольщался этим) то на новое оружие, то на ударную армию Венка, призванную разгромить наступавшие на Берлин советские армии. При этом более остро начал проявлять себя «малый интерес к намерениям и действиям противника, пренебрежительное и даже легкомысленное к нему отношение», которые «составляют, по-видимому, некоторую традиционную особенность немецкого командования»...

Ничего подобного со Сталиным не было. Весь психический механизм его работал без подобных сбоев.

Возможно, по двум причинам: во-первых, он не был склонен к самообольщению и поэтому не терпел поражений, а это в свою очередь укрепляло соответствующие процессы психики; во-вторых, этого не позволяла ему его тревожность. Мучительная для самого индивида, она в сочетании с сильной волей и способностью к расчёту значительно повышает надёжность действий.

Страстное желание никогда не застигало трезвости его взгляда, которую порой терял и Ленин (вспомним его ожидание Мировой революции со дня на день и сомнения в этом Сталина). И не случайно как политический, государственный деятель Сталин оказался успешнее, чем Наполеон и Гитлер: умер своей смертью, будучи на вершине власти и славы.

С. 88. Каждый человек оценивает другого, исходя из самого себя, из своих собственных качеств. Именно они являются базой для отсчёта и сравнения. По крайней мере, в двух значимых именно в данном контексте качествах Сталин и Гитлер были противоположными. Сталин — предельно скрытным и предельно осторожным, никогда не действующим по принципу «всё или ничего». Гитлер — до наглости откровенным и (политически) алчным, а отсюда — и непредсказуемым... Никогда и ни с кем подобным в жизни Сталину иметь дела не приходилось. И, ставя себя мысленно на место Гитлера, он считал вероятным и возможным совсем иное поведение. Именно в этом, плюс его предельная недоверчивость (именно так!), и следует искать причину происшедшего.

Д. В. Колесов. И. В. Сталин: право на власть. М.: Флинта, 2000.

С. 100. Были при этом и некоторые национальные различия. Так, гитлеровская политическая система эк-

сплуатировала традиционные немецкие дисциплинированность, ответственность, организованность, в то время как фюрер порою выступал в роли дезорганизующего фактора в системе управления. Он не был силен в текущей управленческой работе и особо ни на что здесь не претендовал. Напротив, Сталин был вынужден преодолевать традиционные же российские расхлябанность, безответственность, неисполнительность. И поэтому на него ложилось множество забот по непосредственному управлению государством.

Если Гитлер был вождём идейным (всё прочее ложилось на его соратников), то Сталин выступал в роли вождя-администратора.

* * *

А теперь настал черёд Фюрера. Познакомьтесь с эпизодами из жизни Гитлера, которые (судя по воспоминаниям людей, близко знавших его) для Сталина были невозможны.

Ж. Бержье, Л. Повель. Утро магов. М., 1991.

С. 24. Гитлер хотел взять с собой в небытие весь немецкий народ.

С. 50. Гитлер требовал германской крови, посылая на лишённую военного значения бойню последних немецких солдат. Он говорил: «Я никак не могу признать потери достаточно высокими». (ИВС требовал беречь жизни солдат, припомним его разговор с Жуковым во время битвы за Берлин.)

С. 51. Гитлер приказывает затопить берлинское метро, в его подземельях гибнут 300 тысяч человек (немыслимый приказ для И. В. Сталина).

Г. Хлебников. Интимная жизнь Гитлера. М., 1995.

С. 115. Гитлер часто просыпался ночью, зажигал всё освещение, кричал и плакал от страха (зима 1941 г.)

С. 119. Он терпеть не мог спорт вообще, делая исключение для... шахмат, но никогда не заканчивал своих партий...

Он радовался, как ребёнок, когда ему льстили, приходил в бешенство, когда ему возражали.

Фест Иоахим. Гитлер. Пермь, Алетейя, 1993, т. 3.

С. 257. Начальник генерального штаба дал понять, что полководческие решения Гитлера игнорируют пределы возможного и, как он это сформулировал впоследствии, делают «мечты законом действий». Когда же в ходе этих дебатов он указал на то, что русские ежемесячно производят тысячу двести танков, взбешённый Гитлер запретил ему продолжать «такую идиотскую болтовню».

С. 282. ...выливавшийся всё в большей степени в монологи стиль бесед Гитлера, его неспособность выслушивать или воспринимать возражения...

С. 344. За несколько дней до начала наступления, 11 и 12 декабря (1944 г.) Гитлер приказал созвать войсковых командиров Западного фронта двумя отдельными группами в штабе фельдмаршала фон Рундштедта. После того, как у них отобрали оружие и портфели, их ещё в течение получаса возили по местности... Затем через шеренги эсэсовцев командиров провели к Гитлеру... За каждым стулом стоял вооружённый телохранитель, а ещё один участник потом говорил, что «никто их нас не посмел бы даже достать носовой платок». (Вызванных к Сталину генералов, да и вообще никого не обыскивали.— Р. Б.)

С. 382. Тот феномен изначальной закованности, отрицания всякого опыта, что столь характерен для Гитлера...

Агония и смерть Адольфа Гитлера. М.: Звонница, 2000.

С. 133. Пфеффер, который прежде был в близких взаимоотношениях с Гитлером, мне также рассказывал,

что он часто впадает в состояние душевной депрессии, бросается на пол и в истерике кусает зубами ковёр.

Шпеер, Альберт. Воспоминания. Смоленск, Русич, 1997.

С. 193. Я также замечал, что перед людьми, профессионально его превосходящими, Гитлер испытывал известную робость. Правда, он от случая к случаю принимал их у себя, но лишь в сдержанной атмосфере официальной аудиенции...

С. 194. Для меня так и осталось тайной, насколько Гитлер увлекался художественной литературой. Он толковал преимущественно о трудах по военной науке, о морских календарях и о книгах по архитектуре, которые с неослабевающим интересом изучал в ночные часы. Других его высказываний я не помню.

С. 277. Это... объяснялось той симпатией, которую Гитлер испытывал к дилетантам и которая побуждала его отдавать предпочтение непрофессионалам. Он уже назначил торгового агента по продаже шампанского министром иностранных дел, своего партийного идеолога — министром по делам восточных земель, а бывшему военному лётчику поручил, например, руководить всей экономикой; неудивительно, что его министром вооружений стал именно архитектор. Бесспорно, Гитлер предпочитал назначать на руководящие посты дилетантов, а к профессионалам типа Шахта он всю жизнь относился с большим подозрением.

С. 348. Гитлер часто подписывал указы, противоречащие ранее изданным, создавая тем самым невообразимую сумятицу...

С. 415. Ни у кого из присутствовавших на оперативных совещаниях не вызывала возмущение манера Гитлера принимать решения по наитию. Он не брал в расчёт ни анализ военного положения, ни потребности

войск в боевой технике, обмундировании и продовольствии, и никогда не поручал группам экспертов со всех сторон рассмотреть наши наступательные планы, а также возможные контрмеры противника... Гитлер всегда соглашался вносить в свои планы только незначительные изменения.

* * *

Ю. В. Емельянов. Сталин: путь к власти. М.: Вече, 2002. С. 23.

В отличие, например, от юного Адольфа Гитлера, получавшего плохие отметки почти по всем предметам, Сосо Джугашвили был отличником.

Гитлеру в голову не могло придти кормить советских детей, а Сталин лично следил, чтобы немецкие дети в Берлине, когда город лежал в развалинах, были накормлены. Поэтому всем лжецам, говорящим о зверствах Красной Армии, у меня есть одно предложение: покажите фото, где немецкие солдаты кормят наших детей.

При Гитлере в Германии процветал культ ночи и огня, отсюда красочные многотысячные факельные шествия и т. п. В СССР ночных празднеств быть не могло, за исключением праздника Пасхи.

У Гитлера было языческое понимание власти: он над всеми, над народом, он сверхсущество, он послан Германией высшими силами. Мировосприятию Сталина это было чуждо.

На формирование личности Гитлера решающее влияние оказал Ницше с его утверждением, что Бог умер. Сталину было бы смешно всерьёз воспринять такую нелепость. Воспитанный в православной традиции, он ясно понимал разницу между Богом и человеком, бессмертием и смертью.

Гитлер — это порождение европейской культуры, на словах исповедовавшей христианство, но всегда оглядывавшейся назад, в язычество. Hitler хотел завоевать весь мир, у Сталина не было такой задачи. Немцы уничтожали мирное население СССР, в Красной Армии за насилия над немецким населением жестоко наказывали. Гитлер — европейское явление, уничтожать племена и народы — естественно для европейцев, вспомним конкистадоров, голландцев в Южной Азии, американцев и индейцев, англичан в Индии... Геноцид, недочеловеки — эти понятия могли родиться только в европейской голове. Так что, господа европейские гуманисты, не надо нам вашего Гитлера, возьмите его себе.

Когда сопоставляешь Сталина и Hitler'a, то чем больше набирается фактов (а их можно привести ещё очень много), тем очевидней единственный вывод: не было двух столь различных, непохожих людей, чем Сталин и Hitler, в общежитийском, бытовом, духовном плане, на посту политиков, государственных деятелей, и проводить параллели между ними, значит, заниматься откровенным подлогом и враньём. Все труды, в которых проводятся такие параллели, не имеют права называться историческими. Это оплаченная клевета.

Приложение № 2

Поскольку нам все уши прожужжали о грубости Сталина, приведу один пример.

Славянский набат, № 3, 2004.

9 мая 1934 г. в секретариат И. В. Сталина поступило письмо от английского коммуниста Гарри Уайта, работавшего в газете «Москоу Ньюс». 27-летний марксист был озабочен постановлением ЦИК СССР от 7 марта

1934 г. об уголовной ответственности за мужеложство по двум причинам. Во-первых, оно, по его мнению, плохо согласовывалось с принципами марксизма-ленинизма. Во-вторых, у Уайта была и личная причина для беспокойства: для окружающих не было секретом, что он был гомосексуалистом.

Когда поползли слухи об уголовной наказуемости гомосексуализма, он начал советоваться с работниками Наркомюста, психиатрами и со своим шефом товарищем Бородиным, ответственным редактором газеты «Москоу Ньюс». И все они успокоили его, что лично ему ничего не грозит...

Тем не менее, такое частное решение вопроса не удовлетворило принципиального иностранца...

Поэтому он решил обратиться к самому Сталину ...с поставленным ребром вопросом: «Может ли гомосексуалист считаться человеком, достойным состоять членом коммунистической партии?»

Увы, ответа на этот волнующий вопрос Уайт так и не получил. На его письме генеральный секретарь ЦК ВКП(б) наложил резолюцию: «В архив. Идиот и дегенерат». /И. Сталин/.

Приложение № 3

В этом приложении я предлагаю несколько своих статей об И. В. Сталине. Мне думается, что они будут интересны читателям этой книги. Прошу извинить за повторы цитат, встречающиеся в статьях.

Неизвестный Верховный

Приближается 9 мая. Можно представить, как будут отмечать юбилей в Москве. Государственная трибуна — мавзолей Ленина, разумеется, будет пустовать.

Слева от неё поместят одноногий столик, наподобие тех, что стоят в придорожных кафе, куда наспех забегают перекусить шофёры-дальнобойщики. Столик непристойный для державной Красной площади, но зато, как в Америке.

И за этим столиком начнут произносить речи. Непременно скажут про угрозу терроризма, несмотря на то, что главный террорист будет находиться рядом.

Будут вспоминать советских полководцев. Чаще всего, конечно, Г. К. Жукова, хотя по большому счёту ему в военном искусстве не уступали ни И. С. Конев, ни К. К. Рокоссовский. Честь и слава Г. Жукову и А. Василевскому, И. Коневу и К. Рокоссовскому, всем маршалам, генералам и адмиралам, офицерам и солдатам, ковавшим нашу Победу.

Но отчего же не будет названо самое главное имя, не будет сказано о человеке, без неутомимой деятельности которого, без чьей железной воли и прозрений гениального ума, все усилия маршалов ушли бы как вода в песок?

Отчего промолчат о Сталине, как будто его и не было?

«Помилуйте,— завопит негодующий хор,— а чего о нём говорить? Он ведь и полководцем не был. Об этом пишут такие корифеи, как Волкогонов и Волков, Медведев и Анфилов и т. д.»

Люди, близко знавшие Сталина, отмечают, что он прекрасно знал античное военное искусство. Ну и что, скажут мне, ведь ни в Греции, ни в Риме не было ни танков, ни самолётов. Однако дело в том, что основные тактические приёмы, которые и по сей день изучают в военных училищах и академиях и на которых вот уже две тысячи лет базируется военное искусство, были выработаны давным-давно. Военачальники уже античных времен усвоили истину: чем атаковать противника

в лоб, выгодней ударить ему во фланг (совершить охват), а ещё лучше зайти в тыл (обход). Принесёт победу и неравномерное распределение сил по фронту. Тогда на одном участке фронта создастся перевес. Фронт можно будет прорвать и осуществить см. выше.

Менялась техника вооружения, менялись масштабы войн, но основные тактические принципы оставались неизменными. Однако твой противник тоже знает эти приёмы, он тоже человек грамотный. Вот здесь в сражение вступает ум полководца, тут начинается искусство. Как он сумеет применить эти приемы? Какую хитрость придумает? Как заставить противника поверить, что главный удар наносится не здесь, а в другом месте, или наоборот? Как обмануть противника, который думает, что против него стоит стрелковая дивизия, а ночью сюда скрытно прибыл танковый корпус? И так далее.

Так что основные тактические принципы ведения войн Сталин знал и в этом отношении был грамотен.

Каждый день, взяв с собой карты, к Сталину приезжали начальник Генштаба А. И. Антонов и его правая рука С. М. Штеменко с докладом о положении на фронтах. Человек гражданский ничего в этих картах не поймёт. На них нанесено расположение пехотных, артиллерийских, танковых и др. частей, размещённые в тылу резервы.

А С. М. Штеменко писал, что с неподготовленными картами к Сталину приезжать было нельзя, он сразу обнаруживал неверно нанесённую фронтовую обстановку. Умение читать карты, видеть за сотнями условных знаков соединения, части, их численность; предвидеть, что произойдет, если с одного направления на другое перекинуть армию, корпус — это отличительная черта полководца.

Итак, теоретический экзамен на звание полководца Сталин бы сдал.

Теперь практика. Только два примера, хотя их в десятки раз больше.

Маршал авиации А. Е. Голованов в своих мемуарах пишет, «что не маршал артиллерии Воронов, а именно Сталин определил основной удар артиллерии под Сталинградом. Но уважаемый Николай Николаевич почему-то «забыл» об этом написать в своей книге».

А знаменитое разрешение Сталина Коневу повернуть танковые армии на Берлин, когда Жуков застрял на Зееловских высотах, разве это не поступок полководца? Большинство клеветников ничего бы не поняли из донесения Конева. А Сталин потребовал карту, спросил, где находятся танкисты Конева, мгновенно всё оценил и согласился с предложением маршала.

При участии Сталина разрабатывались все операции, ни одна из них не могла начаться, пока он не утвердил её. При этом все полководцы единодушно отмечают, что Сталин не просто присутствовал при разработке операций, но делал уточнения, вносил свои предложения.

Вообразите, что вы попали на совещание, посвященное выплавке стали, а вы в металлургии ничего не смыслите. Вы будете что-то уточнять, предлагать? Вы будете смирно сидеть в уголочке и помалкивать, чтобы оплошным словом не выдать себя, не сморозить глупость.

Нельзя забывать: о том, что Сталин не был полководцем, толкуют люди, которые не только не сумели бы развернуть роту в боевой порядок, но и в армии-то не служившие.

Но вот что говорят специалисты, которым Сталин был не сват, не брат, и хвалить его им было не с руки.

Алан Брук, начальник Британского имперского штаба, участник Тегеранской конференции:

«Во время этой встречи и во всех последующих, которые мы имели со Сталиным, я быстро пришёл к осознанию того факта, что у него был образ мышления военного человека и притом самого большого калибра». (Подчеркнуто мной — Р. Б.)

А как потрясён был **Черчилль**, когда представил Сталину план операции «Факел». «В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции «Торч». Он перечислил четыре основных довода в её пользу. Во-первых, это нанесёт Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвёртых, это поставит Италию под непосредственный удар».

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он всё это оценил молниеносно. (Подчёркнуто мной. Это к вопросу о гениальности Сталина. То, над чем лучшие военные умы Британии думали месяцами, он постиг — за минуты.)

Бернард Монтгомери, английский фельдмаршал:

«Сталин почти не делал ошибок... Он обладал поразительным стратегическим чутьём, и я не помню, чтобы он сделал хоть один ложный шаг в наших переговорах по стратегическим вопросам».

Приведу мнение и советского полководца. Сейчас он практически забыт, о нём помнят ветераны войны да военные историки. **И. Д. Соколовский** — начальник штабов фронтов на войне, затем нач. Генштаба.

«Чрезвычайный и полномочный посол В. Семенов рассказывал, что на большом собрании в Кремле Хрущев заявил: «Здесь присутствует начальник Генерального штаба Соколовский, он подтвердит, что Сталин не разбирался в военных вопросах. Правильно я говорю?» «Никак нет, Никита Сергеевич».

Да и сам Жуков говорил, что не Генеральный штаб, а ЦК ВКП (б) является мозгом армии. Ну, а кто возглавлял ЦК, напоминать не нужно.

«Правдоискатели» любят говорить о просчётах, ошибках Сталина. А у кого их не было? И у Монтомери с Эйзенхауэром, были они у каждого из наших великих маршалов. Но об этом молчат. Эти личности непогрешимы, на них положено возливать только елей. А Сталин ошибся, его тут же мажут сажей.

Большинство людей представляют войну упрощённо. Вот сошлись две армии и дерутся. Но подготовительной работы, проделанной для того, чтобы они сошлись, никто не видит. Раньше, когда армии были сравнительно небольшими, полководец (например, Наполеон) мог заведовать всеми вопросами, связанными с войной. Когда армии стали миллионными, а фронт растянулся на тысячи километров, это стало невозможно. Полководцы стали заниматься лишь военными вопросами. А всем остальным — руководство страны.

Армию надо накормить, напоить, обути, одеть и вооружить. Именно так. Голодная армия не много навоюет. Всеми этими вопросами занимался Государственный Комитет Обороны, который возглавлял Сталин.

Ни один из маршалов, командовавших фронтами, не входил в ГКО. Они исполняли только военные обязанности.

У маршалов не болели головы о производстве танков, орудий, самолётов, боеприпасов. Всё это контролировал Сталин. Каждый оборонный завод имел свой

план и ежедневно отчитывался перед ним о его выполнении.

У маршалов не ломило голову от забот, как сформировать еще несколько боеспособных армий. Вопросы мобилизации, доставки пополнений на фронт контролировал Сталин.

Маршалам не нужно было думать, откуда берутся эшелоны с мукой, мясом, овощами, лекарствами, перевязочными материалами, хирургическим инструментарием и т. п., поступавшими на фронты. Армия получала все необходимое. И всем этим заведовал, за всем надзирал и строго карал за халатность и разгильдяйство один человек.

Маршалы стояли в стороне от дипломатической борьбы во время войны, когда сталкивались интересы не армий и фронтов, а государств.

Именно Сталин явился создателем антигитлеровской коалиции. Именно он был её главным скрепляющим звеном. Именно благодаря его усилиям союзники возобновили конвои, открыли второй фронт, чем были сбережены десятки тысяч жизней советских солдат.

Общий ход войны не представлял ни Жуков, ни начальник Генштаба, а только Сталин. Потому что война это не только битвы, это и народное хозяйство, и дипломатическая работа. И стратегическая разведка по всему миру. Сталин знал многое из того, чего Жуков не знал, ему этого знать было не положено.

И вообще, когда Г. Жукова (великого полководца) из всех сил выдвигают на передний план, пытаясь заслонить им Сталина, это равносильно тому, как если бы на каком-то металлургическом предприятии вдохновителем и организатором трудовых побед объявили не его директора, а начальника сталепрокатного цеха.

Почему же 9 мая будут молчать о Сталине? Приведем свидетельство врага.

«Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись». А. Гитлер.

Вы полагаете, что США нужен новый Сталин? Да их от одной этой мысли прошибает холодный пот. Вы полагаете, что Евросоюзу нужна великая Россия? Мы освободили их от Führer'a, они сбрасывают наши танки с постаментов и оскверняют священные могилы советских воинов. Мы спасли десятки тысяч говорливых, веселых янки в Арденнах, раньше времени начав наступление. Немного спустя, эти весельчаки с жевательной резинкой за щекой «отблагодарили» нас холодной войной, а позднее перестройкой и бойней 1993 года. Вы полагаете, что самураи в восторге от того, что герои-тихоокеанцы с треском вышибли их с наших Курильских островов? Они спят и видят, как над ними развевается белое полотнище с красным диском посередине.

Если появится вождь, появится национальный лидер, Россия снова станет могучей и крепкой державой, и тогда многим, очень многим придётся поджечь нынче боевито поднятый хвост.

А им это нужно?

Вот поэтому 9 мая и будут молчать о Сталине.

БЫЛА ЛИ ОПАЛА?

Сейчас, пожалуй, даже школьник знает, что после победоносного окончания Великой Отечественной войны, тиран Сталин «отблагодарил» маршала Победы Г. Жукова незаслуженной, обидной опалой. Но народ сохранил любовь к великому полководцу, воздал ему должное, восстановил справедливость и т. д.

Почему же Сталин так поступил с Жуковым? Ответ прост. Потому, что завидовал его славе.

Обычно славу путают с известностью. Если человека узнают на улицах, поклонницы пишут письма, его имя звучит по радио и на телевидении, такой человек думает горделиво: «Вот она слава!» Проходит время, никто его не вспоминает, письма не шлют, прохожие не узнают. И он шепчет (теперь с горечью): «Вот она слава».

Сильно переживают люди по этому поводу: травятся, выбрасываются из окон. Им невдомёк, что это не слава, а всего-навсего известность. Возьмём двух поэтов Рубцова и Вознесенского. Первый умер больше тридцати лет назад, а стихи его читают и будут читать, пока жив русский язык. О втором же этого сказать нельзя. У одного слава, у другого известность.

Следовательно, слава — это такое состояние, когда о человеке помнят и после смерти. К его имени, как к символу государственности, героизма, поэзии, искусства, люди обращаются в трудные и радостные минуты жизни, находя в деятельности такого человека духовную опору. Сталин и Жуков отвечают этому понятию славы, но в то же время размер этой славы (хотя слава понятие невещественное) различен.

Приведу небольшой пример. Марина Шафрова, родившаяся в 1908 году в Ревеле, была дочерью русского эмигранта. Жила она в Брюсселе. Когда Гитлер напал

на СССР, она вступила с немцами в борьбу, чтобы помочь своей исторической Родине. Вместе с соратниками она устраивала диверсии на дорогах, записывала и распространяла сводки Информбюро. 8 декабря 1941 года она убила ножом немецкого майора. Немцы взяли 60 заложников и предупредили, что если убийца не будет найден, их расстреляют. Марина, поцеловав на прощанье своих сыновей (Никиту — 9 лет и Вадима — 3 года), пошла и заявила о себе.

В гестапо на вопрос, почему она убила майора, Марина ответила:

— Сталин приказал убивать немцев в тылу врага.

— Убитый вами майор, — сказали ей, — отец троих детей. Понимаете, что вы сделали?

— А когда немцы убивают в России красноармейцев, они думают о том, что оставляют много сирот?

Военный суд приговорил Марину к смертной казни. По свидетельству тюремного священника, перед смертью она сказала:

— Я счастлива умереть за Сталина, за советский народ. (1)

Скажите, кто слышал в Европе в декабре 1941 года о Жукове? По большому счёту и в 1945 году в мире о нём знали немногие, тогда символом свободы и всепокрушающей мощи Страны Советов был Сталин, с его портретами люди выходили на улицы, встречая Красную Армию.

Такой всемирной славы не было и быть не могло у Жукова. Вопрос о том, что Сталин завидовал славе Жукова, смешон и рассчитан на обывателя.

Вопрос личной славы (если он перед ним вообще когда-нибудь стоял) Сталин разрешил для себя уже в тридцатые годы. Став главой величайшего в мире государства, он остался в истории навечно. Вопросы известности, которые волнуют киноактеров, эстрадных по-

прыгунчиков и безголосых шептунов, были ему чужды. Сталин находился на такой высоте, на которой человек никому не завидует, ему завидуют.

Когда проходили Тегеранская, Ялтинская, Потсдамская конференции, имя Сталина звучало в Австралии и Новой Зеландии, в Чили и Бразилии, Америке и Канаде. Слава Сталина была просто несопоставима со славой Жукова. И даже в самом Советском Союзе, если быть честными, это были различные величины. Сталин — вождь, учитель, отец, гениальный полководец, а Жуков — только маршал.

Одним из показателей славы полководца является количество наград.

До войны Жуков имел пять наград: две медали (одна из них Героя Советского Союза) и три ордена. После войны у него насчитывалось 19 наград: 13 медалей (из них две Героя) и 6 орденов. Представлять к наградам, как непосредственный начальник, Жукова мог только Сталин. Всего в конце войны у Жукова было (вместе с иностранными, которые без разрешения Сталина он получить не мог) 35 наград (3), а у Сталина 10.

Жукову звание Маршала СССР присвоено 18 января 1943 года, а Сталину только 6 марта. Жуков награждён орденом Победа № 1 10 апреля 1944 года, а Сталин только 29 июля.

Сохранились свидетельства, как Сталин сам присваивал генеральские звания и награждал людей орденами, лишь позднее это оформлялось указами президиума ВС СССР.

Именно Сталин, как грубо, но точно говорят в народе, дал Жукову к концу войны ещё две звезды Героя Советского Союза.

Среди советских полководцев у Сталина был любимец, это К. К. Рокоссовский. Из высших политических

соображений он перевёл его командовать 2-м Белорусским фронтом, а командовать 1-м Белорусским фронтом поставил Жукова. Так, видимо, была велика его зависть к полководцу, что именно Жукову он доверил штурмовать Берлин. И именно солдаты 1-го Белорусского фронта водрузили Знамя Победы над рейхстагом.

Сталин поручил Жукову принять капитуляцию поверженной Германии.

Он оказал ему высшую почесть — принять Парад Победы, хотя это привилегия главы государства. Например, Гитлер, принимал парады только сам.

На приёме в Кремле командующих войсками Красной Армии В. М. Молотов произносил тосты. Первым из советских полководцев, за здоровье которого он провозгласил тост, был Г. К. Жуков:

— Я должен назвать, прежде всего, имя товарища Жукова. С именем товарища Жукова связаны героическая защита Москвы, оборона Ленинграда, освобождение столицы дружественной Польши — Варшавы. Наши войска под командованием маршала Жукова ворвались в фашистское логово — Берлин и водрузили над ним Знамя Победы. За здоровье маршала Жукова!

Это был официальный текст, опубликованный в газетах. А в стенограмме приёма записано, что Молотова дополнил Сталин:

— Долой гитлеровский Берлин! Да здравствует Берлин Жуковский! — сказал Вождь. (7.260, 272)

Сталин возвёл Жукова на высшую степень воинской славы, какой не знал ни один полководец в России. И он же завидовал ему? Это же несуразная чушь, рассчитанная на детей, а её повторяют с важным видом люди с учёными званиями, в больших воинских чинах.

Но вот иные факты.

В 1949 году важнейшими военными округами Московским и Ленинградским командуют генерал-полков-

ники П. Артемьев, А. Лучинский, лица сейчас известные лишь историкам; Киевским — А. Гречко, если бы не ставший впоследствии министром обороны, то же бы позабытый; Белорусским — С. Тимошенко, в войне себя не проявивший. (2)

Тогда как маршалы командуют: Г. Жуков — Свердловским округом, Ф. Толбухин — Закавказским, Р. Малиновский — Забайкальским, И. Конев — зам. министра обороны, должность в мирное время скорее административная, чем командная, Л. Говоров — главный инспектор вооружённых сил. (6)

А. Василевский — министр обороны; К. Рокоссовский командует Северной группировкой войск.

Посты, за исключением Василевского и Рокоссовского, явно не соответствующие вкладу маршалов в Победу.

Почему же так, почему люди занимают посты, не равноценные их заслугам?

Мы совершенно не представляем размеров власти командующего фронтом. Это была громадная власть над жизнью и смертью сотен тысяч людей, как военнослужащих, так и мирных жителей, находящихся в прифронтовой полосе.

Из указа Президиума ВС СССР от 22.6.1941 г. «О военном положении.»

«2. В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти... принадлежат военным советам фронтов..., а там, где нет фронтов — высшему командованию войсковых соединений.

6. За неподчинение... приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежат уголовной ответственности по законам военного времени.

9. Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежат...». (5)

Война явление чрезвычайное и побороть его можно только мерами чрезвычайными. Спасая государство, Сталин наделил такой властью командующих фронтами и высший генералитет. Власть была поистине громадная, какой не обладали в мирное время секретари обкомов. Эту власть можно было сравнить только с властью самого Сталина.

Четыре года такой власти, конечно, не могли не повлиять на людей, не отложиться в душах. Ведь соблазн власти — один из самых страшных соблазнов. Люди не хотели расставаться с властью и были бы не прочь сохранить её и в мирной жизни. Сталин был озабочен изъять эту власть у военных.

Говорят, что солдатам было трудно отвыкать от войны, но и маршалам, и генералам тоже.

А настроения о захвате власти в армии были. Вообще настроение было такое, что мы можем завоевать весь мир.

Неспроста в армии бытовала песня:

Всю Европу с Волги и до Рура
Прошагали за три перекура.

Шагом, шагом, шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам.

Океан нам тоже не препона,
Потому что с Волги мы и Дона.

Шагом, шагом, полные отваги,
Мы дойдём до города Чикаги.

Океан нам вовсе не фигура —
Всю Европу за три перекура!

А вот анекдот времён войны, когда у нас была советская, народная, а не российская, наёмная армия. Солдаты приходят к командиру батальона: «Товарищ комбат, когда возьмём Чикаго, как же мы вам со сто первого этажа рояль спускать будем? Где ж мы верёвки такие возьмём?»

Если такие настроения были в солдатской массе, то что говорить о генералах и маршалах?

Даже когда я учился в техникуме, а со времени окончания войны уже прошло 15 лет, я не раз слышал от бывших фронтовиков, что нужно было Жукову взять власть в свои руки.

Поэтому Сталин разъединил полководцев, одного послал на Урал, другого за Кавказ, третьего в Сибирь.

Обычно такую политику в отношении боевых маршалов объясняют страхом Сталина потерять власть. Ничего нет глупее. Человек, боящийся потерять власть, никогда не отказывается от неё, а Сталин делал это неоднократно, последний раз на XIX съезде. Сталин — не Ельцин, ему не нужна была власть для самого себя, для того, чтобы тешить свою дурь и похоти. Сталин всю жизнь жил для народа. И он не мог допустить, чтобы в разорённой, истерзанной войной стране кто бы то ни было затеял заговор с целью захватить власть. Мало того, что это означало новую гражданскую войну (Сталин бы так не сдался) и новые неисчислимые страдания народа, но за рубежом только и ждали момента, чтобы всадить СССР нож в спину, наши вчерашние союзники — Англия и США. Ведь ни кто иной, как Черчилль, объявил в Фултоне холодную войну Стране Советов.

Службой прослушивания было зафиксировано, как супруга Героя Советского Союза генерала В. Гордова говорила: «Ты же был владыка, владыка, а сейчас никто». Гордов поддакивал жене, ругал Сталина и догово-

рился до того, что был расстрелян. В годы войны он был командармом, в его подчинении могло находиться свыше 100 тысяч человек. И такие мысли бродили не только в голове Гордова. Видимо, за подобные разговоры был расстрелян и маршал авиации С. Худяков.

Чтобы в корне пресечь подобные настроения, Сталин вынужден был на примере Жукова показать всем: смотрите, если мы Жукова сняли, не посчитавшись с его заслугами, и отправили во второй разрядный округ, то с вами расправа будет коротка.

Ради справедливости надо заметить, что у Георгия Константиновича к концу войны всё же, видимо, возникло некое «головокружение от успехов». Неспроста на Военном совете в июне 1946 г., где рассматривалось персональное дело маршала, Сталин сказал ему: «Нужно быть поскромнее, товарищ Жуков».

Ничего особенного в поведении Сталина нет. Так обычно поступали верховные властители по окончании войны с победоносными полководцами, отдавая их от власти. Назовём хотя бы Британика, Стилихона, Велизария, Скопина-Шуйского. Однако, если некоторые из них были убиты (отравлены), Сталин так не поступил. Много написано о его злобности, подозрительности и т. п., но маршал А. Голованов писал, что, если Сталин доверял человеку, он доверял ему до конца. А Сталин, вне сомнения, доверял Жукову, за годы войны убедившись в его честности и порядочности перед армией и государством.

Жуков, как человек чести, понимал, что командовать войсками одно, а руководить страной — другое. Что мешало ему взять власть в 1957 году, когда он на военных самолётах доставил в Москву членов ЦК, спасая Хрущёва? Ничто.

Когда же Жуков послужил в отдалённом округе, когда страсти улеглись, Сталин стал возвращать его

к власти, и если бы не 5 марта 1953 года, неизвестно, как сложилась бы судьба маршала.

Мы привыкли бросаться словами. А «опала» — во времена древние была юридическим термином и подразумевала запрет являться при царском дворе, ссылку, лишение должностей и чинов, заключение в тюрьму, смертную казнь. (11)

Кому не известен А. Меншиков «полудержавный властелин»? Второе лицо в государстве, кавалер высших Российских орденов был во мгновение ока обращён в ничто, лишён всех чинов и наград и загнан в такую глушь, что и могила его затерялась. Вместе с ним были сосланы его дочери, хотя они были ни в чём не виновны. Вот опала, так опала. А могли ведь и голову отрубить, как попавшему в опалу кабинет-министру А. Волыньскому.

Единственное, в чём был Жуков опалён, если можно так выразиться, это понижение в должности. Но, вообще, о какой опале может идти речь, когда человек избран кандидатом в члены ЦК партии, а депутатом Верховного Совета он не переставал быть ни на день.

Впрочем, давайте выслушаем самого опального полководца.

Жуков не раз подчеркивал, что «Сталин нигде не сказал про меня ни одного плохого слова», что «попробуй меня кто-нибудь при нём обидь — Сталин за меня голову оторвёт». (9.181)

Конечно, трудно представить, чтобы кто-нибудь мог Жукова обидеть, но взаимоотношения ясны, и никакой опалой тут не пахнет.

Интересен эпизод из воспоминаний К. Симонова. На заседании комитета по присуждению Сталинских премий во время обсуждения романа Э. Казакевича «Весна на Одере» Сталин был удивлён, что в романе отсутствует даже упоминание о Г. К. Жукове, и заме-

тил: «Не всё там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и не хуже Рокоссовского. Вот эта сторона в романе товарища Казакевича неверная. Есть в романе член Военного совета Сизокрылов, который делает там то, что должен делать командующий, заменяет его по всем вопросам. И получается пропуск, нет Жукова, как будто его и не было. Это неправильно». (8.198)

Эти и другие факты никак не укладываются в теорию опалы. После войны в СССР была сложнейшая внешняя и внутривнутриполитическая обстановка, и главной задачей Сталина было сохранить мир в Европе и спокойствие в государстве. И для обеспечения этого спокойствия он прибегал к различным мерам. Ничего, в той или иной мере затрагивавшего честь Жукова как военного и как человека, Сталин не совершил.

Таким образом, об опале Жукова, то есть о бесчестии, шельмовании человека, о создании вокруг него атмосферы страха и боязни в любой миг быть арестованным и убитым, не может быть и речи.

И всё же опала Жукова была. Только не та, о какой твердят нам продавшие честь генералы и профессора военных наук. Была опала подлая, гнусная. Но она исходила не от Сталина, который ценил Жукова за его военную голову, а от лучшего друга демократов и либералов всех мастей — Хрущёва.

Сталин был намного умней и человечней Хрущёва. Он прекрасно понимал, что значит для Жукова армия, он не отлучил полководца от армии ни на один день, а Хрущёв, используя народного героя в своих целях, опорочил его и изгнал из армии. Непобедимого на полях сражений, он одолел его на политическом поле и обрёл на бездействие.

Так же поступил Хрущёв и с другим прославленным советским полководцем. К. К. Рокоссовский в те годы был зам. министра обороны. Хрущёв предложил ему написать о Сталине, да почерней. Рокоссовский был любим в армии и в народе, его слово прозвучало бы на всю страну. Но Рокоссовский сказал: «Сталин для меня святой». На другой день маршал пришёл на службу в министерство, а в его кабинете уже сидит К. Москаленко. Не за упущения по службе человека отправили в отставку, а за то, что не потрафил самодуру.

«Встану утром, сделаю зарядку, умоюсь, побреюсь и вспомню, что мне некуда и не зачем идти,— говорил маршал.— Мы своё дело сделали, и сейчас мы не только не нужны, но даже мешаем тем, кому хочется по-своему изобразить войну». (10.353)

И ведь изображали. Позорным памятником той эпохи остаётся изданная при Хрущёве шеститомная История Великой Отечественной войны. Сталин упоминается в ней 100 раз, Хрущёв 129, а Жуков всего-навсего 20. Как вы теперь думаете, кто же был самым выдающимся советским полководцем, под чьим руководством советский народ одержал победу над германским империализмом? А ведь иной, как Хрущёв, брызгая слюной и стуча кулаком, обличал Сталина в забвении ленинских принципов и т. п. Именно при Хрущёве были фактически уволены из армии маршалы А. Василевский (1957 г.), А. Еременко (1958 г.), И. Конев (1962 г.), К. Мерецков (1964 г.), К. Рокоссовский (1962 г.), В. Соколовский (1960 г.), М. Тимошенко (1960 г.), генералы армии А. Антонов (1962 г.), А. Хрулёв (1958 г.) и многие другие. (2)

Не ясно ли, что теперь, когда говорят и пишут об опале Г. К. Жукова, то беспристрастный учёный, говоря о виновнике опалы, назовёт совсем иную фамилию, нежели называют сейчас.

ИСТОЧНИКИ:

1. В. А лексее н ко. Шаги в бессмертие. Советская Россия, 3.11.2006.
2. Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983.
3. Г. К. Жуков. Фотоальбом. М.: Планета, 1984.
4. История Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1962–1963, тт. 1–5.
5. Комсомольская правда. 24.6.1941.
6. Маршалы Советского Союза. М.: Любимая книга, 1996.
7. В. Н све ж и н. Сталин о войне. М.: Эксмо, 2007.
8. К. С и м о н о в. Глазами человека моего поколения. М., АПН, 1988.
9. Сталин. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2006.
10. Ф. Чуев. Солдаты империи. М.: Ковчег, 1998.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб, б. г., т. 43.

НЕ СДАДИМ ЛЕНИНГРАД!

Во времена не столь отдалённые, когда ломалось все, чем жил наш народ последние 80 лет, в умах странных людей опухолью созрел вопрос: а зачем мы защищали Ленинград? И что там, собственно, защищали — камни? Не разумней ли было сдать Ленинград немцам, они люди добрые, гуманные, глядишь, остались бы живы умершие в блокаду люди (от 600 тысяч до 1 миллиона, точное число не установлено).

Сторонники этой точки зрения гневно клеймят тоталитаризм, «злодея Сталина», «дурака Жданова», которым было не жаль ни солдат, ни мирных жителей, а тех, кто с ними не согласен, именуют «сталинистами».

«Сталинисты» негодуют, кипят возмущением, обзывают своих противников «демократами» (хотя демократия тут ни при чём), но спокойно ответить всего лишь на один практический вопрос, как я знаю, пока никто не пытался.

Перейдём от слов к делу. И ответим на этот простой, напрашивающийся вопрос: когда можно было сдать Ленинград?

Блокада Ленинграда началась в сентябре 1941 года. Но о том, что началась именно блокада, ещё никто не знал. Перед городом шли жестокие, круглые сутки не затихавшие бои.

30 сентября 1941 г. загрохотал «Тайфун», немецкая операция по взятию Москвы. Фельдмаршал Ф. фон Бок говорил про это сражение, что его судьбу решит последний батальон. И вот, вообразите, в этот миг мы сдаём Ленинград. Бок получает из-под Ленинграда 30 дивизий, это, как минимум, 200 батальонов. Москву нам было бы не удержать. Чем это нам грозило, объяснять не нужно. Можно ли было тогда сдать Ленинград? Нет.

Самой страшной для ленинградцев была зима 1941—1942 года, тогда от голода умерло большинство жертв блокады. В это же время с 5 декабря 1941 г. до марта 1942 г. РККА вела наступательные операции по всему фронту. Можно ли было тогда сдать Ленинград? Нет.

Наступила весна, город ожил, под огороды раскопали все скверы и парки.

Летом 1942 г. немцы перешли в наступление и пробивались к Сталинграду. Можно ли было тогда сдать Ленинград? Нет. Подтянув резервы оттуда, немцы овладели бы Сталинградом, прорвались на Кавказ.

Так ленинградцы дожили до зимы 1943 года. В январе 1943 блокада была частично прорвана. Наступило значительное облегчение.

Летом 1943 г. происходила Курская битва. По мнению многих историков, она ознаменовала коренной перелом в войне. Если бы немцы смогли перебросить сюда войска из-под Ленинграда, они окружили бы войска Воронежского и Центрального фронтов, им открывалась дорога на Москву. Можно ли было тогда сдать Ленинград? Нет.

Итак, с точки зрения общего хода войны, не было такого благоприятного момента, когда Ленинград можно было сдать. В любом случае, сдача города означала катастрофу на советско-германском фронте.

Люди несведущие не представляют процесса сдачи с юридической точки зрения, который начинается с переговоров. В них оговариваются условия сдачи: сдающей стороне запрещается что-либо уничтожать; оружие, боеприпасы и т. п. должны быть переданы в целости и сохранности. В плену оказалось бы несколько армий. Но если часть войск возможно было эвакуировать, то Балтийский флот не эвакуируешь.

Врагу достались бы: 2 линкора, 2 лидера, 19 эсминцев, 66 подводных лодок, 48 торпедных катеров,

15 охотников за подводными лодками, 18 сторожевых катеров и др. А также 424 орудия различных калибров береговой обороны. А также 352 орудия системы ПВО флота.

По точному замечанию историка А. В. Исаева, захватив Ленинград, враг получал бы в распоряжение крупный порт, через который мог беспрепятственно снабжать северную и центральную группировки своих войск. Создалось бы катастрофическое положение для Карельского фронта.

Враг захватывал в Ленинграде горюче-смазочные материалы, цветные металлы, иное стратегическое сырьё, многочисленные боеприпасы. И всё это было бы использовано против нас.

В случае сдачи Ленинграда произошло бы угрожающее ухудшение оперативной обстановки на советско-германском фронте. Сталин с тревогой говорил зимой 1941 года: «Если Ленинград не устоит, придётся создавать новый фронт в районе Ярославля».

Посмотрим на карту, что произошло бы в этом случае. Сталин был прав. Крупных водных преград на этом театре военных действий нет, и немцев, скорей всего, удалось бы остановить действительно только под Ярославлем. Немцы получали возможность прервать сообщение по Северной железной дороге, тогда бы прекратились поставки союзнических конвоев, встало бы под вопрос существование Северного флота.

Ленинград (Петербург) в сознании граждан СССР средних и старших возрастов ещё оставался столицей империи. Гитлер мог бы создать там марионеточное правительство, в противовес правительству СССР. Предатели и шкурники, готовые сотрудничать с таким правительством, конечно, нашлись бы. Это политическая подоплёка невозможности сдачи города.

Сдача Ленинграда произвела бы удручающее впечатление на страну и армию. Мы сейчас не можем представить любви советских людей к Ленинграду, как к городу революции, городу, связанному с именем Ленина и Кирова. У нас это (советское) чувство сильно ослабло. Но оно было. Очень большое и отрицать его нельзя. А любовь, как известно, творит чудеса. Тем более, что чувство любви к Ленинграду было частью общего чувства любви к Родине. Миллионы советских людей думали: нам тяжело, а ленинградцам разве легче? Таков моральный фактор, важный при обороне Ленинграда.

Великие города не возникают случайно. Петербург был создан в центре силового геополитического поля. С созданием Беломоро-Балтийского канала (позднее Волгобалта) устанавливалась связь Балтийского моря с полярными морями (позднее с Чёрным). Потеря Ленинграда была бы трагедией в геополитическом смысле. С его потерей от страны отпадал не просто огромный кусок территории, а весь северо-запад России, от Балтики и Кольского полуострова до Северной Двины.

Но, допустим, чтобы избавить мирное население от ужасов блокады, город всё-таки сдали. В руках у немецко-фашистских захватчиков оказалось всё гражданское население, военнопленные красноармейцы, экипажи кораблей, личный состав батарей береговой артиллерии. Своенно пленными всё ясно, большую часть из них ждал один конец — смерть. Это же безоговорочно ожидало и еврейское население города. Немцы без жалости уничтожали советских евреев.

Однако с какой стати немцы вдруг подобрели бы к остальному населению и стали бы кормить сосисками и поить баварским пивом тех самых людей, которых только что хотели заморить до смерти? Эти «добряки» в сентябре 1941 года первым делом разбомбили

в Ленинграде продовольственные Бадаевские склады. Если немцы такие добрые, зачем они бомбили и обстреливали любой корабль на Ладожском озере, хотя видели, что на его палубе женщины и дети?

Следовательно, если бы Ленинград был сдан, людские потери далеко бы превысили потери блокады. Это настолько очевидно, что нужно только честно задуматься об этом. Но всё горе в том, что люди, говорящие о сдаче города, всерьёз никогда не задумывались о её последствиях. Чем глубже мы вдумываемся в проблему, тем более многообразной она оказывается. Ленинградцы защищали не камни, а всех нас, наше будущее. Недаром на Пискарёвском кладбище, на мемориальной доске, посвящённой вологжанам, павшим в боях под Ленинградом, начертано: «Защищая Ленинград, вы спасали Россию».

Но вопрос о том, сдавать или защищать Ленинград, как ни странно, второстепенный. Никогда и никому русского (советского) народа не было жалко. Для зарубежных и местного производства либералов вопрос о сдаче Ленинграда является одним из пунктов борьбы со Сталиным, с СССР, с советским (а нынче русским) народом.

Так и здесь. В страданиях ленинградцев в первую очередь виноват, оказывается, Сталин. Это он своим преступным бездействием обрёк людей на страдания. Он не подготовил город к блокаде, он допустил блокаду и, значит, был едва ли не сообщником немцев (городят и такое).

Как заведено, Сталина судят с позиций современного знания. Но Сталин не мог снять с полки «Историю Великой Отечественной войны» и узнать, что в сентябре 1941 года началась знаменитая ленинградская блокада. Сталину это стало ясно позднее, когда попытки отогнать врага не увенчались успехом.

Однако, спрашивается, почему же Сталин так «подло» поступил с Ленинградом? Ответ либералов готов: тиран не любил город. Для историков подход «любил — не любил» вообще не научен. Но чем же объяснить, — говорят они нам, — что после убийства Кирова Сталин ни разу не побывал в Ленинграде? В СССР в то время было около двух тысяч городов, в 90 процентов из них Сталин ни до убийства Кирова, ни после никогда не бывал. Что же он и их не любил?

Вот что было сделано при Сталине в «нелюбимом» им Ленинграде. В 1941 году создана организация по сооружению в Ленинграде метро (война помешала начать строительство).

До революции за 153 года (1764—1917 гг.) построено 9, 8 км Невских набережных, а за сталинские 29 лет (1924—1953 гг.) их протяжённость увеличилась более чем в 10 раз. Если учесть, что средства на возведение набережных выделялись из союзного бюджета, который составлялся при непосредственном участии Сталина, то «нелюбовь» «тирана» к городу очевидна.

А вот как росло население Ленинграда при Сталине. 1926 г. — 1,6 миллиона, 1932 — 2,8 миллиона, 1939 — 3,2 миллиона (двукратный прирост за 13 лет). Гибель людей от голода в результате блокады, обстрелов и бомбёжек, а также интенсивная эвакуация привели к тому, что к январю 1944 г. в городе оставалось 560 тысяч человек, но уже к сентябрю 1945 население удвоилось и насчитывало 1,2 миллиона человек.

Большинство граждан РФ знают, что была блокада Ленинграда, а потом её прорыв. А то, что между этими двумя событиями были проведены три фронтовые операции, чтобы прорвать блокаду, многим неизвестно. Сталин и руководство страны никогда не оставляли попыток прорвать блокаду. В Государственном Комитете обороны, который возглавлял Сталин, было принято

решение о строительстве Дороги жизни, по которой из Ленинграда эвакуировали 1,3 миллиона человек.

Чтобы поставить все точки над *i*, заслушаем мнение одного государственного деятеля, у которого Ленинград торчал костью в горле два с половиной года. Итак, 9 января 1945 года в гитлеровской ставке проходит совещание. Завершая его, Hitler говорит: «Даже русские, эти свиньи, сумели организовать. Когда у нас начинают жаловаться, я могу только сказать, берите пример с русских в том положении, какое у них было в Ленинграде».

Подумайте, Гитлер — величайший враг нашего народа, воздаёт должное подвигу Ленинграда, а мы бесстыдно мусолим вопрос: нужно ли было защищать Ленинград?

До чего же мы дожили, если задаем себе такие вопросы и их обсуждаем? Почему же не стыдимся мы ни памяти героев-солдат, погибших в боях, ни стариков и детей, которые кротко угасали в нетопленных квартирах, а не выходили на демонстрации против тоталитарного режима и не бежали через передовую к немцам, чтобы они их накормили.

Они смиренно: одни с молитвой на устах, другие с именем матери или отца, а третьи с именем Вождя приносили себя в жертву Родине. А мы глумимся, ковыряемся грязными пальцами в священных могилах и витийствуем: а нужна ли была эта жертва? Ни с чем не сравнима жертва, приносимая Богу. Но велика жертва, приносимая и на алтарь Отечества.

Подвига, подобного ленинградскому, не знавала мировая история. Были блокады, были осады, но не было такого жертвенного огня, когда люди десятками тысяч предпочитали умереть за Родину, но не сдать врагу. Нам бы гордиться таким подвигом, а мы задаем кощунственные, страшные вопросы. До каких же пор?

КТО ПОБЕДИЛ В ВОЙНЕ?

Сталин — уникальная фигура мировой истории. В самом деле, на человека клеветают пятьдесят с лишком лет и не могут остановиться. С кем было что-либо подобное?

В 1996 году газета «Вашингтон пост» определяла человека тысячелетия. Согласно результатам опроса, самым плохим человеком был назван Адольф Гитлер (единственный претендент).

Но вот гримасы судьбы: даже о Hitler'е не несут такой ахиней, как о Сталине.

Люди, зарабатывающие деньги и ученые степени на сталинофобии, трудятся круглые сутки, однако приступы обострения болезни у них бывают накануне великих дат советской истории.

Не стал исключением и нынешний юбилей Победы.

Не так давно в общественное мнение запустили мысль-сорняк, что в Великой Отечественной войне победил не Сталин, а народ.

Для кого-то, а в особенности для молодежи, станет открытием, что подобное утверждение родилось совсем недавно. (При Сталине оно существовать просто не могло.) Во всех своих речах и приказах времен войны Сталин говорит только о Красной Армии и о народе, как творцах победы. А если бы при живом Сталине кто-нибудь сказал, что в войне победил Сталин, то он услышал бы от него следующее. В августе 1943 г., когда Сталин посетил Калининский фронт, командующий фронтом А. И. Ерёменко, сказал:

— Сталинград теперь уже история, а творец её — наш народ, партия и вы лично, товарищ Сталин.

Сталин возразил:

— Всё на Сталина валят, Сталин да Сталин. Это неправильно. Я, конечно, давал директивы, но вы уже

непосредственно там командовали и руководили этой битвой. Победил, безусловно, советский народ, во главе с великим русским народом, но им нужно было руководить.

А теперь представим себе стрелковый полк, которому через час идти в атаку. В штабе разработан план наступления, по батальонам и ротам разосланы необходимые приказы. Проведены совещания, политработа, бойцы горят желанием ринуться в бой. И вдруг — всё командование исчезает. От командира полка и начальника штаба до командиров взводов. Солдаты остались одни.

Что же произошло? А произошло ужасное. Единая, спаянная фронтовой дружбой, скреплённая дисциплиной боевая единица превратилась в толпу людей, вооруженных винтовками. Управление потеряно, связи между ротами и батальонами, соседними полками порваны. Это катастрофа. Полк разобьёт заведомо слабейший противник, имеющий лишь одно преимущество: у него есть командиры, они ведут бой, они руководят бойцами. Так римские легионы рассеивали многократно превосходившие их по численности полчища кимбров, тевтонов, галлов.

То же самое и с народом. Народ без вождя, без руководителя — толпа, разрозненное скопище людей, не имеющее ни общей мысли, ни общей цели.

Армия без полководца, театральная труппа без режиссера, хор без регента, команда без тренера, это (по нисходящей) явления одного порядка.

Это настолько очевидно, что доказывать это смешно, но отчего же люди так охотно верят вздору?

Без единого руководства, без единой воли, которая руководит и контролирует работу оборонных заводов, всей промышленности и сельского хозяйства, без цен-

трализованного управления боевыми действиями, не могло быть Победы, мог быть только хаос и всеобщий развал.

Если государство возглавляет мудрый, волевой руководитель, для которого важны интересы народа, а не мирового сообщества, тогда народ совершает чудеса, творит подвиги, которые не меркнут в веках. Это доказано всем ходом нашей советской истории. Если у народа нет волевого руководителя, он... впрочем, все мы хорошо видим, что творится с нашей Россией уже двадцать лет. Сначала страну возглавлял лучший немец, потом горький пьяница...

В итоге заводы стоят, наука дышит на ладан, государство живёт самоедством, продавая природные ресурсы. На очереди продажа земли и лесов.

Если возникнет крупномасштабная война, некогда победоносная армия сейчас не способна защитить государство. Это признают все сведущие люди. Время от времени возникающая похвальба о новых неуязвимых ракетах рассчитана на простаков, сила государства заключается прежде всего в сухопутных войсках.

Тут уж не до чудес, не до подвигов.

Народ без вождя — ничто, но и Вождь без народа — ничто.

Это подметила советская песня:

Вперед, наперекор невзгодам,
Дружной напор, сильней подъём.
Уверен Вождь с таким народом.
Могуч народ с таким Вождём.

Итоговый вывод общеизвестен, но его приходится повторить: войну со злейшим врагом свободы, немецким фашизмом, одержал советский народ, который вела от победы к победе КПСС, возглавляемая генера-

лиссимусом и первым секретарём ЦК т. Сталиным.

Как это скучно, привычно и набило оскомину ещё с советских времен, но что делать, ведь и дважды два всегда четыре, и с этим приходится мириться.

А к юбилею Победы вытащили на свет еще более нелепую выдумку. Насколько мне известно, её изобрел генерал-враль Волкогонов. Получивший от советской власти всё: генеральский чин, кучу наград и ученых званий, он, как нерадивый раб, вчера угодливо лизавший хозяйскую руку, теперь принялся её кусать.

Генерал заявил, что народ одержал победу в войне не благодаря Сталину, а вопреки ему. Долго ли высиживал он эту мыслишку в институте военной истории (заведении весьма серьёзном) неизвестно.

И вот перед нами разворачивается трагическая картина, достойная эпической кисти Микельанджеловского Страшного суда. Весь народ, как один человек, трудится в тылу, не жалея своих сил, не доедает, не досыпает; в тылу на женщинах пахут землю, дети едят лебеду, траву и гнилую картошку; на фронте солдаты бросаются на дзоты, новые Николаи Гастелло направляют горящие самолеты на вражеские эшелоны, новые Зои Космодемьянские восходят на эшафот с именем Вождя на устах; партизаны пускают вражеские составы под откосы; моряки топят немецкие подлодки и транспорты; разгорается огонь сопротивления в Европе.

Десятки миллионов людей живут одной мечтой, одной целью — разгромить, уничтожить немецкий фашизм.

Но есть, есть (!) один человек, который противодействует народу. Он строит тайные козни, ставит палки в колеса, срывает производственные планы. Снабжает дезинформацией Генштаб.

Кто же этот злокозненный человечешко? Что за зловредный микроб, что за змея подколодная? Да так: председатель Государственного Комитета Оборона, Верховный главнокомандующий, председатель Совнаркома, нарком обороны и т. д. Это он всем вредит, это он всюду пакостит, гадит и мешает, чем только может. Но стойкий, отважный советский народ, вопреки ему, все-таки одерживает победу.

Трудно, невозможно комментировать бред. Здесь требуется экстренная помощь врача-психиатра.

В завершение приведу высказывания известных политических деятелей на тему: роль личности в истории или народ и Вождь. У этих деятелей были веские причины не любить т. Сталина, но в отличие от наших «ученых», они были честны.

Александр Керенский. Сталин поднял Россию из пепла. Сделал великой державой. Разгромил Гитлера. Спас Россию и человечество.

Иоахим Риббентроп. В тяжёлые дни после окончания боёв за Сталинград у меня состоялся разговор с Гитлером. Он говорил о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 годах, вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твёрдости этого человека, негибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления.

Уинстон Черчилль. Большим счастьем для России было то, что в годы тяжких испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин.

Зачем же измышляют и навязывают народу всевозможный вздор и бред? Для чего это делается? Для того, чтобы оторвать имя Сталина от Победы, оторвать имя Сталина от истории советского народа, потому что именно Сталин — создатель братской семьи советских народов.

Оплёвывая Сталина, оплевывают все 70 легендарных советских лет, нашу историю, подвиги наших отцов и матерей.

Когда же мы научимся уважать себя, будем гордиться своими героическими предками, своими вождями? Когда же мы опомнимся? Когда из толпы вернемся в нормальное состояние и вновь станем народом-творцом, народом-созидателем, народом-победителем?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ВНЕШНИЙ ВИД	12
ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА	21
ПОЛИТИК	45
Быть независимым	52
Государственный деятель	53
Дипломат	60
Полководец	64
ИТОГИ ЖИЗНИ	74
ИНОЙ СТАЛИН	84
СТАЛИН ПОМОГ	95
ПЛАНЕТА СКОРБИТ	150
СПИСОК АВТОРОВ	165
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	172
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1 Сталин и Hitler	175
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2	188
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3 НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРХОВНЫЙ	189
БЫЛА ЛИ ОПАЛА?	197
НЕ СДАДИМ ЛЕНИНГРАД!	209
КТО ПОБЕДИЛ В ВОЙНЕ?	216

СОБЕСЕДНИКИ СТАЛИНА

Ф. Рузвельт

У. Черчилль

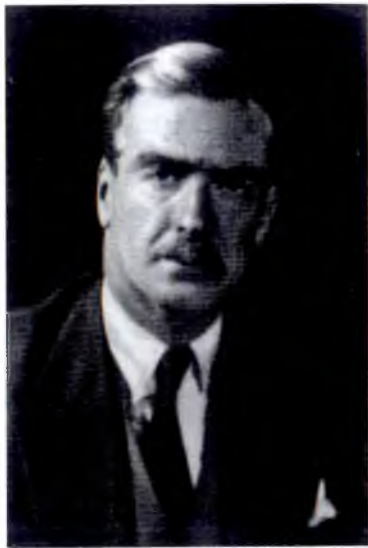
Ш. де Голль

Г. Голдине

А. Гарри ман

А. Иден

А. Брук

Б. Монтгомери

У. Леги

К. Хэлл

И. Риббентроп

С. Криппс

Г. Димитров

В. Мунтерс

М. Джилас

Л. Фейхтвангер

ИМ ПОМОГ СТАЛИН

Архиепископ Лука

Протоиерей
М. Василевский

А Голованов

А. Туполев

В. Баландин

Л. Лисициан

И. Петров

М. Рейзен

Б.Гмыря

М. Булгаков

М. Шолохов

С. Злобин

В. Лацис

С. Сергеев-Ценский

Б. Седух

Б. Стечкин